

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

2022

№ 4

Москва
2022

ВЕСТНИК

Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института

Moscow Information and Technology University – Moscow Architecture and Construction Institute REVIEW

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-71685 от 23.11.2017 г.

ISSN 2619-046X

№ 4 / 2022

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Московский информационно-
технологический университет –
Московский архитектурно-строительный
институт»

Издатель:

Автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Московский информационно-
технологический университет –
Московский архитектурно-строительный
институт»

Адрес редакции:

117447, г. Москва, ул. Введенского,
д. 1 «А»

Адрес издателя:

109316, г. Москва, Волгоградский
проспект, д. 32, корп. 11

Интернет-адрес:

<http://mitu-masi.ru/>

**E-mail: Semenova.D@mfua.ru,
Bessarabova.N@mfua.ru**

На сайте «Объединенного каталога “Пресса России”» можно оформить подписку на печатную версию журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» по подписному индексу Э66012, а так же подписаться через интернет-магазин «Пресса по подписке»

Отдел рекламы и подписки:

Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

Главный редактор

Г.А. Забелина

кандидат педагогических наук, доцент,
ректор Московского информационно-технологического
университета – Московского архитектурно-
строительного института

Редакционная коллегия:

Строительство и архитектура

доктор технических наук, профессор Т.В. Колесникова
доктор технических наук, профессор В.М. Овсянников
доктор физико-математических наук, профессор
А.А. Локтев

доктор технических наук, доцент В.П. Сычев
доктор технических наук, профессор Г.И. Ефремов
доктор архитектуры, профессор В.В. Пищулина
доктор архитектуры, профессор Р.М. Муксинов
кандидат архитектуры, доцент Е.А. Булгакова
кандидат архитектуры, профессор Л.В. Петрова
кандидат архитектуры, доцент М.Ф. Уткин
кандидат архитектуры, доцент Г.И. Быкова
кандидат архитектуры, доцент Г.И. Наумкин
кандидат архитектуры, доцент Б.Л. Крундышев
кандидат архитектуры, доцент Н.В. Дубынин

Филология

доктор филологических наук, профессор М.Я. Блох
доктор педагогических наук З.И. Курцева
доктор филологических наук, профессор Н.Н. Соловьева
доктор филологических наук, профессор С.П. Толкачев
доктор педагогических наук, доцент В.Д. Янченко
доктор филологических наук, профессор Н.Н. Запольская
доктор филологических наук, профессор С.В. Сапожков
доктор филологических наук, доцент П.В. Морослин
кандидат педагогических наук, доцент Н.Н. Ширяева
кандидат филологических наук, доцент С.В. Левичева
кандидат филологических наук О.В. Афанасьева

Психология

доктор психологических наук, профессор А.К. Осницкий
доктор психологических наук Е.А. Бауэр
доктор медицинских наук М.М. Аксенов
кандидат психологических наук, доцент Т.В. Гольцова
кандидат психологических наук, доцент Е.В. Омельчанко
кандидат психологических наук Е.Л. Бокуть
кандидат психологических наук А.Л. Рассказова

Ответственные редакторы:

кандидат исторических наук, доцент
Н.В. Бессарабова
Тел. (499) 979-00-99, доб. 1135
E-mail: Bessarabova.N@mfua.ru

Д.А. Семёнова
Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134
E-mail: Semenova.D@mfua.ru

© Московский информационно-технологический
университет – Московский архитектурно-
строительный институт, 2022

Содержание

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

<i>Е.А. Булгакова</i> Перспективы развития профессии архитектора в условиях цифровизации	7
<i>Е.А. Дьячкова</i> Практический опыт внедрения игровых методик в обучение архитектурных специальностей	13
<i>Л.В. Петрова, М.В. Горячкина</i> Сохранение социокультурной и национальной идентичности при ревалоризации промышленного наследия (на примере памятников промышленного зодчества России и Китая).....	21
<i>А.С. Субботин, В.В. Бимбирис</i> Положительные аспекты применения цифровых технологий при восстановлении разрушенной городской среды	28
<i>А.Р. Забегина, Е.А. Булгакова</i> Технологии информационного моделирования как инструмент проектирования архитектурных объектов	36
<i>А.Р. Забегина</i> Роль и место технологий моделирования (ТИМ) в современном архитектурном проектировании	42
<i>М.В. Бузаева, О.В. Агеева, И.А. Антипова</i> Полимерные базальтоволоконные композиты в строительстве	49
<i>А.А. Арский</i> Учет эффективного радиуса при строительстве и эксплуатации логистического центра	55

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>С.Н. Самарская</i> Лингвистические средства создания авторской интенции (на материале публицистической статьи Д. Гранина «Прописанные навечно»)	59
<i>Д.Ю. Сырышева</i> Экзистенциальное осмысление прошлого в повести Н.Е. Дьячковской «Исповедь исчезнувших».....	67
<i>Т.А. Батурина</i> Языковые средства реализации идеологической модальности при освещении военного конфликта на Украине (на материале заголовков новостных текстов СМИ)	73
<i>Е.В. Петрова</i> Семантический супплемент риска концепта «удача» в языковом сознании носителей польской и русской лингвокультур.....	79

А.В. Титова

Прозвища военачальников как социумно-прецедентный феномен
военной субкультуры 83

И.В. Балканов, И.А. Мурог

Военная терминология в межъязыковом субтитровании
(на примере сериала «The Liberator») 89

Т.Ю. Давыдова, Д.В. Балаганов, Д.В. Глухов

Современные подходы к исследованию
синхронно-переводческой деятельности 96

Е.В. Черных

Межъязыковая интерференция в переводе
как единство процесса и результата 102

С.В. Левичева, Е.С. Разумовская

Особенности перевода туристической терминологии 110

ПСИХОЛОГИЯ

А. Поляцкина, Е.Н. Скрипачева

Психологическая характеристика социальной идентичности
у подростков, занимающихся футболом 117

А.С. Землянская

Психологическая подготовка студентов к волонтерской деятельности
посредством авторской программы «Лидеры ДОБРА» 125

Е.Д. Липатова

Особенности самоотношения у юношей и девушек,
/переживших эмоциональное насилие 134

В.В. Мусихин

Подходы к изучению психических процессов,
оказывающих влияние на изучение иностранных языков 142

И. Литвинова, Е.Н. Скрипачева

Некоторые теоретико-практические аспекты работы
со стрессоустойчивостью военнослужащих 147

Приглашение к публикации 152

Contents

CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE

<i>E.A. Bulgakova</i> Prospects for the development of the architect profession in the conditions of digitalization.....	7
<i>E.A. Diachkova</i> Practical experience of using game methods in teaching architectural specialties	13
<i>L.V. Petrova, M.V. Goriachkina</i> Preservation of socio-cultural and national identity while revalorizing industrial heritage. The experience of China and Russia	21
<i>A.S. Subbotin, B.B. Bimbiris</i> Positive aspects of the use of digital technologies while restoring of the destroyed urban environment.....	28
<i>A.R. Zabegina, E.A. Bulgakova</i> Information modeling technologies as a tool for designing architectural objects	36
<i>A.R. Zabegina</i> The role and place of Building Information Modeling (BIM) in modern architectural design	42
<i>M.V. Buzaeva, O.V. Ageeva, I.A. Antipova</i> Polymer basalt fiber composites in construction	49
<i>A.A. Arskiy</i> Consideration of the effective radius during the construction and operation of the logistics center.....	55

LINGUISTICS

<i>S.N. Samarskaya</i> Linguistic means of expressing the author's intention (based on the material of D. Granin's journalistic article «Prescribed forever»).....	59
<i>D.Yu. Syryseva</i> Existential understanding of the past in the novella «Confession of the Disappeared» by N.E. Dyachkovskaya	67
<i>T.A. Baturina</i> Linguistic means of ideological modality in the coverage of the military conflict in Ukraine (on the material of media headlines)	73
<i>E.V. Petrova</i> Semantic risk supplement of the «luck» concept in native speakers' linguistic consciousness of the polish and russian linguocultures	79
<i>A.V. Titova</i> Military leaders' nicknames as a socium precedent phenomenon of military subculture	83

<i>I.V. Balkanov, I.A. Murog</i> Military terminology in interlingual subtitling (exemplified by «The Liberator» miniseries).....	89
<i>T.Yu. Davydova, D.V. Balaganov, D.V. Glukhov</i> Modern approaches to simultaneous interpretation activity research	96
<i>E.V. Chernykh</i> Crosslanguage interference in translation as a unity of process and result	102
<i>S.V. Levicheva, E.S. Razumovskaya</i> Features of translation of tourist terminology	110

PSYCHOLOGY

<i>A. Polyatskina, E.N. Skripacheva</i> Psychological characteristics of social identity in teenagers playing football	117
<i>A.S. Zemlyanskaya</i> Psychological preparation of students for volunteering through the author's program «Leaders of GOOD»	125
<i>E.D. Lipatova</i> Features of self-attitude among boys and girls having suffered emotional abuse.....	134
<i>V.V. Musikhin</i> Approaches to the study of mental processes influencing the study of foreign languages	142
<i>I. Litvinova, E.N. Skripacheva</i> Some theoretical and practical aspects of working with the stress resistance of military personnel	147
<i>The invitation to the publication</i>	152

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE

УДК 721

doi: 10.52470/2619046X_2022_4_7

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИИ АРХИТЕКТОРА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Е.А. Булгакова

Аннотация. В статье рассмотрены проблема цифровизации архитектурной деятельности и основные этапы интеграции информационно-компьютерных технологий и архитектуры, а также связанные с этим явления изменения проектной методологии. Анализируются аспекты становления современной проектной технологии, где одним из основных инструментов становится TIM (технологии информационного моделирования), который выступает как интеграционная среда для множества дисциплин. Делается вывод о том, что образовательная среда способствует продвижению информационных технологий и становится стартовой площадкой для апробации новой методологии проектирования.

Ключевые слова: цифровизация, архитектура, экология, технологии информационного моделирования, проектирование.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE ARCHITECT PROFESSION IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

E.A. Bulgakova

Abstract. The article considers the problem of digitalization of architectural activity and the main stages of the integration of information and computer technologies and architecture, as well as changes in the design methodology associated with this phenomenon. The aspects of the formation of modern design technology are analyzed, where one of the main tools is TIM (information modeling technology), which acts as an integration environment for many disciplines. It is concluded that the educational environment contributes to the promotion of information technology and becomes a launching pad for testing a new design methodology.

Keywords: digitalization, architecture, ecology, information modeling technologies, design.

По последним данным социологов, в недалеком будущем половина работы, выполняемой людьми, будет выполняться искусственным интеллектом. Трансформации подвергнутся даже те профессии, которые традиционно связаны с прикладными науками [1].

По оценкам аналитиков, за пять лет во всем мире потеряно более 7 млн рабочих мест, поскольку искусственный интеллект и другие социально-экономические факторы заменяют потребность в людях.

Что касается профессии архитектора, то в ней наиболее низкий показатель замещения труда человека машинами – менее 2 %. В схожем положении сегодня находятся представители и других творческих профессий. Все эти профессии требуют высокого уровня человеческого взаимодействия и имеют низкий процент повторяющихся действий. Значительную роль в них играют soft skills – навыки установления эмоционального контакта, навыки распознавания эмоционально насыщенных образов и особенно – навыки создания таких образов [2].

Все эти способности с большим трудом поддаются алгоритмизации. Во многих случаях вообще нет возможности использовать повторяющиеся схемы и приемы, поскольку требуется фактически непрерывная опора на творческий способ решения текущих задач. Заметим, что в данном случае творческими мы называем такие способы, которые подразумевают уникальный характер решаемой задачи – в процессе работы с эмоционально нагруженными образами каждая задача решается так, как будто она возникла впервые и не существует стандартных способов ее решения [3].

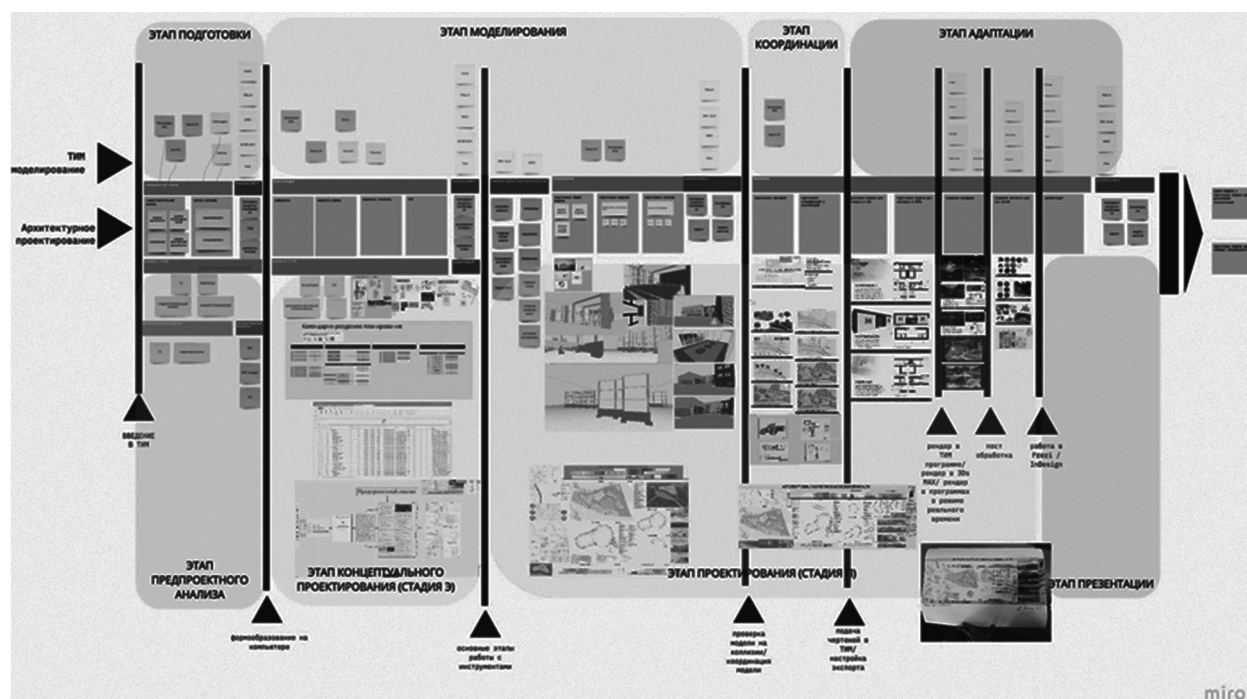
Таким образом, рабочие места, связанные с когнитивными навыками, критическим мышлением и творчеством, будут наименее подвержены замене искусственным интеллектом.

Умение критически мыслить и оценивать информацию с глобальной точки зрения будет более ценным, чем то, что сегодня выглядит как самая захватывающая перспектива, – например, работа специалиста направления IT.

В этом смысле архитекторы, которые связаны с пространственным восприятием вещей и решением творческих задач, в настоящее время наименее подвержены замене искусственным интеллектом.

Но это вовсе не означает, что профессия архитектора не претерпевает глубоких преобразований: компьютеры и программное обеспечение устраняют утомительные повторяющиеся действия, оптимизируя производство технических материалов и позволяя, среди прочего, уменьшать размеры архитектурных бюро [8]. С каждым разом требуется все меньше архитекторов для разработки все более сложных проектов.

Активное развитие цифровых технологий привело к тому, что на наших глазах изменяется не только технология создания чертежей с помощью пространственного моделирования, внедрение в рабочий процесс большого единого пространства проектной документации с множеством различных разделов, но и меняется принцип и метод работы по созданию самого архитектурного произведения.

**Рисунок 1. Модель интеграции традиционных этапов проектирования
в процесс технологии информационного моделирования**

Цифровые технологии – это уже не способ создания чертежей, это уже определенный метод работы и рождения архитектуры и формирования нового проектного пространства. Это инструмент для обоснования проведения любой творческой деятельности, связанной с архитектурой. Это возможность сбора огромного количества информации, которая формирует и принцип, и стиль проектирования.

В этой связи необходимо осознать, что когда-то просто инструмент для создания чертежей, который прилагался, как и многое другое к процессу архитектурного проектирования, стал полновесным явлением, в котором уже сама архитектура является лишь небольшой частью происходящего внутри него. Таким образом, можно говорить о проектировании в технологиях информационного моделирования зданий и сооружений, где данный инструмент, оптимизирует традиционные этапы проектирования. На *рисунке 1* представлена модель интеграции традиционных этапов проектирования в процесс технологии информационного моделирования.

С другой стороны, насыщение рынка труда побудило тысячи архитекторов использовать полученные навыки для освоения смежных и новых сфер деятельности. И хотя некоторые все еще ведут дискуссии о том, следует ли проектировать карандашом или компьютерной мышью, виртуальная и дополненная реальность, 3D-печать и достижения, которые демонстрирует искусственный интеллект, продолжают формировать дискуссии о профессии архитектора в ближайшие годы [4].

Отдельной темой развития цифровых технологий в архитектурно-строительной сфере является тема эмоционального наполнения архитектурных образов. Эмоционально-образная компонента архитектурного проекта – это как раз та его часть, которая принципиально не может быть передана компьютеру: главным образом потому, что мы до сих пор очень слабо представляем себе, как функционирует эмоциональный интеллект человека, какими путями возникают эмоционально наполненные образы. Эмоциональное наполнение городской среды все еще остается слабо изученным вопросом на пересечении архитектуры, психологии, социологии и урбанистики.

В последние годы настойчиво обсуждаются идеи о возникновении новой науки, трактующей законы построения городской среды, не просто удобной и эффективной, но еще и приятной для обитания. Эта новая наука получила название «гедономика» по аналогии с эргономикой, изучающей закономерности достижения телесного комфорта.

Иерархию эргономики и гедономики можно сравнить с пирамидой человеческих потребностей А. Маслоу (*рисунок 2*).

Эргономические потребности, такие как безопасность, функциональность и удобство использования, будут находиться в нижней части пирамиды, а гедономические потребности, такие как получение удовольствия и личное совершенство, будут на вершине пирамиды.

Технологическая составляющая архитектуры всегда стояла наравне с творчески поиском и сегодня, в период господства цифровизации, междисциплинарный характер направления становится еще более явным. Если обратится к Витрувианской формуле о прочности, пользе и красоте с сегодняшними пользой и прочностью, то в XXI в. экология и цифровизация, как польза и прочность, становятся основными понятиями в проектировании. Стало быть, и преподавание, которое в полном объеме не проводится по этим предметам, лишает будущих архитекторов профессионального будущего.

Создание современных архитектурных проектов и проектов средового дизайна основано на принципах устойчивого развития, сохранения потенциала Земли, экономии ресурсов, социальной устойчивости проекта. Все эти понятия уже формируют не только нормативную базу проектирования, но и, прежде всего, понятийную и концептуальную её сторону. Именно экология становится ведущим предметом для профессионалов в области архитектуры и дизайна в XXI в. Именно её необходимо помещать в качестве основания образовательного

Рисунок 2. Пирамида человеческих потребностей А. Маслоу

процесса, вокруг которого будут развиваться другие предметы. Без такого кардинального изменения даже не в учебной программе, а в осознании преобладающей образовательной парадигмы, все изменения в структуре и наполненности предметов останутся лишь эпизодами в процессе отставания и деградации архитектурного и дизайнерского образования.

Необходимо создавать обновленную структуру предметов, в которых в разном виде входят современные понятия экологического мышления. Вот небольшой перечень учебных дисциплин, которые формируют мировоззренческий аппарат современного архитектора:

- современное материаловедение;
- устойчивое проектирование;
- социальная типология;
- типология среды;
- городской ландшафт и энергосбережение;
- экономика проектирования;
- экология и ресурсы проектирования.

Без такого рода революционных изменений невозможно менять мировоззрение молодому поколению, которому предстоит пройти экологический переход, связанный с осознанием иного качества жизни и иных принципов ее устройства.

Цифровизация архитектурно-строительной сферы зачастую воспринимается как нечто, возникшее неожиданно и стремительно выросшее до глобальных масштабов вопреки всем прогнозам. Тем не менее, появление и развитие цифровых технологий архитектурного проектирования является логичным и закономерным этапом перехода от кустарно-индивидуального подхода к промышленному, потоковому производству конечного продукта.

Подобный переход испытали уже многие сферы, начиная с текстильной индустрии Великобритании в далеком XVIII в. Теперь пришел черед архитектурно-строительной

сферы, и нет оснований думать, что переход к массовому производству проектов будет протекать каким-либо принципиально иным путем, чем в большинстве предыдущих эпизодов этого глобального тренда. Так каким же будет содержание архитектурного проектирования в цифровую эпоху?

По мере того, как цифровые архитектурно-строительные технологии совершенствуются и получают все более широкое распространение, перемещаются акценты в этапах проектирования и строительства. Конструктивная и сметная часть общего процесса все более специализируется и обзаводится собственным арсеналом программного обеспечения. Но концептуальное проектирование и визуализации также расходятся все дальше – как по функциям, так и по инструментарию.

Соблазны цифровых методов репрезентации проекта заключаются в том, что совершенство техники может легко замаскировать отсутствие оригинальной идеи или ее глубокие недостатки.

Имитация реальности методами компьютерной графики дает огромные возможности для адекватного отображения архитектурной идеи [7] – но она же позволяет незаметно приукрашивать эту идею, сознательно или бессознательно обманывая зрителя. Именно поэтому цифровые методы проектирования не отменяют традиционные методы архитектурного эскизирования, а напротив, делают их еще более актуальными и необходимыми.

Архитектура, как никакая другая сфера, может и способствовать индивидуализации, и подавлять ее. Сегодня, когда виртуальная и дополненная реальность являются одним из элементов трансформации, возможности архитектора выглядят безграничными [5].

Цифровые технологии могут повысить ценность жизни, но могут и лишить ее ценности. Некоторые этические точки зрения могут быть очевидны, а другие нет. Все должно быть решено так, чтобы цифровая эпоха была хороша и для каждого из нас, и для мира в целом. Этого можно достичь только с помощью эффективных программ обучения и повышения осведомленности в области цифровой этики.

Архитектура – область, где влияние принимаемых решений на состояние множества людей, их комфорт или неудобства, здоровье или болезни, счастье или несчастье особенно заметно. Архитектурные решения, способны повлиять на образ жизни нескольких поколений, сотен тысяч или миллионов людей – жителей города, который будет построен по тому или иному проекту. Цифровые технологии дают в руки архитектора новые возможности [6]. Границы формотворчества расширяются до горизонта и дальше. Скорость воплощения проекта в материал растет фантастическими темпами. В этой, новой реальности архитектурно-строительная сфера просто не имеет права отставать от переднего края цифровой революции.

А преподавание архитектурных дисциплин должно удерживать позицию, расположенную еще дальше в будущем – там, где передний край развития технологий проектирования и строительства окажется через несколько лет [9]. Готовить студентов к сегодняшнему уровню цифровых технологий – означает опаздывать. Не догоняющий, а опережающий режим обучения нужен сегодня.

Библиографический список

1. Булгакова Е.А. Дистанционные электронные технологии в архитектурном образовании. М., 2021
2. Булгакова Е.А. Некоторые аспекты цифровизации архитектурно-строительной отрасли на современном этапе // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 2.
3. Булгакова Е.А. Место, где учат // Проект Байкал. 2020. Т. 17. № 66.
4. Булгакова Е.А. Цифровизация архитектурно-строительного проектирования: проблемы и возможности // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования Российской академии

архитектуры и строительных наук по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2019 году: сборник научных трудов РААСН. М., 2022.

5. Булгакова Е.А., Меерович М.Г. Учебное пособие для преподавателей вузов по разработке дистанционных курсов обучения по направлению «Архитектура» // Хроники объединенного фонда электронных ресурсов наука и образование. 2016. № 5 (84).
6. Булгакова Е.А. Цифровизация архитектурного образования // Молодая наука-2020: сборник трудов VII Всероссийской студенческой научно-практической конференции. М., 2020.
7. Ильвицкая С.В., Петрова С.В., Булгакова Е.А. Комплексный подход к интегрированию инновационных методов образования в систему подготовки студентов // Архитектурно-художественное образовательное пространство будущего: сборник Международной научно-методической конференции. Ростов-на-Дону, 2015.
8. Мусаелова С.В., Булгакова Е.А. Процессы преобразования архитектурной деятельности вследствие использования компьютерных технологий // Молодая наука-2020: сборник трудов VII Всероссийской студенческой научно-практической конференции. М., 2020.
9. Ilvickaja S.V., Petrova L.V., Bulgakova E.A., Koneva E.V. Formation of innovative qualities of the technique of training in system of training of architects // Навигатор в мире науки и образования. 2017. № 1-1 (34).

Е.А. Булгакова

кандидат архитектуры, доцент

заведующий кафедрой архитектуры и дизайна

Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт

E-mail: traumeels@mail.ru

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ИГРОВЫХ МЕТОДИК В ОБУЧЕНИЕ АРХИТЕКТУРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Е.А. Дьячкова

Аннотация. В статье обозначены компоненты подготовки модели дистанционного обучения архитектурных специальностей. Сжато изложена их сущность и приведены примеры использования методик обучения для архитектурных специальностей. Отмечена необходимость развития методик преподавания архитектурных дисциплин, в частности практикоориентированных по архитектурной композиции и архитектурной графике в контексте архитектурной подготовки высшей школы.

Ключевые слова: архитектурное образование, дистанционное обучение, учебный процесс, архитектор, архитектура.

PRACTICAL EXPERIENCE OF USING GAME METHODS IN TEACHING ARCHITECTURAL SPECIALTIES

E.A. Diachkova

Abstract. The components of the preparation of a distance learning model for architectural specialties are indicated. Their essence is concisely stated and examples of the use of teaching methods for architectural specialties are given. The need to develop methods of teaching architectural disciplines and, in particular, practice-oriented ones in architectural composition and architectural graphics in the context of architectural training in higher education are noted.

Keywords: architectural education, distance learning, educational process, architect, architecture.

Результаты по профессиональным дисциплинам включают в себя требования к результатам освоения программы бакалавриата по специальности 07.03.01 «Архитектура», отраженные в универсальных компетенциях (УК) УК1-УК10, общепрофессиональных компетенциях (ОПК) ОПК1-ОПК5 и профессиональных компетенциях (ПК) ПК1-ПК4 [1].

На основе полученных результатов по профессиональным дисциплинам и практикам, проводимым в ходе организации дистанционного обучения, были выбраны отдельные дисциплины (все они являются практикоориентированными): «Архитектурное проектирование», «Объемно-пространственная композиция», «История архитектуры, градостроительства и дизайна», «Архитектурная типология» и «Доступная среда». Данные учебные дисциплины в полной мере отражают весь спектр методов, средств и технологий обучения, представленных в модели. «Архитектурное проектирование» изучается на протяжении всего периода обучения, с 1 по 5 курс, и множество учебных разделов, наполненных различным содержанием и архитектурными проектами, позволяют применять для его изучения различные методы, средства или приемы обучения. «Объемно-пространственная композиция» и «История архитектуры, градостроительства и дизайна» изучаются на первом курсе в течение двух семестров. «Архитектурная типология» и «Доступная среда» изучаются на третьем курсе в течение двух семестров.

При отборе предметного содержания в качестве основы была взята рабочая программа (РПД) МИТУ-МАСИ по выше указанным дисциплинам. При разработке РПД использова-

лись следующие электронно-библиотечные системы (ЭБС): ЭБС «IPRBooks», ЭБС «Юрайт», ЭБС «Консультант студента», которые полностью соответствуют требованиям федеральных государственных образовательных стандартов третьего поколения ФГОС ВО 3++.

Для формирования **мотивационного компонента** студентам была предложена деловая игра. Деловая игра является воспроизведением предметов и социальных отношений в процессе профессиональной деятельности, моделированием взаимоотношений между членами будущей профессии. В ходе обучения студенты архитектурных специальностей приобретают навыки сотрудничества, ценностных ориентации и установок на предстоящую творческую деятельность. Деловая игра как «особая форма наглядности, помогает систематизировать знания о рассматриваемом процессе или явлении, определяет структуру связей между их компонентами, открывает возможность для более глубокого проникновения в суть явления, активизирует внутренние и внешние мотивирующие факторы развития готовности студентов архитектурных специальностей к профессиональной деятельности» [2, с. 41–42].

Так, например, была проведена деловая игра «Архитектор». Виртуальному архитектурному бюро поступил заказ на проектирование досугового центра. Студентам необходимо было поделиться на группы, выбрать руководителя проекта. Студент на должности руководителя бюро отбирает в свою команду «работников» из состава студентов своей группы (опираясь на знания о менеджменте и на личные предпочтения), формирует концепцию проекта исходя из задач и целей осуществления проектов со стороны их творческих способностей сотрудников. У каждого обучающегося есть возможность развить свои управленческие и коммуникационные качества, профессиональные и поведенческие навыки. Он может взять на себя ответственность за итог совместной работы. Опыт показал, что этот вид занятия вызывает заинтересованность и создает благоприятные условия для профессионально-творческой деятельности.

Для формирования **когнитивного компонента** студентам предлагались тестовые задания. Приведем примеры тестовых заданий составленных по материалам курса «Архитектурное проектирование» за 2–3 курсы:

1. Каким главным требованиям должны отвечать архитектурные сооружения?
 - а) функциональной целесообразностью (польза);
 - б) иметь хороший внешний вид и быть прочным;
 - в) обеспечивать единство прочности, пользы и красоты;
 - г) удовлетворять потребности заказчика и архитектора.
2. Кому принадлежит высказывание о том, что в архитектуре должны выступать в единстве польза, прочность, красота?
 - а) древнеримскому архитектору Витрувию;
 - б) известному архитектору эпохи Возрождения Виньоле;
 - в) отечественному архитектору академику Желтовскому;
 - г) французскому архитектору Ле Карбюзье.
3. Что понимается под этажом в здании?
 - а) помещения, примыкающие к одной лестничной клетке;
 - б) помещения, расположенные выше спланированного уровня земли;
 - в) часть здания с помещениями, расположенными в одном уровне;
 - г) несколько помещений, имеющих непосредственную связь с коридором.

Один из примеров заданий для формирования деятельностно-практического компонента – веб-квест.

Веб-квест – это результативный метод, призванный активизировать работу в группе студентов, поскольку его содержимое наполнено различными образовательными материалами профессионального свойства, что увеличивает мотивацию и даёт шанс применять специальные профессиональные навыки в специально составленных ситуациях обучения.

Студентам был предложен веб-квест (проблемное задание с элементами ролевой игры в группах, для выполнения которого используются информационные ресурсы Интернета) «Малые города и исторические поселения ближайшего Подмосковья». Квест проводился в интерактивном музее МИТУ-МАСИ. Студентам была предложена аналитическая задача: найти и систематизировать материалы с помощью каталога экспозиции. В результате студенты смогли создать каталожную карту части экспозиции. Эта форма работы позволила зафиксировать теоретические знания об истории архитектурного проектирования малых городов и поселений в столице и в Московской области, что дает возможность сопоставить их с представлениями о новом городском строительстве, заинтересовать студентов краеведческой работой и увязать её со специальностью архитектора.

Для архитектурных специальностей вузов ключевым является **творческий и оценочно-рефлексивный компонент**, который отрабатывается и проверяется с помощью участия студентов в практической деятельности. В рамках учебного процесса это создание среды, максимально приближенной к рабочей обстановке. Для вузовской линейки предлагается чемпионат WorldSkills Russia T23 «Архитектура».

Чемпионат проводится ежегодно, имеет три этапа. Первый этап – это внутривузовский отбор между студентами. Второй этап – чемпионат между студентами московских и подмосковных архитектурно-художественных вузов. Третий этап проводится на всероссийском уровне. В таких чемпионатах студент-архитектор максимально погружен в атмосферу практически-прикладного проектирования. Задание, выдаваемое на чемпионате, составляется реальным заказчиком, и лучший проект может быть реализован. WorldSkills Russia проводится на протяжении трех дней, в первый день участникам выдается задание для ознакомления, а также проходит жеребьевка мест участников и подготовка к началу чемпионата. Второй день включает в себя эскизирование, анализ, создание генерального плана проекта. Третий день – проектирование и вычерчивание поэтажных планов, разрезов и фасадов, создание 3D-модели объекта, презентация и защита проекта. Задания, выдаваемые на чемпионате, приближены к реальному техническому архитектурному заданию. Например, предлагается спроектировать культурно-досуговый центр или торгово-развлекательный центр.

В организации дистанционного обучения студентов архитектурных специальностей были реализованы методы, приемы и технологии обучения, используемые при освоении обучающимися образовательных программ по отдельным дисциплинам в процессе дистанционного обучения в формах видеоконференций, вебинаров, чатов, блогов и пр. Например, ежегодная конференция МИТУ-МАСИ «Молодая наука», темы: «Устойчивая архитектура», «Дикость и цивилизация», «Мой город – моя Москва»

При анализе и отборе методов, используемых при организации дистанционного обучения студентов архитектурных специальностей, используется система «общедидактических методов обучения: объяснительно-иллюстративный и репродуктивный методы, проблемное изложение, частично-поисковый и исследовательский методы» [5, с. 114], охватывающих все варианты педагогического взаимодействия педагога и обучающихся. В процессе изучения учебной дисциплины «Архитектурное проектирование» на дистанционных курсах в форме видеоконференции, были реализованы общедидактические методы обучения – через специфические «приемы обучения, каждый из которых представляет собой конкретное действие, направленное на достижение частной цели и выполняемое с помощью различных дидактических средств обучения» [5, с. 133]. Реализация методов обучения осуществлялась через авторские приемы, которые наиболее эффективно использовались при организации дистанционного обучения архитектурных специальностей.

Приближенность занятий в формате видеоконференции и вебинара к традиционному ведению «пары» позволила применять объяснительно-иллюстративный и репродуктивный

методы при изучении различного учебного материала и на занятиях почти любого типа. Так как средства дистанционного обучения обладают почти неограниченными возможностями для концентрированной передачи информации в виде презентаций, аудио-, фото-, видеоматериалов, слайдшоу, динамических моделей, 3D-моделей, были использованы ресурсы Интернета. Аналогичные задания направлены на повышение когнитивного компонента.

Например, по дисциплине «История архитектуры», при изучении темы «Архитектура Египта» на 2 курсе в 3 семестре, был использован видеофрагмент мультфильма «Принц Египта». Просмотр открывал блок вопросов, на которые студенты должны были ответить после просмотра. Примеры вопросов: «Как происходило строительство пирамид?», «Действительно ли использовался рабский труд?», «Какова иерархия управления проектом строительства в Древнем Египте?». То есть студенты пробовали отвечать на ряд вопросов, ответы на которые раскрываются по окончании лекции по теме. Еще один вариант использования видеофрагмента – это просмотр без звука. На примере дисциплины «Архитектурная типология» обучающимся предлагается посмотреть видеофрагмент, описывающий какие-то процессы строительства, но при этом отключается звуковое сопровождение фильма. Студентам необходимо описать наблюдаемые процессы, ответить на вопросы.

Репродуктивный метод использовался на дистанционных занятиях по дисциплинам архитектурных специальностей в вузе в основном для закрепления знаний, умений, способностей деятельности и организации поддержки обратной связи со студентами в ходе «пары»-видеоконференции. На практике это было реализовано в виде различных заданий, которые на постоянной основе выполняют обучающиеся. В качестве заданий были использованы тематические тесты, задачи, задания по составлению планов, схем, инфографики и таблиц. Например, на дистанционной паре по дисциплине «Архитектурная типология» при изучении темы «Многоэтажный жилой дом», обучающимся было предложено составить таблицу с современными застройщиками и их основными объектами строительства за 2020–2021 гг. Подобный прием использовался для работы и по дисциплине «Доступная среда» для подбора аналогов устройств зон доступности для маломобильных групп населения за рубежом и т.д. Используя возможности интерактивной доски MIRO, студентам систематически предлагалось выполнять следующие по типу задания: «Подбор и анализ аналогов», «Сортировка объектов», «Инфографика», «Таблицы» и проч.

Система творческого поиска, разработанная В.А. Моляко [6], предполагает отработку и использование пяти основных стратегий: поиск аналогов, комбинаторные действия, реконструктивные действия, универсальные стратегии, стратегии спонтанных подстановок.

По всем учебным дисциплинам возросла роль символических изображений – диаграмм, графиков, таблиц, которые в наглядной форме демонстрируют различные процессы. Поэтому активно использовались возможности дистанционных и интерактивных технологий, позволяющие создавать и преобразовывать графические объекты. Например, по архитектурному проектированию при изучении и анализе аналогов архитектурных форм, а также при анализе существующей градостроительной застройки, обучающиеся получали задание составить динамическую схему, описывающую стадии развития данной территории. При этом студенты преобразовывали информацию из различных источников (текстовых, фотографий и др.) в графическую форму. Схожие навыки, обучающиеся приобретали при выполнении заданий на составление диаграмм. Например, в рамках дисциплины «Архитектурное проектирование», необходимо составить диаграмму, показывающую экологическую составляющую (загрязненность территории, розу ветров, возможности шумоизоляции территории и др.), пользуясь доступными Интернет-ресурсами, а также материалами учебника. Многие из подобных заданий студенты выполняли на интерактивной доске в режиме реального времени, а также с возможностью общего доступа или на персональных компьютерах.

Для адаптации студентов к дистанционному формату были предложены дистанционные игры «Блиц-игра тень» и «Деловой старт», разработанные и адаптированные специально под дистанционный формат для раскрепощения студентов и упрощения процесса перехода в цифровую среду. Данные задания направлены на улучшение **мотивационного компонента** готовности. Суть игр заключается в создании малой архитектурной формы в процессе игры, с помощью средств, которые обычно не применяются в рамках студенческого проектирования. Например, из смятого листка бумаги предлагалось сделать детскую игровую площадку, или с помощью спагетти и листка бумаги сконструировать автобусную остановку.

Для повышения **деятельностно-практического и творческого компонентов** готовности используется метод клаузуры и ассоциативный метод.

Клаузура – это первоначальный набросок, который позволяет проявить фантазию, воображение, выявить композиционные способности и неординарный подход к данной теме. Также она развивает быстрое мышление, быструю реакцию на рабочий процесс. Кратковременная клаузура имеет целью концентрировать творческую энергию студента, побудить его фантазию к интенсивной работе и вызвать продуктивное использование навыков при первом знакомстве с темой: уловить ее основную суть, выявить с наибольшей отчетливостью своё отношение к теме, определить в общих чертах архитектурный и композиционный замысел объекта в конкретной среде. Клаузура – это учебное упражнение, с помощью которого проверяют практические знания студентов при решении архитектурных задач, также оно помогает мыслить нестандартно, проявлять фантазию. В рамках дистанционного обучения такой метод применяется регулярно по выбранным дисциплинам: «Архитектурное проектирование», «Объемно-пространственная композиция», «История архитектуры, градостроительства и дизайна», «Архитектурная типология» и «Доступная среда». Клаузура всегда выполняется вручную на листе бумаги, в дистанционном формате адаптировано выполнение на графическом планшете с использованием доски Миро, с применением различных графических приемов, которыми владеет студент.

Например, по дисциплине «Архитектурное проектирование» выдается задание на проектирование досугового центра. Студенту за ограниченное количество времени (два занятия) необходимо собрать информацию об объекте, найти аналоги и выполнить эскиз проекта на доске Миро. По итогу студент сдает эскиз проекта, выполненный в короткие сроки, который в дальнейшем является основанием для разработки учебного архитектурного проекта. Аналогичное задание выполняется по дисциплине «Формирование безбарьерной среды», где выдается готовый проект, в котором за одно занятие необходимо обеспечить полную доступность среды для инвалидов-колясочников, с помощью средств оборудования доступности инвалидов.

В рамках дистанционного обучения этот метод ассоциативного проектирования подходит для многих творческих заданий по архитектурному проектированию, а также он может использоваться в качестве небольших экспериментов при изучении дисциплин «Объемно-пространственная композиция» и «Архитектурная типология».

Например, по дисциплинам «Объемно-пространственная композиция» или «Макетирование» выдается задание: выбрать и изучить какое-либо насекомое. Студенты выбрали пауков, богомоллов, жуков с крупными рогами или бабочек. Выбранное насекомое необходимо было зарисовать и выявить его тектонические и конструктивные свойства. На основе такого аналитического рисунка следовало создать эскиз макета моста. По итогу отработки данного задания получились макеты, выполненные с помощью ассоциативного метода.

Лекции по архитектурным теоретическим дисциплинам традиционно содержат много изобразительного материала, включая медиаряд, что достаточно легко позволяет переводить содержание курса в видео-презентации для чтения теоретических материалов в онлайн-режиме.

Синхронные средства общения позволяют организовать доступ в реальном времени к электронным учебным материалам, тестирующим системам, электронным дискуссиям в чатах, к семинарам, конференциям с помощью видеокамер и Web-камер. Синхронные коммуникации являются наиболее современными средствами информационного взаимодействия, с помощью которых можно организовывать одновременное обучение нескольких групп обучающихся (при необходимости – одним или несколькими преподавателями). Студенты и преподаватели могут принимать участие в круглых столах, в обсуждении сложных тем и разделов, в дистанционных лекциях и лабораторных занятиях в режиме видеоконференций, когда обучающий и обучаемый «встречаются» на экранах.

Непосредственное включение и использование компьютерных игр осуществляется при изучении дисциплины «Архитектурное проектирование». Например, студентам предлагается выполнение архитектурного проекта в компьютерной игре (пр. Sims 4, Minecraft и др.). В рамках мастер-класса был проведен эксперимент по выполнению проекта жилого дома в компьютерной игре по желанию. Студенты взяли свои готовые проекты жилых домов и воспроизвели их в компьютерной игре. Несмотря на то, что возможности специальных компьютерных программ отличаются от ограниченных возможностей компьютерных игр, большинство студентов это задание выполнили и были довольны результатом [3].

Студенту ставятся задачи в виде квестов. Квесты выдаются в результате коллективного вебинара или видео-беседы один-на-один с преподавателем, плюс набор выполненных заданий, который находится в общем доступе участников вебинара. Для их решения студент связывается с другими людьми в команде либо работает самостоятельно. Например, в рамках самостоятельной работы было предложено следующее задание: «Представить архитектурный ландшафт Москвы и Подмосковья (на выбор) на этнокультурном материале для создания информационно-образовательного путеводителя по историческим местам города и буктрейлера для его популяризации». Студенты, используя наработанные эскизы различных архитектурных элементов и материалов историко-архитектурной зоны Москвы и Подмосковья, создавали архитектурные проекты будущих городских экстерьеров. При выполнении этого задания, они использовали интуитивное рисование и рисование в технике зендудлинг. Рисование в технике зендудлинг – гибрид искусства, созданного на стилях Zentangle и Doodling (doodle – в переводе «каракуля»), привлекательно тем, что это медитативное рисование, которое отображает эмоции и мысли; это духовная методика, философия наглядного создания собственных образов, что способствует развитию воображения и формированию индивидуального художественного стиля. Буктрейлер – (анг. – клип по книге) создание короткого видеоролика по мотивам конкретного «печатного» издания [4].

Адаптация **исследовательского метода** к условиям дистанционного обучения студентов потребовала включить в учебный процесс следующие виды работы: организацию научно-практических конференций обучающихся, проведение вебинаров и мастер-классов практикующих архитекторов, организацию сетевого взаимодействия с другими образовательными организациями. При использовании данных видов работы активно использовались такие синхронные и асинхронные формы, как вебинары, электронная почта, тематические чаты, мессенджеры. Например, в рамках вводных лекций по дисциплине «Архитектурное проектирование» проводились вебинары с практикующими архитекторами, которые рассказывали об особенностях профессии, сложностях, возникающих в процессе реального проектирования, а также о чрезвычайных ситуациях, происходящих на стройках и при управлении проектом.

В МИТУ-МАСИ ежегодно проводятся международная конференция «Молодая наука», в которой студентам предлагается участвовать с интересующей их темой, например, «Архитектура в кино, компьютерных играх или мультипликации», «Геймификация в архитектурном образовании». Научно-практические конференции способствуют повышению **мотивационного, когнитивного и деятельностно-практического компонентов**.

При использовании на дистанционных занятиях исследовательского метода, реперной точкой служила его функция: «применение знаний и умений в новой ситуации, организация творческой деятельности, овладение обучающимися методами научного познания в процессе исследовательской деятельности, формирование познавательного интереса, потребности в творческой деятельности» [7]. Студентам предлагалась исследовательская задача, предполагающая полный цикл самостоятельных учебно-познавательных действий: сбор информации и ее анализ; осмысление предмета исследования, знание истории места и архитектурных объектов; постановка учебной проблемы и ее решение; проверка решения; применение новых знаний на практике – в виде учебного архитектурного проекта. В этом задании повышаются такие компоненты как **когнитивный, творческий и оценочно-рефлексивный**.

Например, в рамках проекта-интенсива Университета 20.35 по созданию проекта комфортной среды малых городов Студентам предстояло отработать методологию полного цикла проектной деятельности, где сформированные команды получали заказ на создание проекта комфортной городской среды от реального заказчика – малого города. Обучающиеся, находящиеся в разных командах, должны были за относительно короткие сроки выполнить эскиз-проект и выступить перед заказчиком с защитой. Далее последовала самостоятельная работа групп, обучающихся с цифровыми платформами университета 20.35, доски Miro и Trello, – то есть результаты фиксировались в общем онлайн-документе, производилось обсуждение результатов в чате социальной сети, осуществлялись формулирование выводов и подготовка итоговой общей презентации. Обучающимся было предложено проектное предложение по заданию, которое выносилось на рассмотрение местного населения малых городов. По итогу каждый из студентов в качестве самостоятельной работы и повышения **оценочно-рефлексивного компонента** выполняли портфолио или фотоколлаж.

Представление аналогов в рамках текущего задания по дисциплине «Архитектурное проектирование» было выполнено в технике журнального фотоколлажа. Студенты самостоятельно подбирали материал из полиграфической продукции или использовали компьютерные программы (Photoshop, GIMP, InDesign и проч.) для выполнения эскизов, стилизуя выбранные фрагменты, после чего формировали композицию на листе бумаги или делали фотографии, сопровождая их научными комментариями, после чего оформляли презентацию. Такая форма работы позволяет закрепить теоретические знания, связать их с социально-общественной жизнью, привлечь интерес к выполнению самостоятельной работы.

Следует отметить, что представленные формы работы опираются на информационную базу сети Интернет. И здесь открываются широкие возможности для применения цифровых технологий, которые придадут обучению целенаправленный характер на формирование положительной мотивации к ее выполнению с целью подготовки студентов-архитекторов к профессиональной деятельности. Но быстрое развитие информационно-коммуникационной среды, являющейся доминирующим фактором в изменении индивидуального и общественного сознания в сфере потребностей, мотивации, ценностей, целей и идеалов, требует дополнительного серьезного философского осмысления будущими архитекторами меняющихся ценностных ориентаций [8].

Одной из задач при формировании деятельностно-практического компонента готовности студентов-архитекторов является обучение основам компьютерных программ, офисных пакетов прикладных программ (MS Office Word, MS Office Excel, MS Office Power Point, MS Office и пр.), специального программного обеспечения, обеспечивающее владение софтом для будущих архитекторов (AutoCAD, ArchiCAD, Revit, Maya, 3DS Max, Photoshop и др.), а также работе в сети Интернет, что стало неотъемлемой частью обучения в дистанционном формате. Для формирования данного вида грамотности в рабочей программе предусмотрены следующие дисциплины: «Современные информационные технологии», «Основы компью-

терных технологий в композиционном моделировании», «Компьютерные технологии в проектировании архитектурной среды», «Компьютерные технологии в рабочем проектировании».

Таким образом, в результате отбора, создания, применения организационных форм, материальных возможностей, методов, средств и приемов был реализован организационно-процессуальный блок модели организации дистанционного обучения для архитектурных специальностей вуза, что позволило решить поставленные в исследовании задачи и получить результаты, подтверждающие гипотезу.

Внедрение в образовательный процесс различных форм дистанционной работы студентов способствует формированию мотивационного, когнитивного, деятельностно-практического, творческого и оценочно-рефлексивного компонентов готовности студентов-архитекторов к профессиональной деятельности, а также эффективности функционирования спроектированной модели.

Применение в процессе подготовки студентов архитектурных специальностей к профессиональной деятельности спроектированной модели в совокупности с педагогическими условиями предполагает реализацию целевого, методологического, содержательного, организационно-процессуального, диагностического и результативного блоков.

Библиографический список

1. Приказ Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2017 г. № 509 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 07.03.01 Архитектура» (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант». URL <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71606636/> (дата обращения: 12.09.2022).
2. Землянская Е.Н. Моделирование как метод психолого-педагогического исследования // Преподаватель XXI в. 2013. Т. 1. № 3.
3. Дьячкова Е.А. Описание процесса интеграции дистанционного обучения в традиционное академическое архитектурное образование // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 2.
4. Киселева А.В. Арт-технологии как инновационный подход к самостоятельной работы студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64): в 3 ч. Ч. 1.
5. Лернер И.Я. Развивающее обучение с дидактических позиций // Педагогика. 1996. № 2.
6. Моляко В.А. Психологическая готовность к творческому труду. Киев, 1989.
7. Скрипкина Ю.В. Коммуникативный аспект творческой деятельности в дистанционном обучении // Центр дистанционного образования Эйдос. URL <http://www.eidos.ru/journal/2012/0829-07.htm> (дата обращения: 23.04.2019)
8. Kislov A. G. Philosophical analysis of information and communication environment // European Journal of Science and Theology. 2018. № 14 (6).

Е.А. Дьячкова

преподаватель

Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт

E-mail: iiehka@bk.ru

СОХРАНЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИ РЕВАЛОРИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ ПРОМЫШЛЕННОГО ЗОДЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ)

Л.В. Петрова, М.В. Горячкина

Аннотация. Одной из основных задач при ревалоризации промышленного наследия является сохранение социокультурной и национальной идентичности. В связи с этим можно сформулировать цель настоящей статьи, которая заключается в анализе накопленного теоретического и практического опыта решения этой проблемы в России и Китае.

Ключевые слова: промышленное наследие, социокультурная идентичность, традиционное зодчество Китая, ревалоризация, ревитализация.

PRESERVATION OF SOCIO-CULTURAL AND NATIONAL IDENTITY WHILE REVALORIZING INDUSTRIAL HERITAGE. THE EXPERIENCE OF CHINA AND RUSSIA

L. V. Petrova, M. V. Goriachkina

Abstract. One of the main problems in revalorization of industrial heritage is the preservation of socio-cultural and national identity. In this regard, it is possible to formulate the purpose of this article, which is to analyze the accumulated theoretical and practical experience of solving this problem in Russia and China.

Keywords: industrial heritage, socio-cultural identity, traditional architecture of China, revalorization, revitalization.

Одним из важных аспектов ревалоризации промышленного наследия является сохранение социокультурной и национальной идентичности. В ряде городов памятники промышленного зодчества являются старейшими зданиями, и – в силу своего градообразующего значения – объектами, которые и сегодня наиболее интересны по архитектурно-эстетическим качествам. В периоды упадка промышленного производства такие здания оказываются заброшенными или даже руинированными, либо используемыми неэффективно. В процессе адаптации объекта к какой-либо новой функции возможна частичная или полная утрата аутентичности.

Пути решения проблемы ревалоризации исторической промышленно-селитебной застройки рассматриваются в теоретических трудах ученых. В этом смысле показательны работы таких авторов, как А.В. Снитко (эксперт в области изучения, сохранения и реконструкции архитектурного наследия исторической промышленно-селитебной застройки городов Ивановской области), Л.О. Титовой (специалист по архитектурной конверсии объектов индустриального наследия г. Москвы), Д.С. Чайко (доцент кафедры промышленных сооружений МАРХИ). Например, А.В. Снитко разработал методику оценки зданий и комплексов исторической промышленно-селитебной застройки, при которой наряду с архитектурно-

планировочными решениями учитывается социотехническая и социокультурная ценность объектов [1].

В работе Л.О. Титовой предложена многокритериальная система оценки аутентичности объекта промышленного наследия на основе подлинности (сохранность объекта промышленного наследия, его архитектурно-эстетические качества) и социально-культурной значимости (историческая ценность, культурный ландшафт города) [2].

В исследованиях Д.С. Чайко определена методика проведения анализа интегрируемого производственного объекта в городскую среду [3].

При анализе практического опыта реновации промышленных объектов как в России и Западной Европе, так и в Китае возможно выделить **многообразие приемов сохранения социокультурной и национальной идентичности**.

Установлено, что при адаптации промышленных зданий и сооружений к новой функции характерным для обеих культур является их переоборудование под музеи, выставочные пространства, арт-центры, креативные кластеры.

Интересна специфика приемов при руинировании промышленных зданий с их последующей интеграцией в городскую среду. Например, бывшая Шанхайская электростанция философски осмыслена и преобразована в так называемый павильон симбиоза. Такие названия характерны для китайского менталитета: «Павильон симбиоза функционирует как открытое пространство для всех граждан, объединяя архитектуру и ландшафт, историю и город» [4].

В России руины промышленных объектов в основном сносят и лишь в редких случаях, когда здание имеет мемориальную ценность, сохраняют. Пример тому – Мельница Гергардта в Волгограде.

Характерные виды конструкций – неотъемлемая часть промышленной архитектуры. Часто конструктивные решения были пионерными и инновационными примерами для своего времени, и их сохранение обосновано.

В Китае несущие конструкции зданий в основном сохраняют. Это колонны и фермы, присущие зальным помещениям. Так, в интерьере выставочного центра в Шэньяне Донгмаоку (арх. URBANUS, 2021), организованного на месте бывшего ангара-склада, сохранены старые деревянные фермы покрытия, железобетонные колонны и балки. При этом использован оригинальный прием для усиления конструкций. Дублирование колонн и ферм позволяет разгрузить старые элементы, и при правильном освещении они создают интересный пространственный эффект с декоративно-дизайнерским результатом использования их графики (*рисунок 1*).

При организации арт центра TaoCang Art Center (арх. бюро Roarc Rene) переосмыслена необычная железобетонная арочно-сводчатая конструкция бывшего зернохранилища 1950-

Рисунок 1. Выставочный центр в Шэньяне Донгмаоку (арх. URBANUS, 2021)

Рисунок 2. TaoCang Art Center (арх. бюро Roarc Rene)

х гг. Приоритетна ритмическая структура повторяющихся арок двух видов, которая создает игру света и тени и выполняет роль дизайнерского приема. Здания были сохранены как «безмолвные свидетели» развития города Цзясин. Интерьер TaoCang Art Center (арх. бюро Roarc Rene) является примером удачной художественной переработки изображений характерных растений Китая. Например, орнамент покрытия пола состоит из крупных цветков лотоса – символа Китая (рисунок 2).

Из проектов реновации, реализованных на территории России, можно отметить «Loft fabric NF» в г. Наро-Фоминске и известный проект архитектора Ренцо Пьяно ДК «ГЭС-2» (2021 г.).

Особенностью реконструкции зданий бывшей Шелковой фабрики г. Наро-Фоминска под современный комплекс лофт-апартаментов «Loft fabric NF» (арх. Mei architects and planners) является использование потенциала каркасной конструктивной системы, сводов Монье, чугунных колонн и модульных объемно-планировочных решений. Модули легко объединяются между собой как в одном уровне (в пределах одного этажа), так и в двух уровнях. Гибкость планировки позволяет организовать уникальное пространство, различное по функциональному зонированию и объемно-планировочным решениям.

В основном здании ДК «ГЭС-2» архитекторы сохранили оригинальные фермы и стержневую систему покрытия, а также металлические колонны с клепаными соединениями, а старые своды винно-соляных складов использовали как основную ограждающую и несущую конструкцию для нового здания художественных мастерских.

В интерьере креативного кластера «Стачка» г. Орехово-Зуево были раскрыты и восстановлены, спрятанные за более поздней обшивкой потолка исторические фермы Полонсо.

При создании экстерьеров и интерьеров используются как восстановленные подлинные элементы конструкций здания, так и их имитации (клинкер, кирпичная кладка, фальшь-своды Монье).

Одним из необычных подходов к реновации промышленной застройки является **архитектурно-художественная переработка элементов традиционного зодчества (колористика, пропорциональный строй и конструкции).**

Примером тому служит реновация завода дизельных двигателей Shunde фаза II (арх. бюро Atelier cнS) в г. Фошань. На крыше здания размещается старый традиционный китайский сад. В процессе реконструкции малые архитектурные формы (беседки) были художественно-переработаны, добавлены элементы остекления. Над зданием возведена система открытых ярусных переходов, которые контурно повторяют абрис крыш китайских сельских домов.

Рисунок 3. Реновация завода дизельных двигателей Shunde фаза II
(арх. бюро Atelier S) г. Фошань

Колористическое решение в красно-золотистых оттенках дублирует традиционную цветовую гамму храмового зодчества Китая (рисунок 3).

Еще одним примером подобного подхода является креативный центр Wuhan Creative Design Center (арх. бюро Office for Urban Renewal), в интерьере и экстерьере которого использованы конструкции и параметрические элементы покрытия, имитирующие по цвету колористику традиционного зодчества.

Важный аспект архитектурно-художественных решений – это подбор и выбор материалов по сочетаемости цвета (нейтральная цветовая гамма и контрастная), фактурам и текстурам (кирпич, металл, дерево, стекло) и введению акцентов, носителями которой являются материалы конструкций.

Производственное прошлое реконструированных зданий выражается как в сохранении отдельных артефактов, так и в **архитектурно-художественном переосмыслении элементов продукции и оборудования**, которые интегрированы в интерьер и экстерьер.

В Китае при реконструкции фабрики Пекине с приспособлением под центр молодежной активности (арх. бюро REDe Architects + Moguang Studio) в интерьере размещены старые ручные швейные машинки.

Рисунок 4. Креативный кластер «Стачка» г. Орехово-Зуево.
Ткацкие станки в интерьере

В интерьере креативного кластера «Стачка», который расположен в цехах Никольской мануфактуры г. Орехово-Зуево, в качестве экспонатов использованы ручная и современная ткацкие станки (рисунки 4).

При реконструкции бизнес-центра «Суперметалл» (арх. Мария Яско) сохранили 10-тонную кран-балку, элементы цехового оборудования, токарный станок.

Но наиболее интересно художественное переосмысление продукции предприятия. Так, например паттерн тканей, производившихся на шелковой мануфактуре в г. Наро-Фоминске, лег в основу трафаретов для окраски стен, лестничных ограждений при преобразовании фабрики в апартаменты «Loft fabric NF» (арх. бюро Mei architects and planners).

Часто, особенно при реновации промышленных объектов в подмосковных городах, используется **прием буквального цитирования**. Так в кластере «Стачка» в г. Орехово-Зуево на стенах в помещении коворкинга размещён портрет Саввы Морозова, а на фасаде – современное граффити, посвященное труду рабочих (рисунки 5).

В Коломне в арт-квартале «Патефонка» настенная роспись отражает одну из основных достопримечательностей города – шатровую колокольню Успенского собора, а выставочный

Рисунок 5. Креативный кластер «Стачка» г. Орехово-Зуево. Граффити

Рисунок 6. Арт-квартал «Патефонка», г. Коломна

зал, посвящённый шелковому производству, украшен панно ручного ткачества с изображениями значимых городских объектов (рисунок 6).

При реновации Red Plum Culture and Creative Park (арх. бюро AAarchitects + ИА Atelier) в интерьере использованы изображения китайских храмов на стеклянных панелях, фарфоровые вазы и гравюры (рисунок 7).

В России использованы граффити современных художников (рисунок 5), в Китае изображения на историческую тему деликатно нанесены на поверхности с помощью современных технологий печати (рисунок 7).

Социокультурная и национальная идентичность может быть показана с помощью дизайнерской и художественной переработки орнаментов декоративно-прикладного искусства и живописи.

Востребовано применение таких приемов, как ассоциативный ряд, связанный с национальной живописью. При реновации бывшей вышивальной фабрики Цзяннань (арх. Minax Architects, 2021) использовано параметрическое «облако»-галерея в дворовом пространстве.

В Москве в БЦ «Большевик» на фасадах здания и в фирменном стиле применен мотив вышивки русских национальных костюмов, рушников.

Остается открытым вопрос использования социалистических и коммунистических символов и артефактов данного исторического периода. Так, на фасадах текстильных фабрик Подмосковья сохранились мозаики и майоликовые панно советского периода, которые пока не были переосмыслены при реконструкции.

Итак, по итогам проведенного анализа теоретического и практического опыта сохранения социокультурной и национальной идентичности в России и Китае возможно сделать

Рисунок 7. Red Plum Culture and Creative Park (арх. бюро AAarchitects + ИА Atelier)

следующие выводы. Несмотря на большую теоретическую базу исследований, посвящённых ревитализации промышленных территорий в России и наличии в ней относительно Китая более старых и ценных исторических индустриальных объектов, связанных с именами меценатов и известных архитекторов, практический опыт реновации в социокультурном направлении представлен в нашей стране в меньшей степени чем в Китае. В России более всего востребовано буквальное цитирование событий, связанных с историей фабрик, чаще всего – в виде граффити на стенах. В ряде объектов сохраняются аутентичные конструкции.

В Китае же приемы, направленные на сохранение национальной идентичности, лидируют и использованы практически в каждом проекте. Ревитализации подвергаются даже здания 1950–1970 гг., которые на первый взгляд не имеют художественной ценности. В России подобные здания чаще всего остаются невостребованными. Интересны приемы архитектурно-художественной переработки конструктивных систем и колористики традиционного зодчества Китая, которые мало востребованы в России применительно к переосмыслению своего наследия.

Библиографический список

1. *Снитко А.В.* Архитектурное наследие исторической промышленно-селитебной застройки городов Северо-Востока центральной России: дис. ... д-ра архитектуры. М., 2022.
2. *Тимова Л.О.* Архитектурные сценарии конверсии объектов промышленного наследия (на примере текстильных предприятий 1822–1917 годов постройки в г. Москве): дис. ... канд. архитектуры. М., 2017.
3. *Чайко Д.С.* Современные направления интеграции исторических производственных объектов в городскую среду: дис. ... канд. архитектуры. М., 2007.
4. Shanghai Yangpu Riverfront Power Station Auxiliary East Building / Atelier Liu Yuyang Architects. URL: https://www.archdaily.com/974224/shanghai-yangpu-riverfront-power-station-auxiliary-east-building-atelier-liu-yuyang-architects?ad_source=myarchdaily&ad_medium=bookmark-show&ad_content=current-user (дата обращения: 20.04.2022).
5. Taocang Art Center / Roarc Renew. URL: https://www.archdaily.com/949394/taocang-art-center-roarc-renew?ad_source=myarchdaily&ad_medium=bookmark-show&ad_content=current-user (дата обращения: 20.04.2022).
6. Revitalization of Shenyang Dongmaoku / URBANUS. URL: https://www.archdaily.com/973813/revitalization-of-shenyang-dongmaoku-urbanus?ad_source=myarchdaily&ad_medium=bookmark-show&ad_content=current-user (дата обращения: 20.04.2022).
7. Wuhan Creative Design Center / Office for Urban Renewal. URL: https://www.archdaily.com/966189/wuhan-creative-design-center-office-for-urban-renewal?ad_source=myarchdaily&ad_medium=bookmark-show&ad_content=current-user (дата обращения: 20.04.2022).

Л.В. Петрова

кандидат архитектуры, доцент

профессор кафедры архитектуры

Государственный университет по землеустройству, г. Москва

E-mail: gar1929@yandex.ru

М.В. Горячкина

аспирант

Государственный университет по землеустройству, г. Москва

E-mail: goriachkina.mv@gmail.com

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ВОССТАНОВЛЕНИИ РАЗРУШЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

А.С. Субботин, В.В. Бимбирис

Аннотация. Сегодня актуальна проблема, связанная с реконструкцией и строительством разрушенной городской среды. Особенно важен данный вопрос в связи с природными катаклизмами и военными конфликтами. Иногда строительные работы происходят на территории, где велись боевые действия. Жизненно необходимым фактором в этих условиях является восстановление и строительство инфраструктуры. Все это заставляет искать оптимальные пути решения проблемы, чтобы как можно скорее сократить сроки и затраты на строительное производство. Цифровые технологии, сразу после 2D-CAD технологий, сегодня являются следующим шагом в строительной сфере. Эта разработка уже сейчас получила широкое развитие во многих странах мира из-за своих многочисленных положительных аспектов, о которых будет сказано в данной статье. Но несмотря на это, остаются элементы, в которых опыт подобного проектирования является еще слабо изученным или вовсе не изученным. Такой сферой является восстановление разрушенной инфраструктуры, работа над которой сегодня осуществляется с использованием информационного моделирования локально из-за отсутствия умных моделей сооружений. Но даже такой опыт проектирования сегодня показывает потенциал развития за счет растущей выгоды как при производстве работ, так и на стадии проекта. Несмотря на важность проблемы, технологии информационного моделирования сложно набирать темп развития из-за проблем с обменом опыта такого проектирования с другими странами, что также создает проблемы с реализацией восстановления не только городской инфраструктуры, но и всего города в целом. Также есть проблемы развития информационного проектирования в странах со слабо развитыми технологиями, либо в странах, которые потрясли сильные катаклизмы или военные деформации.

Ключевые слова: реконструкция, строительство, информация, технологии, моделирование, город, развитие

POSITIVE ASPECTS OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES WHILE RESTORING OF THE DESTROYED URBAN ENVIRONMENT

A.S. Subbotin, B.B. Bimbiris

Abstract. The problem of building and reconstruction of the destroyed urban environment is relevant today. The situation in the world with natural disasters and military conflicts makes this issue especially important. Sometimes construction works take place on the zone of former military operations. A vital factor in these conditions is the restoration and construction of infrastructure. All this makes us search for optimal solutions to the problem in order to reduce the time and costs of construction production as soon as possible. Digital technologies, right after 2D-CAD technologies, are the next step in the construction sector today. This technology has already been widely developed in many countries of the world because of its many positive aspects, which will be discussed in this article. But despite this, there are some elements in which the experience of such design still has been hardly studied. Such an area is the restoration of the destroyed infrastructure, which is currently being worked on using information modeling locally due to the lack of smart models of structures. But even this experience of design today shows the potential for development due to the growing benefits both during the production of works and at the project stage. Despite the importance of the problem, it is difficult for information modeling technologies to pick up the pace of development, due to problems with the exchange of experience of such design with other countries, which also creates problems with the implementation of restoration not only of urban infrastructure, but also of the entire city as a whole.

There are also problems with the development of information design in countries with poorly developed technologies or which have been shaken by severe cataclysms or military deformations.

Keywords: reconstruction, construction, information, technologies, modeling, city, development

Восстановление разрушенной городской среды и особенно инфраструктуры является актуальной проблемой в связи с возросшими масштабами стихийных бедствий, а также в связи с вооруженными конфликтами. Организация строительных работ на участках, где уже закончились, еще ведутся или могут продолжиться боевые действия, отличается от обычного гражданского строительства, а также сталкивается с рядом проблем на всех этапах. Также современные методы предупреждения чрезвычайных происшествий и минимизации их последствий часто оказываются неэффективными. Несмотря на опыт восстановления городской среды в целом, внедрение информационных технологий – это следующий шаг после 2D-CAD технологий с большим потенциалом развития. В этой статье поставлена следующая цель: узнать, как информационное проектирование помогает решать различные проблемы при реконструкции разрушенной городской среды. Для этого будут разобраны методы современной застройки, мировой опыт реконструкции, а также современные технологии, применяемые при восстановлении инфраструктуры после чрезвычайных ситуаций.

Материалы и методы. В экстренных ситуациях, когда люди остались без еды, воды и жилища, время является основным ресурсом: от скорости возведения зданий первоначальной инфраструктуры (таких, как больницы и временные жилые сооружения) зависят людские жизни. Большое количество людей можно было бы спасти, к примеру, за 10 лет в Сирии, если бы процесс возведения инфраструктуры ускорился. Результат конфликта показан наглядно на примере города Хомс (*рисунок 1*). Также положительную динамику можно было бы увидеть при восстановлении города после землетрясения: использовани лазерного сканирования или наличие модели умного города упростило бы эту задачу. Несомненно,

Рисунок 1. Город Хомс в Сирии, значительно пострадавший из-за протестных выступлений весной 2011 г.

Рисунок 2. График производительности при переходе на информационное моделирование

Источник: [7]

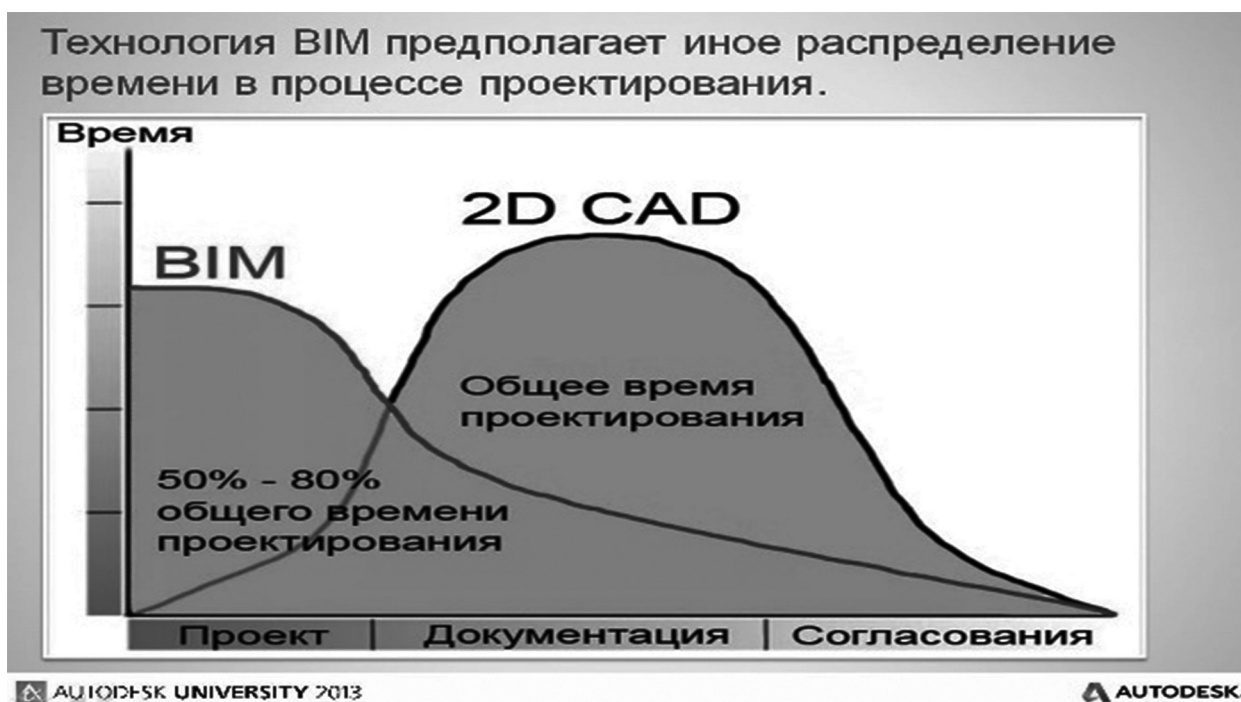

Рисунок 2. График производительности информационном моделировании и 2D CAD технологиями

Источник: [7]

переход на новые технологии требует затрат и времени, что хорошо видно из графика, представленного на *рисунке 2*.

Несмотря на то, что на стадии обучения скорость проектирования значительно понижается, современные методы в перспективе характеризуются отличными показателями (*рисунок 3*).

Современный способ проектирования зданий в своей основе представляет собой BIM-технологии (информационное моделирование зданий). Данная технология позволяет моделировать любые строительные объекты, включая здания, железные дороги, мосты, тоннели, порты и т.д. На данный момент уже существуют модели целых городов. Сходство BIM и 3D-моделирования заключается в том, что в обоих случаях проект здания выполняется в трехмерном пространстве. Но в отличие от 3D-модели, BIM напрямую связан с базой данных. Такая модель включает в себя не только несущие линии и текстуру материалов, но и другие данные (технологические, экономические и прочие), которые имеют отношение к зданию. Например, BIM учитывает физические характеристики объекта, варианты размещения в пространстве, стоимость каждого кирпича, плафона, трубы. Стоит разобрать каждый этап строительства подробнее, так как их понимание пригодится далее для исследования

Этап проектирования. Для начала создается 3D-модель постройки с планами, разрезами, видами. При помощи специального конструктора данная модель вносится в программу, которая рассчитывает параметры всех элементов строительного объекта. Обширная база данных позволяет получить все рабочие чертежи, спецификацию, информацию об объеме будущих работ, планируемых затратах. На стадии проектирования также производится расчет инженерных и энергетических сетей, тепловые потери и уровень естественного освещения с учетом характеристики местности, рельефа, грунта и т.д. Начальная информационная модель здания дополняется логистическими данными, определяющими сроки доставки материалов, наиболее выгодные варианты доставки. BIM-моделирование позволяет также планировать социальную инфраструктуру и транспортную сеть в районе застройки. На завершающем этапе проектирования составляется детальный план работ и график их выполнения, определяется необходимое количество техники и ресурсов для выполнения работ.

Этап строительства. На данном этапе BIM-проектирование позволяет отследить состояние и ход выполнения работ. С его помощью возможно контролировать расходы средств и то, насколько реализуется заложенный бюджет. BIM предоставляет информацию обо всех управленческих решениях и изменениях в строительстве в реальном времени.

Этап эксплуатации. После завершения строительства при помощи датчиков информационная модель может продолжить собирать нужные данные о здании, контролируя его функциональность и предсказывая потенциальные аварийные ситуации. Используя BIM, можно вести учет оборудования, контролировать гарантийные обязательства, а также расход ресурсов. Возможна интеграция с BMS-системой объекта. Более того, BIM-моделирование может быть полезно и для управления недвижимостью: данная модель позволяет вести учет аренды, сдачи помещений, плановых ремонтных работ, взаимодействий с различными инстанциями. Оценка управления, технический аудит, разработка плана развития строительного объекта [9].

Основная проблема заключается в том, что наибольшее внимание уделяется новому строительству, тогда как реставрация и реконструкция с применением информационной модели практикуется гораздо реже [5, с. 24-27]. Из этого исходит проблема – недостаток исходных данных. Для реконструкции в BIM-модели необходимо иметь трехмерное представление существующего объекта. Ещё относительно недавно его получали, выполняя вручную обмеры с помощью рулеток и дальномеров, создавая плоские обмерные чертежи, а затем, в редких случаях, по ним «поднимали» трёхмерную модель здания с коммуникациями. Но в последние несколько лет большое развитие получила технология лазерного сканирования зданий и сооружений, которая эту проблему успешно решает.

**Рисунок 4. Результат наложения лазерного сканирования
на трехмерную модель территории**

Источник: [5, с. 25]

На данном плане (*рисунок 4*) можно увидеть контуры конкретных помещений и сооружений, которые позволяют реконструировать и создать новые инженерные сети, обходя уже существующие, что существенно сэкономит время и ресурсы при строительстве. Проблема заключается в том, что не всем странам в данный момент доступна эта технология, так как она требует наличия самого лазерного сканера (цена которого начинается от 2 млн руб.) либо приглашения опытного подрядчика со своим оборудованием, что также будет трудно-реализуемым в странах с низким развитием информационных технологий без помощи более развитых государств [2]. Будет выгоднее по всем аспектам сразу создать информационную модель города, но тут тоже есть свои проблемы, которые надо разобрать подробнее. На сегодняшний день в практике градостроительства очень актуален вопрос интеграции BIM и CIM (City Information Modeling). CIM является комплексом технологий и разнообразных данных, которые дают более широкий взгляд на здания и инженерные коммуникации. Создание из отдельных BIM-проектов зданий и сооружений одной общей модели даёт возможность создавать информационные двойники городов, которые можно использовать в целях проектирования новых объектов, управления градостроительной ситуацией и реконструкции старых сооружений. Обращаясь к международному опыту, следует отметить, что подобные проекты существуют в таких европейских городах, как Хельсинки, Ренна, Стокгольм, которые, в теории, можно брать за основу для разработки модели других городов. Однако, в силу того что подобные проекты создают государственные компании-разработчики, (например цифровой двойник Ренн во Франции создавала французская компания-разработчик), не-которые страны у которых нет своего необходимого программного обеспечения и команды проектировщиков, не будут готовы давать подобную задачу на подряд иностранной компании, ведь в информационную модель закладывают огромное количество данных, некоторые из которых могут быть секретными.

В связи с этим рассмотрим, как может СИМ помочь в строительстве и реконструкции городов. Если СИМ определенного разрушенного города нет, то необходимо создавать модель на основе уже разрушенного города с поэтапным планом реконструкции, но перед этим потребуется анализ всей территории города. Для информационной основы цифровой модели города нужна объективная информация о состоянии городских территорий, которая может быть получена на основе анализа данных дистанционного зондирования Земли с использованием технологий машинного обучения

После проведенного анализа необходимо спроектировать и построить:

1. Инженерные сети и коммуникации. Несомненно, реконструкция электросети и водоснабжения являются самым важным для нормальной работы по реконструкции города.
2. Дорожно-транспортные пути. Если поблизости нет местного промышленного предприятия по производству строительных материалов, а также возможности переработки строительных материалов из разрушенных зданий, то единственный способ подачи всех строительных ресурсов в город – это дороги и железнодорожные пути.
3. Типовая застройка. На месте разрушенных зданий для экономии времени необходимо возвести типовую застройку с дальнейшим заселением в неё рабочих.

Внедрение информационных технологий для реконструкции городов в странах, переживших природные катаклизмы, могло бы упростить реновацию города, ведь подобная работа требует серьезного инженерного труда по исследованиям, консультациям, надзору и внедрения. Однако при отсутствии у государства опыта проектирования подобных моделей и правовых норм, регулирующих каждый этап реконструкции, подобная страна обязательно столкнется с проблемой внедрения BIM, что подразумевает не только приобретение технологий и программного обеспечения, но и требует пересмотра системы строительной отрасли полностью. Как представлены жизненные циклы строительства в BIM-модели, можно увидеть в *таблице 1*.

Таблица 1

Жизненный цикл здания и чем он представлен в информационной модели

Наименование этапа жизненного цикла	Наименование модели	Примечание
Инженерные изыскания	Модель инженерных изысканий	в виде трехмерной модели
Архитектурно-строительное проектирование	Проектная модель	в виде трехмерной модели
Строительство, реконструкция, капитальный ремонт	Строительная модель	документы, акты, схемы, журналы спец., в виде трехмерной модели
	Исполнительная модель	
Эксплуатация	Эксплуатационная модель	фактическая исп., журнал экспл.
Снос и утилизация (ликвидация)	Модель сноса и демонтажа	обследования, проект орг. работ

В результате исследования можно отметить, что внедрение информационных технологий показывает высокий потенциал развития. Возможность дистанционной работы с информацией

позволяет всем участникам проекта бесперебойно и быстро получать обновленные данные о проекте, что сильно упрощает и ускоряет работу на строительном объекте, а также позволяет большому количеству его участников находиться удаленно от потенциально опасной зоны. Наглядная визуализация умной модели также способствует удешевлению строительства зданий и сооружений и скорости их реализации, что при восстановлении инфраструктуры является жизненно необходимым и определяющим фактором. Остается проблемой внедрение этой технологии в слаборазвитые страны из-за отсутствия нужного программного обеспечения и специалистов, но при современной тенденции гуманитарной поддержки развивающихся стран в скором будущем мы сможем увидеть решение данной проблемы, как минимум, в виде отдельных информационных моделей, которые не будут относиться к секретным объектам государства или как-либо затрагивать их.

Данные исследования применимы уже сегодня при реконструкции городов, даже когда зоны строительства могут быть еще потенциально опасны из-за возможных обвалов при землетрясениях или возможного продолжения боевых действий, из-за чего часть специалистов откажется посещать их даже ради заработной платы, которая, как правило, является выше среднерыночной. Информационное моделирование частично решает эту проблему, предоставляя возможность части специалистов минимизировать нахождение на объекте или отказаться от этого совсем. Также из-за ускорения процесса строительства понижаются затраты, что, в свою очередь, позволяет экономить ресурсы: как материальные, в виде капитала, так и человеческие, в виде рабочих и охраны на объекте, которая также может быть необходима. При наличии готовой СИМ-модели уменьшится время строительства, а следовательно, и затраты на него, так как не будет необходимости проектировать и сканировать отдельные элементы инфраструктуры. Все это в совокупности даст экономить большое количество бюджетных средств, которые особенно ценятся в условиях катастрофы.

Библиографический список

1. Постановление Правительства РФ от 15.09.2020 г. № 1431 (ред. от 27.05.2022 г.) «Об утверждении Правил формирования и ведения информационной модели объекта капитального строительства, состава сведений, документов и материалов, включаемых в информационную модель объекта капитального строительства и представляемых в форме электронных документов, и требований к форматам указанных электронных документов, а также о внесении изменения в пункт 6 Положения о выполнении инженерных изысканий» // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/74644278/> (дата обращения: 23.02.2022).
2. Али А., Хаммам Ф. Внедрение технологии информационного моделирования зданий (bim) при реконструкции в Сирии // Инновации и инвестиции. 2021. № 3.
3. Живая ткань: как восстанавливают разрушенные войной города. URL: <https://www.forbes.ru/society/466503-zivaa-tkan-kak-vozstanavlivaut-razrusennye-vojnoj-goroda> (дата обращения: 23.02.2022).
4. Музаффарли (Иманов) Н., Исмаилов Э. К вопросу о восстановлении постконфликтных территорий // Кавказ и глобализация. 2009. Т. 3. № 2–3.
5. Особенности проектирования инженерных сетей в BIM для реконструируемых объектов // СОК 2021. № 2.
6. Рухматуллина Е.С. BIM-моделирование как элемент современного строительства // Российское предпринимательство 2017. Т. 18. № 19.
7. Талапов В. Внедрение BIM в проектную практику: десять тезисов для руководителей. URL: https://integralsib.krivchun.ru/articles/vnedrenie_bim/vnedrenie_bim_v_proektnuy_praktiku/ (дата обращения: 23.02.2022).
8. Теплых А.В. Инженерные технологии построения расчетных моделей и анализа результатов в системе Scad Office: Модели металлокаркасов // CADmaster. 2006. № 5.

9. BIM-моделирование в задачах строительства и архитектуры // Материалы IV Международной научно-практической конференции / под общ. ред. А.А. Семенова. СПб., 2021.

А.С. Субботин

доцент кафедры строительства объектов тепловой и атомной энергетики

Московский государственный строительный университет

E-mail: subbotin-art@mail.ru

В.В. Бимбирис

студент

Московский государственный строительный университет

E-mail: slava.bimbiris.01@mail.ru

ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ

А.Р. Забегина, Е.А. Булгакова

Аннотация. В статье рассмотрена проблема цифровизации архитектурной деятельности, где основным инструментом являются технологии информационного моделирования (ТИМ). Современные требования отрасли вызывают необходимость разработки новых методов и технологий, в которых архитектура и традиционные художественные дисциплины должны объединиться с достижениями в области информационного моделирования. На основе анализа и обобщения сделан вывод об актуальности проблемы для современной архитектуры и приведена классификация применения ТИМ на различных этапах проектирования.

Ключевые слова: цифровизация, архитектурная практика, инновационные технологии, технологии информационного моделирования, проектирование.

INFORMATION MODELING TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR DESIGNING ARCHITECTURAL OBJECTS

A.R. Zabegina, E.A. Bulgakova

Abstract. The article considers the problem of digitalization of architectural activity, where the main tool is information modeling technologies (TIM). The current requirements of the industry necessitate the development of new methods and technologies in which architecture and traditional artistic disciplines must be combined with advances in information modeling. Based on the analysis and generalization, a conclusion was made about the relevance of the problem for modern architecture and a classification of the use of TIM at various stages of design is given.

Keywords: digitalization, architectural practice, innovative technologies, information modeling technologies, design.

Проблема развития процесса архитектурного проектирования в условиях быстрой эволюции средств компьютерной автоматизации стоит довольно остро как в проектной практике, так и в архитектурном образовании.

С каждым годом все чаще и чаще можно услышать мнение, что ручная графика, макетирование и рисунок будущему архитектору не нужны. Что лучше бы он учил сразу компьютерные программы, а не занимался отмывкой и ручной архитектурной графикой [1].

Начало процесса организации информационного моделирования приходится на 1960 г. и связано с зарождением систем САД. Становление современной ТИМ (технологии информационного моделирования) начато с разработки ArchiCAD в 1982 г.

Процесс становления ТИМ в мировой практике идет до сих пор, и здесь стоит выделить главных игроков на рынке услуг: Autodesk (разработка комплекса Grafisoft), Bentley Systems, а также российское программное обеспечение Renga от «Аскон» и Nanocad от «Нанософт разработка» [5].

На сегодняшний момент существует две аббревиатуры, которые используют специалисты, когда хотят сказать об информационном моделировании.

В российской строительной документации и правительственных документах фигурирует термин ТИМ, тогда как на международном уровне специалисты отрасли используют термин BIM.

Особой разницы терминами ними нет: ТИМ – просто русифицированный вариант BIM; по сути, оба термина означают одно и то же и служат для обозначения информационной модели.

BIM переводится с английского как «информационная модель зданий и объектов инфраструктуры».

ТИМ – «технологии информационного моделирования»: это российский вариант мирового термина, который используется в Градостроительном Кодексе РФ.

Сильным толчком для внедрения ТИМ в России послужил «План поэтапного внедрения технологий информационного моделирования в области промышленного и гражданского строительства», который был утвержден 29 декабря 2014 г. Министерством строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ.

А в 2021 г. было принято Постановление № 331, обязывающее формировать и вести информационные модели объектов капитального строительства, проектируемых и реконструируемых с привлечением бюджетных средств, созданных после 1 января 2022 г.

Все это говорит о необходимости внедрения технологий информационного моделирования в проектную и творческую деятельность архитекторов на всех этапах проектирования.

Сравнение методов архитектурного проектирования и ТИМ моделирования, нужно начать с определения самого термина технологий информационного моделирования.

Информационное моделирование зданий (BIM) – это процесс, в результате которого на каждом его этапе создается, развивается и совершенствуется информационная модель здания (тоже BIM) [1].

Дать точное определение архитектурного проектирования довольно сложно, так как архитектурное проектирование представляет собой сложный синтетический процесс в профессиональной деятельности архитектора [5].

Известный архитектор-методолог Б.Г. Бархин уделил много времени анализу закономерностей процесса архитектурного проектирования и творческого метода проектного моделирования.

Методом системного анализа понятие «архитектурное проектирование» [6] делится на несколько составляющих, отличающих творческий подход архитектурного проектирования от автоматизированного процесса BIM моделирования:

1. Творческий процесс (метод архитектора).
2. Ремесленный характер передачи методов и методологии архитектурного проектирования.
3. Специальный метод работы.

При этом можно выделить схожие категории формирования проектных решений, где процесс ТИМ и архитектурное проектирование похожи:

1. Комплексный подход к проектированию.
2. Научный подход в поисках архитектурных решений.
3. Проектирование на стыке разных специальностей.
4. Командная работа.

Как видно из сравнительного анализа, архитектор не полностью включен в BIM процесс, это связано с особенностью формирования архитектурных решений, базирующихся на методике архитектурного проектирования. Творческий процесс архитектурного проектирования и его особенности закладываются у студента-архитектора с первого курса, и формируются в течение всего срока обучения. Именно на это понимание постепенно накладываются другие методы и знания.

Согласно методике архитектурного проектирования [2], творческий метод архитектора отражает повторяемость приемов и путей деятельности; в методе закономерности создания проектной модели становятся правилами действия архитектора [6].

Эти правила заключены в следующих процедурах:

Процедура 1. Методологическая – определение общей концепции.

Процедура 2. Взаимодействие студента и преподавателя (ремесленность профессии).

Процедура 3. Анализ по экономической, конструктивной, функциональной и технической целесообразности выбранных решений.

Процедура 4. Художественный синтез материала.

Наиболее полно творческий метод архитектора описывает фраза: синтез творческих методов художника, ученого и инженера.

Таким образом, автоматизация и цифровизация процессов ТИМ моделирования позволило этап проекта перевести в цифровую форму, не затрагивая творческий мыслительный процесс.

Этапы архитектурного проектирования (стадии):

1. Предпроектный анализ.
2. Концептуальное проектирование.
3. Проектное предложение (эскизный проект).
4. Рабочий проект.
5. Авторский надзор.

Стадии капитального строительства:

Стадия 0. Предпроектные материалы.

Стадия 1. Техничко-экономическое обоснование.

Стадия 2. Эскизный проект.

Стадия 3. Проект.

Стадия 4. Рабочая документация.

Стадия 5. Утвержденная рабочая документация

Работа над составлением информационной модели проводится в несколько этапов [2]:

Этап 1. Создание архитектурной модели будущего здания (планы, разрезы, фасады, генплан).

Все архитектурные решения представлены в виде модели, с которой берутся необходимые чертежи; изменяются чертежи автоматически, при изменении модели.

Этап 2. Специалист загружает созданную модель в программу, которая проводит расчет всех элементов будущего строения; создаётся смета и строительные планы и другая документация.

Этап 3. Специалист выполняет конструктивную часть модели, проводит расчеты и загружает в основную модель полученные данные.

Этап 4. После получения окончательного АР проводится расчет и моделирование инженерных сетей. На этом этапе выполняется теплотехнический расчет здания, энергоэффективность и другие особенности будущего здания.

Этап 5. Специалисты ведут разработку проекта строительства здания, а также составляют проект будущих работ. Программа автоматически рассчитывает время, которое потребуется для строительства и проведения тех или иных работ на строительстве объекта.

Этап 6. Проводится ввод данных по материалам и логистике, какой материал и когда смогут доставить на стройку.

Этап 7 (завершающий) – использование информационной модели для обслуживания здания.

Датчики передают информацию о состоянии систем здания, о состоянии инженерных систем. Необходим контроль для предотвращения аварийных ситуаций и корректной работы инженерных систем здания [7].

Таблица 1

Стадии проектирования в BIM

Стадия	Описание	Роль архитектора
Предпроектный анализ	Технико-экономическое обоснование проекта, ограничения для дальнейшего проектирования, анализ требования заказчика	Архитектор знакомится с требованиями заказчика и с предпроектным анализом (градостроительным и т.д.)
Формирование технического задания на проектирование	Техническое задание (ТЗ), информационные требования к BIM модели (EIR)	-
Концептуальное проектирование	Моделирование концептуальной модели, предварительный расчет модели (соотношение модели к ТЗ)	Архитектор обычно рисует эскизы, пользуясь не автоматизированными средствами проектирования. После этого он уже переносит варианты в BIM среду и смотрит ТЭП в программе. Затем ему необходимо сделать презентационный вариант проекта (выполнить рендер, постобработку изображений, подготовка чертежей)
Проектное предложение (ПД)	Формирование плана работ в BIM (BEP план), формирование утвержденного концептуального предложения в соответствии с ТЗ и EIR, стадия КР (конструктивное решение), ИР (инженерные решения), проверка, выдача необходимых чертежей	Возведение модели AP, подготовка чертежей, внесение правок, подготовка модели для стадий КР, ИР
Рабочая документация (РД)	Наполнение модели необходимой информацией, внесение изменений в модель, использование регламентов СП, ГОСТ и т.д., проверка модели на коллизии, оформление необходимых чертежей	Подготовка чертежей для РД
Подготовка для проверки модели и дальнейшей эксплуатации модели	Наполнение модели информацией и подготовка модели в формат IFC (Industry Foundation Classes)	
Тендерная документация	Подготовка формы для оценки BIM подрядчика, подготовка модели для заключения договора	
Тендер	Выбор подрядчика	
Строительство	Производственно-технический отдел на основе модели формирует сетевой, календарный график возведения, мониторинга, отчетности и контроля. Проект производства работ	
Эксплуатация	Модель передается для последующего обслуживания и эксплуатации здания	

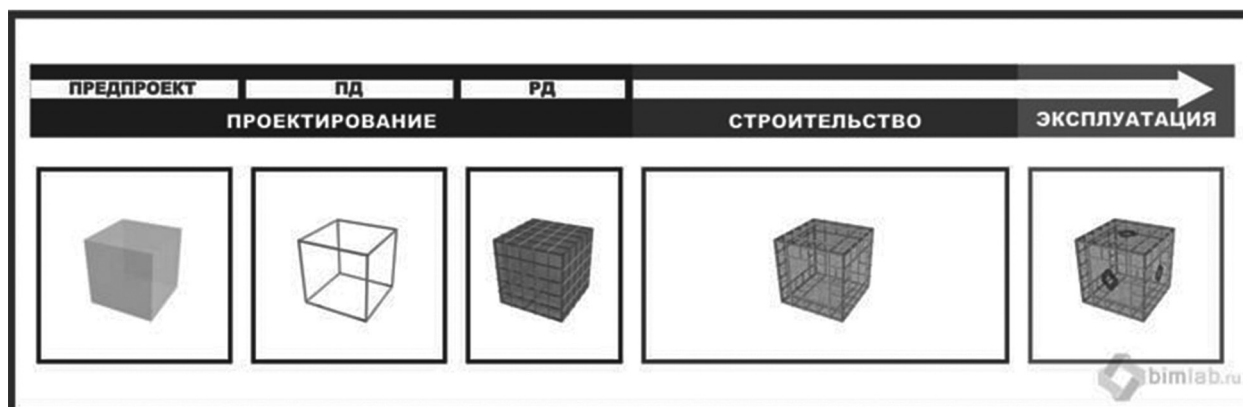

Рисунок 1. Взаимосвязь стадий проектирования и информации в модели [9]

Отличительная черта всех этапов проектирования – это автоматизированная проверка на наличие коллизий в объекте.

Коллизия – это ошибка, связанная с пересечением инженерных сетей и конструктивных элементов здания.

Ведущая консалтинговая компания по предоставлению услуг по обучению информационным технологиям и внедрению BIM в проектирование представляет такую этапность BIM [8], где связывает стадии проектирования с количеством информации, которая содержится в модели будущего здания (*рисунок 1*).

Исходя из этапов строительства, проектирования и процесса моделирования, используя метод синтеза, можно представить стадии проектирования в BIM (*таблица 1*) [4].

Подводя итоги, нужно отметить, что влияние цифровых технологий возрастает с каждым годом, и это отражается на профессиональной подготовке архитекторов. Этот процесс дополняется бурным развитием компьютерных технологий и разнообразием предлагаемых программных продуктов. Сегодня роль архитектора в процессе информационного моделирования недостаточно проявлена, что безусловно связано с особенностью творческого метода проектирования [3]. Для того, чтобы архитектор стал полноправным участником современного процесса создания объекта, необходимо перестроить методику архитектурного проектирования, учесть автоматизированные и информационные средства современного проектирования и предложить методику проектирования в BIM с учетом специфики архитектурного проектирования и роли архитектора в формировании целостного объекта проектирования.

Библиографический список

1. Булгакова Е.А. Цифровизация архитектурного образования // Молодая наука-2020: сборник трудов VII Всероссийской студенческой научно-практической конференции. М., 2020.
2. Булгакова Е.А. Цифровизация архитектурно-строительного проектирования: проблемы и возможности // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РАН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2015 году: сборник научных трудов РААСН Российская академия архитектуры и строительных наук. М., 2022.
3. Булгакова Е.А. Некоторые аспекты цифровизации архитектурно-строительной отрасли на современном этапе // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 2.
4. Булгакова Е.А., Меерович М.Г. Учебное пособие для преподавателей вузов по разработке дистанционных курсов обучения по направлению «Архитектура» // Хроники объединенного фонда электронных ресурсов наука и образование. 2016. № 5 (84).

5. Мусаелова С.В., Булгакова Е.А. Процессы преобразования архитектурной деятельности вследствие использования компьютерных технологий // Молодая наука-2020: сборник трудов VII Всероссийской студенческой научно-практической конференции. М., 2020.
6. Ilvickaja S.V., Petrova L.V., Bulgakova E.A., Koneva E.V. Formation of innovative qualities of the technique of training in system of training of architects // Навигатор в мире науки и образования. 2017. № 1-1 (34).
7. URL: <https://bimlab.ru/faq-bim-stage.html> (дата обращения: 23.02.2022).
8. URL: <https://www.bimtechnology.pro/etapi-raboti-v-bim/> (дата обращения: 23.02.2022).
9. URL: <http://window.edu.ru/resource/233/45233/files/107.pdf> (дата обращения: 23.02.2022).

А.С. Забегина

преподаватель

Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт

E-mail: anastasay@yandex.ru

Е.А. Булгакова

кандидат архитектуры, доцент

заведующий кафедрой архитектуры и дизайна

Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт

E-mail: traumeels@mail.ru

РОЛЬ И МЕСТО ТЕХНОЛОГИЙ МОДЕЛИРОВАНИЯ (ТИМ) В СОВРЕМЕННОМ АРХИТЕКТУРНОМ ПРОЕКТИРОВАНИИ

А.Р. Забегина

Аннотация. Технологии информационного моделирования (ТИМ) являются основой для современной строительной отрасли, в том числе и архитектурного раздела проекта. Цель статьи заключается в раскрытии понятий «архитектурное проектирование», «архитектурное моделирование», «информационное моделирование», ТИМ и BIM, а также определение места и роли технологий информационного моделирования в структуре современного архитектурного проектирования, опираясь на сравнительный анализ стадийности построения информационной модели и стадийности создания архитектурного проекта.

Ключевые слова: архитектура, архитектурное проектирование, моделирование, технологии информационного моделирования, BIM, ТИМ, информационные технологии.

THE ROLE AND PLACE OF BUILDING INFORMATION MODELING (BIM) IN MODERN ARCHITECTURAL DESIGN

A.R. Zabegina

Abstract. Information Modeling Technologies (TIM) are the basis for the modern construction industry, including the architectural section of the project. The purpose of the article is to reveal the concepts of architectural design, architectural modeling, information modeling, TIM and BIM and to determine the place and role of information modeling technologies in the structure of modern architectural design based on a comparative analysis of the stages of building an information model and the stages of creating an architectural project.

Keywords: architecture, architectural design, modeling, information modeling technologies, BIM, TIM, information technologies.

Развитие цифровых технологий и цифровизация общества в настоящее время являются основой для развития ТИМ (технологий информационного моделирования). Роль компьютерных средств и технологий в жизни человека за последние 20 лет нельзя преуменьшить. Цифровые системы сейчас – это не просто средства моделирования и автоматизации процесса архитектурного проектирования, но и средства анализа, формообразования и неотъемлемая часть проектирования на всех этапах создания проекта.

Информационные технологии – это не просто средство, а посредник в проектировании для современного архитектора, где инструментами вместо карандаша и линейки стали компьютерная мышка, планшет и стилус.

Для понимания роли и места технологий информационного моделирования в архитектурном проектировании важно понимать содержание и определение таких понятий как:

- BIM;
- ТИМ;
- архитектурное проектирование;
- архитектурное моделирование;
- BIM моделирование.

Архитектурное проектирование – процесс определения архитектуры, компонентов, интерфейсов и других характеристик системы или её части (ISO 24765). Результатом проектирования является проект – целостная совокупность моделей, свойств или характеристик, описанных в форме, пригодной для реализации системы [2].

Архитектурное проектирование тесно связано с творчеством: сущность творчества заключается в создании в уме идеи и образа, которые никогда еще не существовали. Творчество в архитектурном проектировании связано с восприятием и впечатлением, которые приходят уже после идеи и образа.

Архитектурное проектирование опирается на эвристическое мышление, на использование способностей человека решать задачи при неполной текущей информации, когда прошлый опыт не содержит готовой схемы, пригодной для данных условий [3].

Модель архитектурного проектирования представляет собой сложную структурную многоуровневую систему, в которой главным и основным средством выражения выступает язык изображений. Как раз информационное моделирование может помочь в выражении идеи путем языка изображения архитектурного замысла при проектировании.

Появление BIM (Building Information Modeling) технологий в архитектуре и историю становления взаимосвязи архитектурного проектирования и технологий информационного моделирования нужно рассматривать в ретроспективе становления чертежей, появления перспективных изображений и макетирования, и только затем – в связи с появлением компьютера и цифровых данных.

В XVI в. развитие получила римская школа, где все объекты воспринимались через плоские проекции; затем стали строить объемные перспективные изображения (искажение размеров, пропорций и т.д.).

Второй отправной точкой является макетирование: макеты помогают воспринять объект в объеме, хотя на макете и не отражаются инженерные и технические особенности.

Все это является предпосылками к становлению BIM моделирования. BIM как процесс зародился в 1960-х гг. и связан с появлением персональных компьютеров и с автоматизацией процесса черчения от руки (CAD системы). Прорывом для становления CAD стало появление в 1982 г. AutoCAD, но лишь в 2000 г. BIM вошел в лексикон строительных и архитектурных специальностей.

Термин «BIM» можно рассматривать с двух позиций – как процесс и как конечный результат моделирования (информационную модель).

BIM (англ. *Building Information Model* или *Modeling*) – это информационная модель здания или сооружения [10]. В российском законодательстве ИМ (информационная модель), или цифровая информационная модель объекта капитального строительства – это совокупность взаимосвязанных инженерно-технических и инженерно-технологических данных об объекте капитального строительства, представленных в цифровом объектно-пространственном виде [1]. ИМ связана с моделированием как его конечный результат. ИМ можно сравнить с архитектурным макетом здания. Отличительная черта ИМ – это то, что внутреннее содержание, коммуникации, инженерные сети и конструкции так же важны, как и внешняя оболочка здания.

BIM моделирование – это цифровое представление физических и функциональных характеристик объекта, которое охватывает далеко не только геометрию здания.

Информационное моделирование здания – это особый подход к возведению, оснащению, эксплуатации и ремонту (а также сносу) здания, как к полному жизненному циклу объекта [10].

Используются BIM модели широко:

- проектирование новых зданий и объектов различной сложности и наполненности данными;
- проектирование сооружений атомной и другой промышленности;
- проектирование малых архитектурных форм;

- использование и создание BIM модели при реконструкции и реставрации объектов архитектурного наследия.

Термин «ТИМ» пришел в нормативную базу российской документации с 1 января 2022 г. ТИМ – российский вариант термина BIM, буквальный перевод «building information model». Именно он фигурирует в формулировках Градостроительного кодекса РФ. Базовые понятия ТИМ начали появляться еще в 2019 г., когда Федеральный закон № 151-ФЗ внес термин «информационная модель» в Градостроительный кодекс [11].

В законе термин был сформулирован следующим образом: «Информационная модель объекта капитального строительства – совокупность взаимосвязанных сведений, документов и материалов об объекте капитального строительства, формируемых в электронном виде на этапах выполнения инженерных изысканий, осуществления архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, эксплуатации и (или) сноса объекта капитального строительства».

Постановлением № 1431. В 2020 г. законодатель решил расширить и уточнить термин. ТИМ. В нем окончательно определены правила формирования и ведения информационной модели капитального строительства, а уже с 2022 г. нововведения будут использоваться во время госстроек – электронная документация станет там основной. При этом нюансы и принципы действия ТИМ и BIM совпали.

Моделирование – неотъемлемый навык для специальности архитектора, так как в процессе моделирования архитектор получает информацию о визуальном облике и образном составляющим своей идеи.

Цель моделирования заключается в том, чтобы разработать объемно-пространственную концептуальную модель – композицию заданного архитектурного пространства [7].

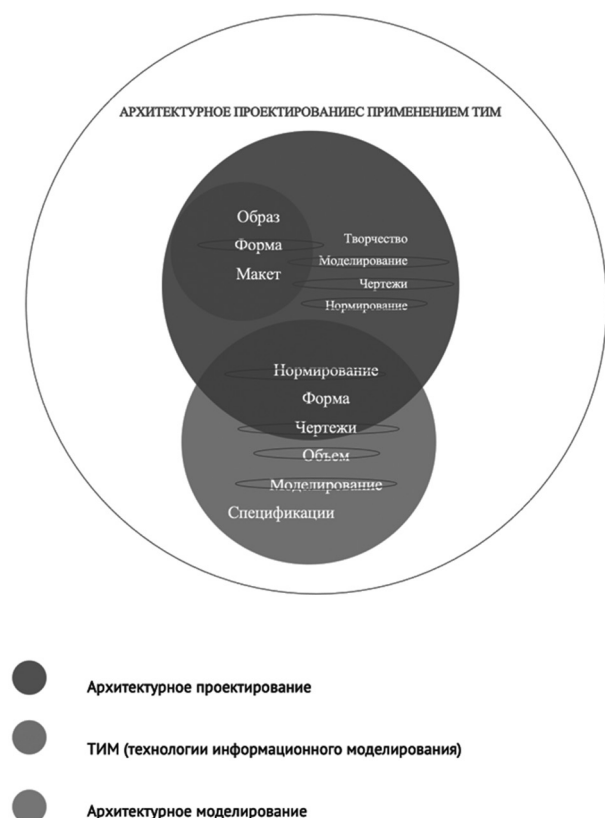
Моделирование объектов архитектуры в виде макетов-моделей или в виде компьютерных моделей позволяет создавать различные вариативные пространства на базе одной модели. При этом вариативность создается за счет использования различных форм, цвета, фактур, материалов и других вполне определенных средств [7].

Рассмотрим роль и место технологий информационного моделирования в архитектурном проектировании.

Информационное моделирование (англ. Building Information Modeling, BIM) – это процедура создания базы данных строительного объекта посредством поэтапного создания промежуточных информационных моделей, отражающих обработанную на этом этапе информацию о строительном объекте [9], в то время как архитектурное проектирование связано и с образным составляющим архитектуры.

Архитектурно-художественный образ неизменно формируется из миропонимания, актуальных проблем времени, из представлений о том, каким должно быть искусственное пространство и каким требованиям оно должно отвечать [2]. Использование автоматизированных средств проектирования не ново, они облегчают и помогают автоматизировать рутинные процессы. Но использование BIM (ТИМ) технологий в системе архитектурного проектирования остается открытым вопросом, так как творческий процесс деятельности архитектора связан с этапом поиска и идей, а также с мышлением, свойственным только человеку. На *рисунке 1* изображена схема на основе кругов Эйлера, демонстрирующая содержание понятий «Архитектурное проектирование», «Технологии информационного моделирования», «Архитектурное моделирование».

Исходя из анализа содержания терминов, можно сделать вывод, что в понятие ТИМ не входит как раз творческая составляющая, поэтому возникает вопрос: как интегрировать ТИМ (базирующиеся на точных действиях, расчетах и алгоритмах) в структуру творческого

**Рисунок 1. Содержание понятия
«Архитектурное проектирование
с применением ТИМ»**

на автоматизированных процессах (таких как создание чертежей, моделирование – построение информационной модели, расчет спецификаций и т.д.). Процесс макетирования можно приравнять к процессу построения объемной модели в компьютерных программах, как это было сделано в диссертации Н.А. Рочеговой «Компьютерное моделирование в процессе формирования основ архитектурной композиции». В диссертации рассмотрены принципы компьютерного моделирования, которые легли в основу архитектурной композиции: принцип двухстадийности, принцип комбинаторного моделирования, принцип синхронности, виртуально-комбинаторный метод [8]. Вполне может получиться так, что вечная задача синтеза парадигм архитектурного образования, задача балансировки традиций и новаторства, структурированности и свободного поиска будет, наконец, успешно решена [5].

Исходя из выводов, что современное проектирование невозможно без использования компьютерных средств, проведем сравнительный анализ стадийности проектирования и стадийности построения BIM модели (рисунок 2).

Исходя из сравнительного анализа можно сделать вывод, что BIM не учитывает процесс творческой деятельности и мышления, поэтому для архитекторов важно погружать в процесс BIM уже на стадии поиска идеи и формы и включать архитектора как одного из участников процесса проектирования с учетом особенностей классических методов проектирования и интеграции цифровых. Подготовка молодого поколения к работе в цифровых средах все еще остается делом новым и во многом экспериментальным [6]. Но стадийность архитектурного проектирования включает стадии создания ИМ в ТИМ, поэтому технологии информационного моделирования могут быть включены в структуру создания архитектуры зданий и сооружений на более ранних этапах, нежели выдача рабочей документации.

процесса становления архитектурного проекта? А. Асанович в докторской диссертации «Компьютерные средства и эволюция методологии архитектурного проектирования» видит возможность применения компьютера как посредника в процессе архитектурного формообразования. В настоящее время автоматизация и искусственный интеллект не способны заменить архитекторов. Но это вовсе не означает, что профессия не претерпевает глубоких преобразований: компьютеры и программное обеспечение устраняют утомительную повторяющуюся деятельность, оптимизируя производство технических материалов и позволяя, среди прочего, уменьшить размеры архитектурных бюро [4].

Исходя из анализа кругов Эйлера можно сделать вывод, что концепция методики архитектурного проектирования с применением ТИМ базируется на аспектах и понятиях, заложенных в традиционных методах архитектурного проектирования (комплексный метод, средовой подход, творческий метод по Б.Г. Бархину), и содержит такие понятия, как образное архитектурное решение и композиционное моделирование, а также

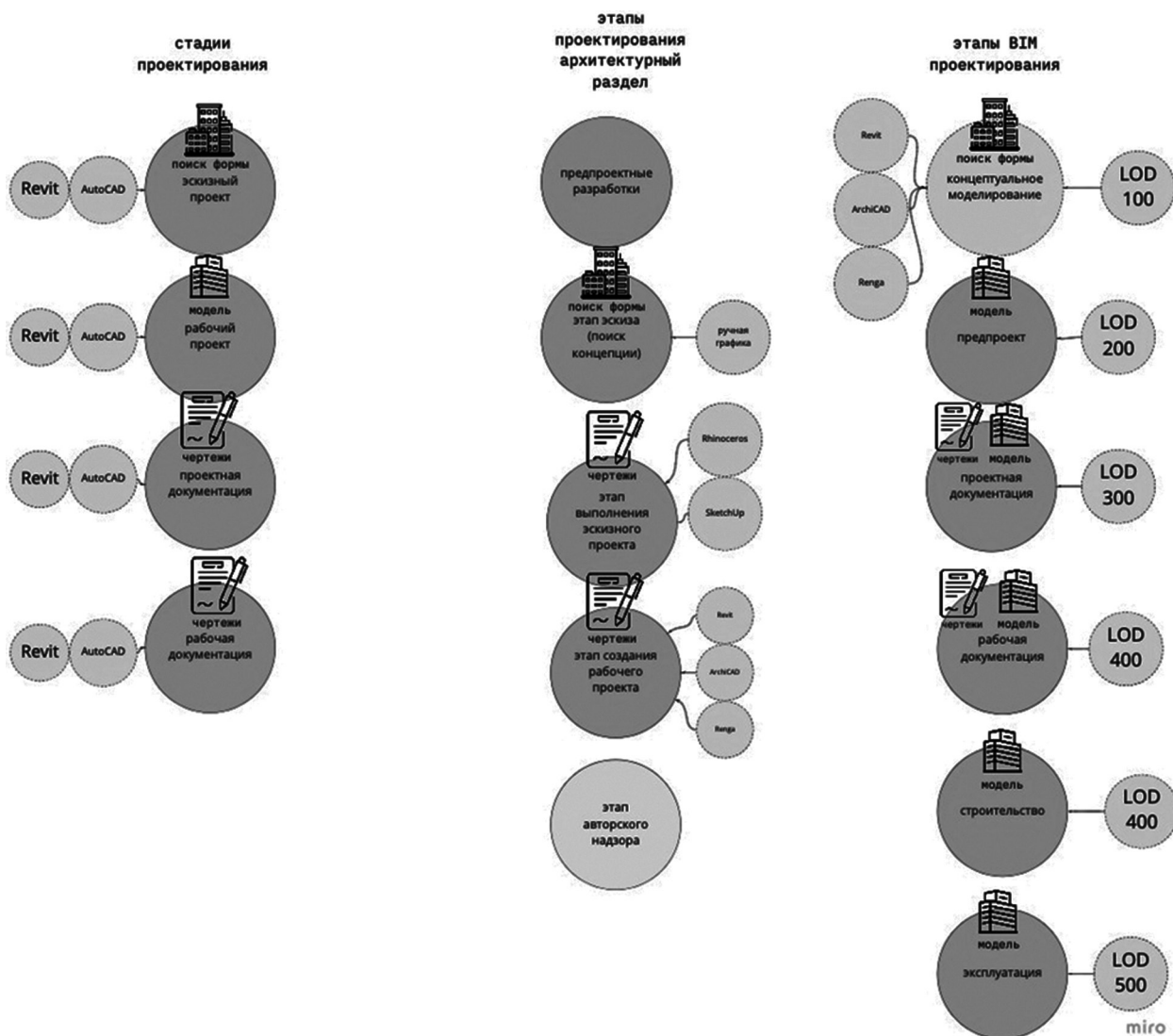

Рисунок 2. Сравнение этапов архитектурного проектирования, проектирования в ТИМ, и этапов раздела архитектурный проект

На рисунке 3 изображен процесс применения BIM на стадии эскизного проектирования студентами Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института с учетом творческого метода проектирования и классических подходов к архитектурному проектированию. На рисунке выявлена главная проблема применения ТИМ на стадии поиска идей, а именно – проблема эскизирования. Студентами был выполнен эскиз генерального плана территории сначала вручную, а потом перенесен на компьютер уже в системный комплекс ArchiCAD.

Согласно представленной выше информации и проведенному внедрению ТИМ на стадии эскиза можно сделать вывод, что роль ТИМ в архитектурном проектировании важна, но с сохранением или с переосмыслением традиционных инструментов, методик и средств, применяемых для поиска идеи и развития творческого мышления архитектора. В результате можно дать определение, что **архитектурное проектирование с применением ТИМ** – это процесс создания архитектуры зданий или сооружений с применением методики архитектурного проектирования, в комплексе с методикой информационного моделирования, с использованием цифровых, компьютерных и других автоматизированных средств проектирования, основной задачей которого является сохранение творческой составляющей профессии архитектор.

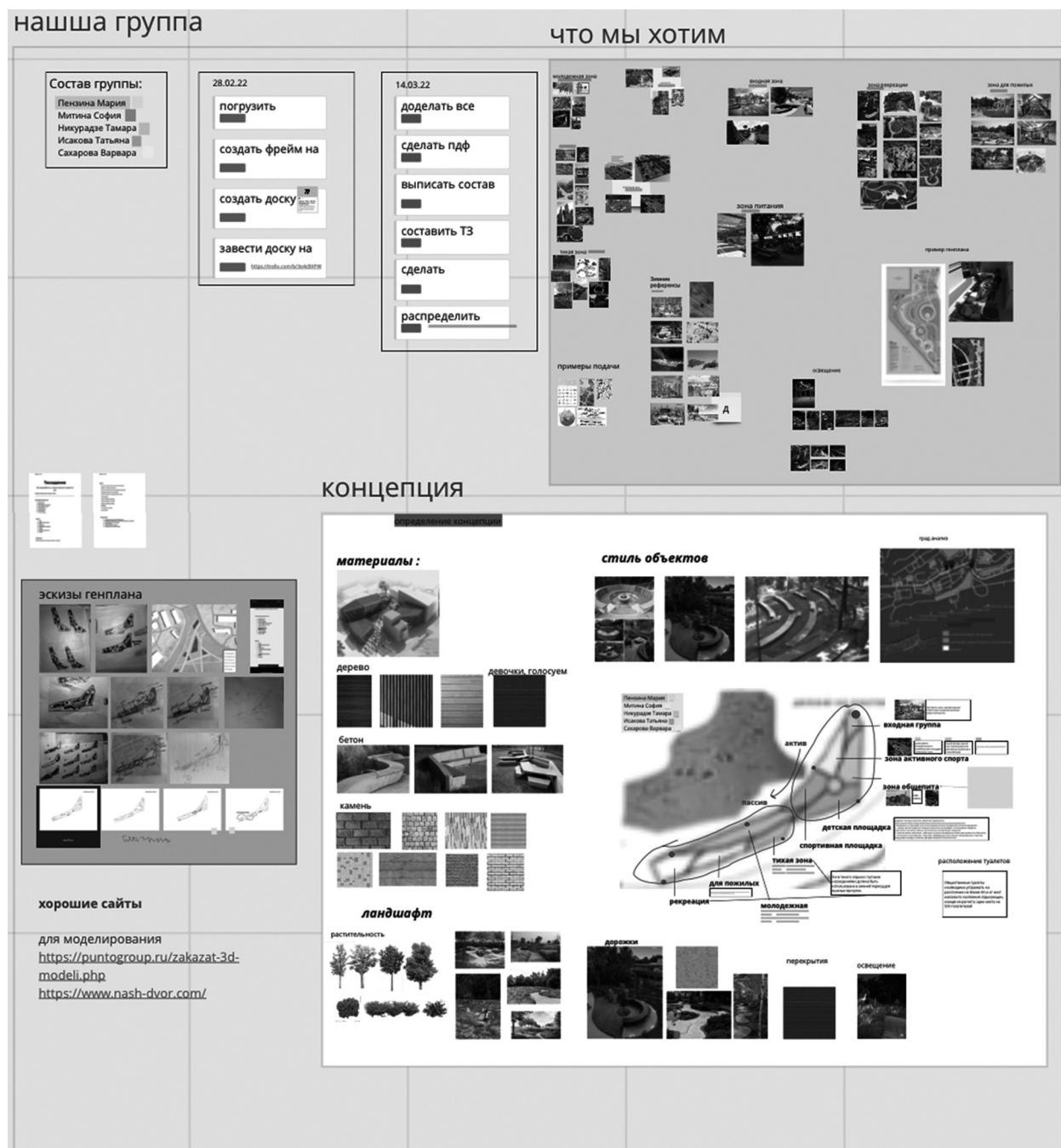

Рисунок 3. Процесс работы над концепцией общественного пространства выполненного с учетом процесса ТИМ студентами второго курса кафедры архитектуры и дизайна Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института

Библиографический список

1. СП 333.1325800.2020 «Информационное моделирование в строительстве. Правила формирования информационной модели объектов на различных стадиях жизненного цикла». URL: https://www.sskural.ru/bim/docs/СП_333.1325800.2020.pdf (дата обращения: 23.01.2022).

2. Архитектурное проектирование – понятие и термины // Информационный портал о строительстве и архитектуре. URL: <https://delovoy-kvartal.ru/arhitekturnoe-proektir/> (дата обращения: 20.11.2022).
3. Асанович А. Компьютерные средства и эволюция методологии архитектурного проектирования : автореферат дис. ... д-ра архитектуры. М., 2006.
4. Булгакова Е. Нет провинций в интернете // Проект Байкал. 2020. Т. 17. № 65.
5. Булгакова Е.А. Некоторые аспекты цифровизации архитектурно-строительной отрасли на современном этапе // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 2.
6. Булгакова Е.А. Цифровизация архитектурно-строительного проектирования – проблемы и возможности // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2021 году: сборник научных трудов РААСН. М., 2022. Т. 1.
7. Лекарева Н.А. Моделирование как творческий метод в высшем образовании архитектора // Фундаментальные исследования. 2007. № 7.
8. Рочегова Н.А. Компьютерное моделирование в процессе формирования основ архитектурной композиции: начальная стадия высшего профессионального архитектурного образования: дис. ... канд. архитектуры. М., 2010.
9. Шемякина Т.Ю. Информационное моделирование строительных объектов: особенности применения и развития // Вестник ГУУ. 2020. № 7.
10. BIM моделирование // Архитектурная фотограмметрия. URL: <https://photogrammetria.ru/337-bim-modeling.html> (дата обращения: 19.11.2022).
11. BIM и ТИМ – в чем разница? // Цифровое строительство. Все о технологиях в строительстве. URL: <https://digital-build.ru/bim-i-tim-v-chem-raznicza/> (дата обращения: 16.11.2022).

А.С. Забегина

преподаватель

*Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт*

E-mail: anstasay@yandex.ru

ПОЛИМЕРНЫЕ БАЗАЛЬТОВОЛОКНИСТЫЕ КОМПОЗИТЫ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ

М.В. Бузаева, О.В. Агеева, И.А. Антипова

Аннотация. Рассмотрены особенности применения базальтового волокна в виде полимерных композитов для армирования бетонов. Базальтовое волокно характеризуется рядом преимуществ в сравнении с полимерными, стеклянными или углеродными волокнами. Благодаря природному происхождению даже после термообработки это минеральное волокно представляет собой экологически безопасный наполнитель для полимеров. Создание полимерных композитов из базальтоволокнистых материалов позволяет получать радиопрозрачные, сейсмостойкие бетонные изделия, взрыво- и огнебезопасные в том числе сложные сооружения и объекты. Модифицирование поверхности базальтового волокна может проводиться химическими и физическими методами. Результатом модифицирования является образование химических связей между фазами в композите и повышение степени адгезии с полимерной матрицей. Рассмотрены этапы производства композитной арматуры для бетонов из базальтового ровинга.

Ключевые слова: базальтовое волокно, полимерные композиты, армирование бетона, высокая прочность, долговечность.

POLYMER BASALT FIBER COMPOSITES IN CONSTRUCTION

M.V. Buzaeva, O.V. Ageeva, I.A. Antipova

Abstract. The features of the use of basalt fiber in the form of polymer composites for reinforcing concrete are considered. Basalt fiber is characterized by a number of advantages in comparison with polymer, glass or carbon fibers. Due to its natural origin, even after heat treatment, this mineral fiber is an environmentally friendly filler for polymers. The production of polymer composites from basalt-fiber materials makes it possible to obtain radio-transparent, seismic-resistant concrete products that are explosion- and fire-proof, including complex structures and objects. Modification of the surface of basalt fiber can be carried out by chemical and physical methods. The result of the modification is the formation of chemical bonds between the phases in the composite and an increase in the degree of adhesion with the polymer matrix. The stages of production of composite reinforcement for concrete from basalt roving are considered.

Keywords: basalt fiber, polymer composites, concrete reinforcement, high strength, durability.

Строительная отрасль является одним из крупнейших в мире потребителей полимерных композитов. Неармированные полимерные композиционные материалы давно применяются в строительной отрасли в качестве отделочных материалов и облицовки. Полимеры, армированные волокном, – относительно новый класс коррозионностойких, высокопрочных и легких материалов, которые получают все большее распространение в строительной отрасли [6]. Цель работы – сравнительный анализ физико-механических свойств полимерных композитов на основе базальтового волокна и композитов, армированных другими материалами, и особенностей производства данного типа наполнителей.

Основные области применения армированных волокном полимерных композитов в строительстве: создание цельнокомпозитных конструкций, включая здания и мосты, ремонт и восстановление бетонных, стальных, каменных и деревянных сооружений, упрочнение обычных и предварительно напряженных строительных конструкций и элементов [5; 9].

Бетонные сооружения и изделия, несмотря на высокие показатели прочности, обладают рядом недостатков: склонностью к усадке, растрескиванию, коррозии. Эти недостатки устраняют путем армирования. Для армирования традиционно использовались металлические сетки, проволока, прутки разного диаметра и прочее. Металлическая арматура характеризуется склонностью к отслаиванию из-за плохой адгезии к бетону, подвержена коррозии.

Главная отличительная черта композитной арматуры от металлических аналогов – ее устойчивость к агрессивному воздействию химических сред, в частности, к воздействию щелочей или кислот, хлористых солей, углекислого и сернистого газов. Теплопроводность композитной арматуры в 100 раз меньше, чем у металла; она предотвращает образование в конструкциях «мостиков холода». Полимерные композиты в 2 раза прочнее стали, а благодаря их низкому удельному весу (в 4 раза легче стали) снижаются затраты на транспортировку, погрузку-разгрузку, складирование, ускорение монтажных работ. Такая специфика данной арматуры не просто позволяет расширить области ее применения в строительстве, но и существенно увеличить межремонтный период строящихся объектов [1].

Внедрение в производство композитной арматуры повлекло за собой разработку норм проектирования, спецификаций материалов, руководств по проектированию, национальных и международных стандартов для композитов, используемых при армировании бетонов. Были введены в действие межгосударственный стандарт ГОСТ 31938-2012 «Арматура композитная полимерная для армирования бетонных конструкций. Общие технические условия», – нормативный документ, регламентирующий общие технические условия для композитной полимерной арматуры периодического профиля, предназначенной для армирования обычных и предварительно напряженных строительных конструкций и элементов, эксплуатирующихся в средах с различной степенью агрессивного воздействия, отвечающих требованиям огнестойкости по ГОСТ 30247 и пожарной безопасности по ГОСТ 30403-2012.

Армирующие композитные материалы на 75–80 % состоят из волокон, которые определяют прочностные характеристики композитных материалов и изделий. В полимерную матрицу при создании композитов в качестве армирующих материалов вводят углеродное, стеклянное, арамидное и базальтовое волокно. Базальтопластик выделяется из этого ряда материалов особыми свойствами. Это единственные волокна, которые производятся непосредственно из природного сырья. Благодаря термостойкости и практически инертному химическому составу [10] базальтовое волокно является экологически безопасным материалом (рисунок 1).

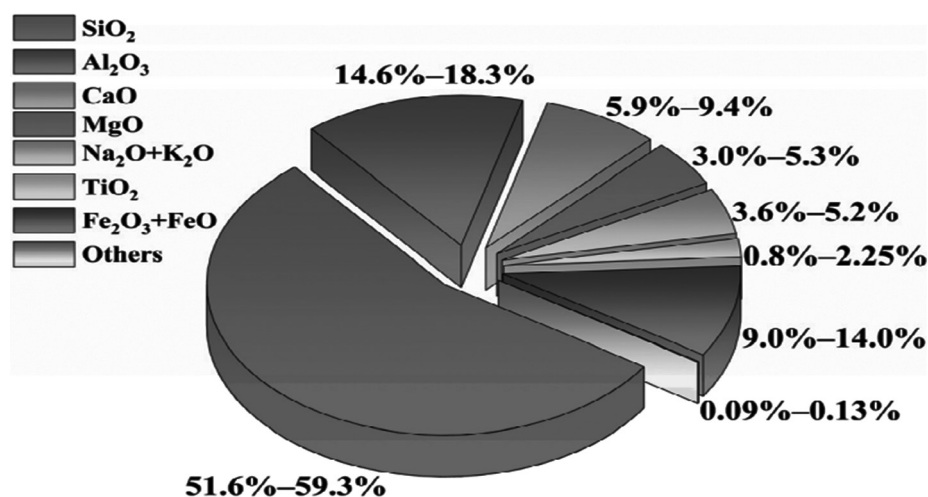

Рисунок 1. Химический состав базальтовых волокон [8]

В качестве армирующего компонента бетона базальт может использоваться в виде фибры – коротких кусочков базальтовых волокон или ровинга (жгутов из волокон). Фибры получают из расплавленных пород магматического происхождения, которые пропускают через фильеры (специальные формы с отверстиями), для получения волокон определенной толщины (от 0,5 до 20 микрон). Из полученных волокон формуют базальтовое волокно (ровинг) – непрерывную пряжу базальтовых комплексных нитей.

Более простым с технической точки зрения является армирование бетона добавлением фибры, которую называют также микроарматурой или объемным (дисперсным) армированием. Базальтовый ровинг используется в качестве армирующего наполнителя при производстве композитных материалов (базальтопластиков) и изделий на их основе с полимерными и неорганическими матрицами (связующими).

Независимо от способа армирования базальт придает таким полимерным композитам уникальные свойства (таблица 1). По сравнению с другими видами армирующих композитных материалов базальтопластики обладают лучшими эксплуатационными свойствами, а невысокие значения модуля упругости по сравнению с другими волоконными композитами достаточны для обеспечения необходимых механических свойств при армировании бетона. Кроме того, высокая термостойкость этого минерального наполнителя обеспечивает использование в диапазоне температур от -200°C до 700°C . Такой композит превосходит изделия из стали по многим параметрам: прочнее и легче по весу стальной проволоки сопоставимого размера, не корродирует, не вызывает растрескивания бетона, не проводит электрический ток и не создает электрическое поле. А также композиты с таким минеральным наполнителем обладают лучшей адгезией по отношению к бетону [2].

Таблица 1

Характеристики волокнистых полимерных композитных материалов [3]

№	Наименование		Стекло-пластик	Углерастик	Базальто-пластик	Арамидо-пластик
1	Плотность, кг/м³		1800–2000	1450–1600	1900–2400	1250–136
2	Модуль упругости (модуль Юнга), ГПа		50–70	350	50	127–160
3	Предел прочности, МПа	при рас-тяжении	1700	2000–3000	1650	500–2500
		при сжатии	410–1180	940–1290	5000	250–400

Выгодно отличается базальтовое волокно от стеклянных, углеродных и полимерных наполнителей композитов более высокими значениями термоизоляции, звукоизоляции, низкой гигроскопичностью (ниже, чем у стеклянных волокон в 6 раз); негорючестью; отсутствием дымления (например, при пожарах) [4].

В процессе производства базальтового волокна, использующегося в композитах, для увеличения адгезии проводят модифицирование поверхности. Поверхностное модифицирование базальтовых волокон бывает двух видов: физическое и химическое. Физическое модифицирование приводит к увеличению шероховатости поверхности, площади удельной поверхности, изменению микроструктурных характеристик волокна, формирующих механические центры сцепления его с полимерной матрицей. Химическое модифицирование базальтоволокна представляет собой процесс введения химических функциональных групп в его поверхностный слой, способствующее образованию химических связей между двумя фазами композита для повышения прочности.

В настоящее время технология модифицирования поверхности базальтового волокна в основном включает кислотно-щелочное травление, покрытие, плазменную обработку, обработку связующим агентом, обработку наноматериалами и проклейку.

В методе кислотно-щелочного травления поверхность базальтового волокна протравливается кислотой или основанием для создания шероховатости, бороздок или выступов, в результате полимерная смола прилипает к поверхности волокна, улучшая степень сцепления между волокном и полимером, что подтверждается данными сканирующей электронной микроскопии [10]. Увеличение удельной поверхности после подобного процесса протравливания наблюдается как при обработке кислотой, так и при воздействии растворов щелочи. При этом механические испытания базальтопластиков на основе модифицированных волокон показали улучшение таких свойств, как прочность на растяжение и ударная вязкость композитов [11]. Эффект травления щелочью был выше, чем кислотная обработка.

Обработка связующим агентом (аппретом) также применяется для модифицирования поверхности волокна. Используют вещества с двумя различными типами функциональных групп, которые могут вступать в реакцию с волокнами и матрицей, образуя непрямую химическую связь между ними и улучшая прочность соединения. Для обработки поверхности базальтового волокна может быть использован аминопропилтриэтоксисилан. Результаты показали, что эпоксисилановые аппреты могут увеличивать прочность на растяжение и изгиб композитов на 30,25 и 11,65 % соответственно при армировании базальтовым волокном [7].

Сравнение стоимости базальтовой арматуры и производства армированных изделий из бетона по сравнению со сталью показывает, что базальтопластиковое армирование особенно выгодно применять в средах с повышенной коррозионной агрессивностью. В зависимости от размера проекта и его сложности, даже при незначительном превышении стоимости базальтопластиковой арматуры, окончательная цена может быть ниже, за счет снижения стоимости транспортировки, обработки материалов, расходов на профилактические мероприятия или текущий ремонт. Базальтовая арматура – это вид продукции, который окупается со временем. Кроме того, цена на сталь более подвержена колебаниям. Напротив, базальтовая арматура гораздо более стабильна в цене.

Рисунок 2. Изготовление композитной полимерной арматуры

Технологический процесс изготовления полимерной композитной арматуры методом пултрузии заключается в пропитывании базальтового ровинга полимерным связующим, с последующим протягиванием через систему фильер с постепенно уменьшающимся сечением. После формования арматурных стержней проводят полимеризацию смолы при нагревании. Технологический процесс состоит из нескольких этапов (рисунк 2).

В процессе производства проводится контроль за обрывом ровинга, за наличием связующего в ванночке, за появлением базальтового пуха на гребенках, фильерах, направляющих, который требует удаления. При изготовлении арматуры также контролируют внешний вид, диаметр и общую длину стержня.

Таким образом, базальтовое волокно, характеризующееся высокой прочностью, коррозионной стойкостью, стойкостью к высоким температурам и значительным усталостным сопротивлением, в дальнейшем все активнее будет применяться при производстве полимерных композитов. Наиболее эффективным методом производства арматуры для бетона является пултрузия. Кроме улучшенных эксплуатационных характеристик, природное происхождение сырья и химическая стойкость делают базальтовое волокно многообещающим экологически чистым материалом с большим потенциалом в энергосистемах и строительстве.

Библиографический список

1. Базальтопластиковая арматура ROCKBAR // ГАЛЕН: композиты будущего. URL: <https://galen-composite.ru/produkcija/armatura-rockbar/bazaltplastikovaia-armatura-rockbar/> (дата обращения: 10.09.2022).
2. Базальтовое волокно: характеристики и свойства. URL: <https://kamni.ws/?p=304#i-2> (дата обращения: 10.09.2022).
3. Знаменский М.В., Подгорный Л.Н., Шапошников В.М. О перспективах применения композитной полимерной арматуры в корпусных конструкциях морских плавучих сооружений из армированного бетона // Морской вестник. 2017. № S1 (13).
4. Как сделать бетон прочнее. Базальтовая фибра: армируем без арматуры // CEMMIX. URL: <https://cemmix.ru/clauses/kak-sdelat-beton-prochnee-bazaltovaya-fibra-armiru> (дата обращения: 10.09.2022).
5. Оснос С.П., Рожков А.И., Федотов А.А. Почему базальтовые непрерывные волокна станут основой производства армирующих и композиционных материалов в XXI веке // Композитный мир. 2022. № 1 (88).
6. Шишакина О.А., Паламарчук А.А. Полимерные композиционные материалы в строительстве // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2019. № 12–2.
7. Arslan C., Dogan M. The effects of silane coupling agents on the mechanical properties of basalt fiber reinforced poly(butylene terephthalate) composites // Compos. B Eng. 2018. 146.
8. Liu H., Yu Y., Liu Y., Zhang M., Li L., Ma L., Sun Y., Wang W. A Review on Basalt Fiber Composites and Their Applications in Clean Energy Sector and Power Grids // Polymers. 2022. 14. 2376. URL: <https://doi.org/10.3390/polym14122376> (дата обращения: 10.09.2022).
9. Mosallam A.S., Bayraktar A., Elmikawi M., Pul S., Adanur S. Polymer Composites in Construction // An Overview. SOJ Mater Sci Eng. 2013. 2 (1). 25. DOI: <http://dx.doi.org/10.15226/sojmse.2014.00107>.
10. Wei B., Cao H.L., Song S.H. Tensile behavior contrast of basalt and glass fibers after chemical treatment // Mater. Des. 2010. 31.
11. Xu J.C., Zhang X.Y., Liao M., Zhou X.T., Wu Z.R. Production and properties of modified basalt fiber // Compos. Mater. 2018. 35.

М.В. Бузаева

доктор химических наук, доцент

заведующий кафедрой химии и технологии композиционных материалов

Ульяновский государственный технический университет

E-mail: m.buzaeva@mail.ru

О.В. Агеева

кандидат биологических наук, доцент

начальник кафедры пожарной безопасности технологических процессов

в составе учебно-научного комплекса пожарной безопасности объектов защиты

Академия государственной противопожарной службы МЧС России, г. Москва

E-mail: O.Ageeva@academygps.ru

И.А. Антипова

студент направления подготовки «Материаловедение и технология материалов»

Ульяновский государственный технический университет

E-mail: intir03@gmail.com

УЧЕТ ЭФФЕКТИВНОГО РАДИУСА ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ЛОГИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

А.А. Арский

Аннотация. В исследовании представлены условия эффективной организации (строительства) логистических трансформационных центров предприятий добычи и переработки водных биологических ресурсов. Обосновывается необходимость государственно-частного партнерства на местах при кооперации участников рынка. Представляется новая дефиниция «эффективный радиус», обеспечивающая понимание термина удаленности объектов относительно центра и друг друга в системе.

Ключевые слова: водные биологические ресурсы, логистика, логистический аутсорсинг, трансформационный центр, эффективный радиус.

CONSIDERATION OF THE EFFECTIVE RADIUS DURING THE CONSTRUCTION AND OPERATION OF THE LOGISTICS CENTER

A.A. Arskiy

Abstract. The study presents the conditions for the effective organization (construction) of logistics transformation centers of enterprises for the extraction and processing of aquatic biological resources. The necessity of public-private partnership in the field with the cooperation of market participants is substantiated. A new definition of «effective radius» is presented, providing an understanding of the term about the distance of objects relative to the center and each other in the system.

Keywords: aquatic biological resources, logistics, logistics outsourcing, transformation center, effective radius

Логистические системы предприятий добычи и переработки водных биологических ресурсов, как правило, располагаться в местах промысла, однако в условиях удаленности мест традиционного промысла от мест массового потребления (мегаполисов) возникает проблема высокого уровня логистических издержек, что отражается как на потребительском спросе, так и на экономическом развитии отрасли. Актуальной задачей данного исследования, является определение направлений совершенствования существующих моделей логистических систем предприятий добычи и переработки водных биологических ресурсов. Всероссийский научно-исследовательский институт рыбного хозяйства и океанографии, на системной основе проводит исследования в области экономической эффективности логистических систем отрасли. На основе результатов анализа, установлено, что предприятия отрасли нуждаются в современных перевалочных пунктах вне зон традиционных мест промысла.

По своей сути, логистические центры отраслевых предприятий могут быть организованы в форме трансформационных логистических центров, в функционал которых входит формирование товарных партий, с учетом многоассортиментной консолидации продукции нескольких производителей, сезонном хранении товаров, обеспечении замены транспорта при мультимодальных перевозках и т.д. [3]. Стоит отметить, что фактически функционал логистического трансформационного центра схож с функционалом предприятия добычи и переработки, за исключением собственно, производства самих водных биологических ре-

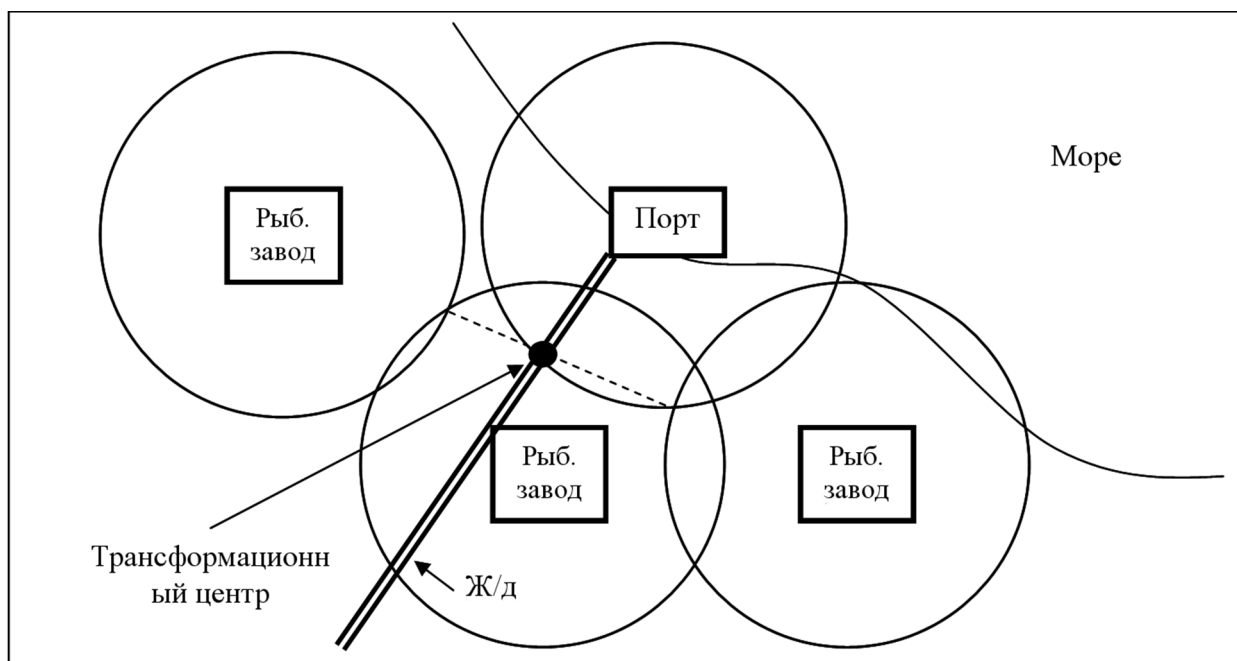

Рисунок 1. Схема размещения трансформационного центра

сурсов. Однако масштаб (объем) хранения, перевалки и обеспечения транспортными услугами в логистическом трансформационном центре значительно выше, в том числе по количеству номенклатур ассортимента продукции.

В формате данного исследования, рассматривается территориальный и отраслевой фактор во взаимосвязи с объемами потребления продукции территориями и развитостью транспортной инфраструктуры.

Для эффективной эксплуатации трансформационных центров, обеспечивающих максимальную экономическую эффективность как клиентов данных центров, так и операторов, эксплуатирующих данные центры, важны следующие условия:

1. Все предприятия отрасли, пользующиеся услугами трансформационного логистического центра, должны иметь как можно более равную удаленность от трансформационного центра.
2. Реверсивное движение сырья, материалов и готовой продукции не допускается.
3. Трансформационный центр может быть организован в формате консорциума при соблюдении действующего антимонопольного законодательства, для недопущения картельного сговора [1].

Место для строительства трансформационного центра, вербально, возможно выразить схемой наложения эффективных радиусов предприятий, участвующих в консорциуме – трансформационном центре (рисунок 1). При этом необходимо дать определение понятию «эффективный радиус» – это радиус, при котором, стоимость логистических издержек по транспортированию товара не оказывает критического влияния на оптовую стоимость товара, отпускаемого торговой сети.

На рисунке 1 обозначен трансформационный центр, принцип размещения которого основан на равной удаленности основных объектов консорциума. Следует учитывать, что в данной схеме могут быть учтены крупнейшие железнодорожные узловые станции, обеспечивающие при их реконструкции, более высокую пропускную способность грузов отрасли.

Технологический фактор строительства и эксплуатации логистического (трансформационного) центра предприятий добычи и переработки водных биологических ресурсов должен учитывать следующие условия, представленные в *таблице 1*.

Таблица 1

Комплекс условий эффективной организации логистического (трансформационного) центра предприятий добычи и переработки водных биологических ресурсов

№	Условие эффективного функционирования	Максимум условия (рациональное значение <i>max</i>)	Минимум условия (рациональное значение <i>min</i>)	Иррациональное значение
1	Равная удаленность объектов системы (предприятий переработки P) от центра (трансформационного центра)	$\frac{P_1}{P_2} = 1$, при $P \rightarrow <1$. Расстояние между объектами одинаково	$\frac{P_{\text{наименьшее}}}{P_1 + P_n} > 0,9$ Разница среднего, не должна превышать наименьшее расстояние более чем на 10 %	Разница среднего, превышает наименьшее расстояние более чем на 10 %
2	Развитость железнодорожных и транспортных магистралей федерального значения	Железнодорожное сообщение транзитное (движение сквозное) Автомобильное сообщение транзитное (движение сквозное, более 2-х полос)	Железнодорожное сообщение реверсивное (движение однопутная дорога) Автомобильное сообщение реверсивное (движение в 2 полосы)	Отсутствие дублирующего вида транспорта (наличие только Ж/д или только автомобильной дороги)
3	Развитость логистического аутсорсинга, обслуживающего логистический трансформационный центр	Наличие 3 и более, субъектов малого и среднего бизнеса, безубыточно осуществляющих экономическую деятельность на территории более 3-х лет	Наличие 2–3 субъектов малого бизнеса, безубыточно осуществляющих экономическую деятельность на территории более 3-х лет	Отсутствие 2–3 субъектов малого и среднего бизнеса. Наличие 1 логистического оператора на рынке

Условие № 1, представленное в *таблице 1*, призвано обеспечить гармонизацию объемов и уровня логистических издержек при перемещении товаров и полуфабрикатов внутри системы, от каждого субъекта в логистический трансформационный центр.

Условие № 2 ориентировано на частно-государственное партнерство при развитии регионов, чему способствует Транспортная стратегия России, рассчитанная до 2030 г., так как именно государство должно обеспечить совершенствование транспортной межрегиональной транспортной инфраструктуры, в том числе с учетом транзитного таможенного потенциала территории [4].

Условие № 3 состоит в необходимом наличии конкурентной среды на территории, без наличия монополии и картельных сговоров. Предполагается, что в целях создания дополнительных рабочих мест и развития местного бизнеса, к строительству и обеспечению функционирования логистических трансформационных центров, должны быть привлечены прежде всего те компании, которые уже действуют в регионе. Опираясь на собственный опыт, знание специфики региона, они способны более качественно выстраивать организационные взаимосвязи. Однако, и здесь не повредит поддержка федеральных и региональных властей, а также участие в проекте компаний, уже имеющих опыт реализации таких проектов в других регионах нашей страны.

Научная новизна данного исследования, состоит в обобщении комплекса условий, обеспечивающих эффективное развертывание и эксплуатацию трансформационных логистических

ских центров предприятий добычи и переработки водных биологических ресурсов, а также в формировании нового понятия «эффективный радиус», применительно к строительству объектов системы в комплексной их взаимосвязи.

Совершенствование логистических систем предприятий добычи и переработки водных биологических ресурсов может и должно строиться на новых принципах государственно-частного партнерства и кооперации субъектов рынка на местах. В настоящее время Россия имеет уникальный шанс развития отрасли добычи и переработки водных биологических ресурсов, и задача научного сообщества обеспечить реализацию данного шанса, посредством предложения новых, эффективных и универсальных логистических моделей [2].

Библиографический список

1. Арский А.А. Экономические аспекты генерации агропромышленных кластеров // Маркетинг и логистика. 2020. № 2 (28).
2. Арский А.А. Проблемы реализации условий Правила 7 «R» в логистическом аутсорсинге агропромышленного комплекса // Маркетинг и логистика. 2019. № 5 (25).
3. Бетин О.И., Труба А.С., Черданцев В.П. Расширение ассортимента рыбной продукции // Экономика сельского хозяйства России. 2021. № 1.
4. Бетин О.И., Дусаева Е.М., Труба А.С. Повышение конкурентоспособности рыбохозяйственного комплекса через реализацию стратегии развития // Труды ВНИРО. 2020. Т. 182.

А.А. Арский

кандидат экономических наук, доцент

докторант

Всероссийский научно-исследовательский институт

рыбного хозяйства и океанографии, г. Москва

E-mail: arskiy@list.ru

УДК 82

doi: 10.52470/2619046X_2022_4_59

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ АВТОРСКОЙ ИНТЕНЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ Д. ГРАНИНА «ПРОПИСАННЫЕ НАВЕЧНО»)

С.Н. Самарская

Аннотация. Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью проанализировать лексические и синтаксические единицы, способствующие выражению авторской интенции публицистического эссе, выявить взаимообусловленность лексем и синтагм, влияющих на достижение перлокутивного эффекта коммуникативного акта. В статье представлен коммуникативный подход к анализу публицистического эссе как одного из ключевых жанров публицистического дискурса. В ходе исследования был проанализирован композиционный строй статьи, составлен развернутый план-схема. Был проведен качественно-количественный анализ употребления автором наиболее частотных лексем и синтагм, выражающих авторскую интенцию, указаны их функциональные характеристики, приведены иллюстрации. Языковые явления анализируются на материале публицистического эссе Даниила Гранина «Прописанные навечно».

Ключевые слова: публицистический дискурс, публицистическое эссе, авторская интенция, лексические единицы, синтаксические единицы.

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING THE AUTHOR'S INTENTION (BASED ON THE MATERIAL OF D. GRANIN'S JOURNALISTIC ARTICLE «PRESCRIBED FOREVER»)

S.N. Samarskaya

Abstract. The relevance of this work is premised on the need to analyze the lexical and syntactic units that contribute to the expression of the author's intention of a journalistic essay and identify the interdependence of lexemes and syntagmas that affect the achievement of the perlocative effect of a communicative act. The article presents a communicative approach to the analysis of the journalistic essay as one of the key genres of journalistic discourse. In the course of the study, the compositional structure of the article was analyzed as well as a detailed plan-scheme was drawn up. A qualitative and quantitative analysis of the author's use of the most frequent lexemes and syntagmas expressing the author's intention was carried out, their functional characteristics were indicated, illustrations were given. Linguistic phenomena are analyzed on the material of Daniil Granin's journalistic essay «Prescribed forever».

Keywords: journalistic discourse, journalistic essay, author's intention, lexical units, syntactic units.

В современной науке о языке заметно возрос интерес к применению коммуникативного подхода в исследовании языковых единиц на различных ярусах. Это обусловлено доминирова-

нием антропоцентрической парадигмы в научном сообществе, в частности, в области интересов исследователей-филологов. В отличие от функционального подхода, при котором языковая единица рассматривалась линейно, изолировано на каждом языковом ярусе, коммуникативный подход предполагает рассмотрение языковой единицы целостно, как продукт коммуникативного акта. Развитие коммуникативного подхода в лингвистике стало импульсом к развитию коммуникативной стилистики, отраженной в работах Г.Я. Солганика, В.Г. Костомарова.

Идя вслед за работами названных исследователей в области коммуникативной стилистики, мы будем рассматривать текст как единицу коммуникативного акта и интерпретировать его «как речевое произведение адресанта, направленное к адресату». При этом «текст, включенный в коммуникативную ситуацию, будет являться составной частью дискурса» [4]. Отметим, что в настоящей работе представлено исследование публицистического текста в контексте публицистического дискурса, отличающегося от текста художественного, научного, разговорного и других. Выбор публицистического дискурса обусловлен тем, что его производной единицей выступает публицистический текст, в наибольшей степени выражающий общественную значимость языковых единиц, взаимозависимость адресата и адресанта, отражающий сущность коммуникативного подхода.

Рисунок 1 иллюстрирует элементы публицистического дискурса с позиции коммуникативной стилистики [4]. Согласно приведенной схеме, авторская интенция выступает одним из компонентов, влияющих на результат коммуникативного акта.

адресант → интенция → текст → адресат → декодирование →
воздействие (перлокутивный эффект) / коммуникативная неудача

Рисунок 1. Элементы публицистического дискурса с позиции коммуникативной стилистики

Под авторской интенцией мы понимаем «намерения говорящего или пишущего» [2, с. 376]. В публицистическом тексте авторская интенция является одним из текстообразующих критериев, поскольку одна из главных функций публицистики – суггестия – оказывать воздействие на читателя, транслировать с помощью текста статьи авторский замысел, идею, авторскую позицию, выразить авторскую оценку.

Свободная форма выражения авторской интенции может быть реализована в жанре публицистического эссе, исследованию которого посвящена работа Л.Г. Кайды [3]. По мнению исследователя, для публицистического эссе характерно свободное по форме и авторскому замыслу содержание, выражающее субъективное и эмоциональное размышление автора-публициста на актуальную тему, представляющую интерес для адресанта и адресата.

Поскольку эссе позволяет в свободной форме выразить намерения адресанта, лексические и синтаксические единицы могут выступать проводником авторского замысла между автором и читателем.

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью выявить, классифицировать и описать лексические и синтаксические единицы, способствующие выражению авторской интенции в публицистическом эссе Д. Гранина «Прописанные навечно».

Гипотезой настоящего исследования выступает предположение об эффективности выражения авторской интенции посредством лексических и синтаксических средств, а также их способности в реализации перлокутивного эффекта.

Объект исследования – авторская интенция как один из текстообразующих критериев публицистического эссе. Предмет – лексические и синтаксические единицы, лексемы и синтагмы, в которых находит свое воплощение авторская интенция.

Целью настоящей работы является проведение функционально-стилистического анализа лексических и синтаксических единиц как форм выражения авторской интенции в публицистическом тексте Д. Гранина.

Для решения поставленной цели нами были определены следующие задачи:

- проанализировать композиционный строй статьи, составить развернутый план-схему;
- сформулировать авторскую интенцию статьи Д. Гранина «Прописанные навечно»;
- отобрать лексический и синтаксический корпус, в котором отражена авторская интенция;
- проанализировать лексический строй статьи: провести качественно-количественный анализ употребления автором лексических единиц с оценочной коннотацией, определить наиболее частотные лексемы, указать их функциональные характеристики, привести иллюстрации;
- проанализировать синтаксический строй статьи: классифицировать синтагмы по функциональной принадлежности, провести качественно-количественный анализ их употребления, определить наиболее частотные синтагмы, сферу их функционирования, привести иллюстрации;
- сопоставить полученные результаты качественно-количественного анализа лексем и синтагм, определить интенсивность выражения авторской интенции посредством использования лексических и синтаксических средств.

Основным методологическим приемом настоящего исследования является функционально-коммуникативный анализ текста.

В качестве эмпирической базы было выбрано публицистическое эссе Даниила Гранина «Прописанные навечно».

Научная новизна проводимого исследования заключается в проведении функционально-коммуникативного анализа с целью определения лексических и синтаксических форм выражения авторской интенции на базе выбранного языкового материала.

Обратимся к публицистической статье Д.А. Гранина «Прописанные навечно». Автор делит текст на две части, используя графическое средство – абзацный отступ. Использование двухчастной композиции обусловлено авторским замыслом – продвижением идеи сохранения *«всего лучшего из построенного, сказанного, созданного»* [1, с. 22], то есть продвижением ключевой интенции статьи – утверждение статуса культуры как одного из столпов искусства. Созвучен авторскому замыслу заголовок статьи – сильная позиция текста; то, что создано деятелями искусства в широком смысле слова, навечно прописано в истории человечества, выступает частью генетического кода человека. Выбранный публицистический текст отличается система аргументов и иллюстраций, подтверждающая сформулированную идею, выражающая авторскую интенцию.

Мы представили статью Д. Гранина «Прописанные навечно» в виде развернутого плана-схемы:

I часть

1. Тезис: *«Литература утратила прежнее значение. Плохо это или хорошо?»* [1, с.19].
2. Система доказательств: аргумент, контраргумент, авторское мнение.
3. Авторские примеры.
4. Тезис: *«Культура – это сохранение всего лучшего из построенного, сказанного, созданного»* [1, с. 22].
5. Тезис: *«Сейчас не лучшее время для культуры, в частности для литературы, которая в каком-то смысле роскошь культуры»* [1, с. 22].
6. Система доказательств: контраргумент, аргумент, авторское мнение.

II часть

1. Тезис «*Писатели, художники – дети, продолжающие жить фантазией, игрою*» [1, с. 24].
2. Система риторических вопросов.
3. Система иллюстраций.
4. Вывод.

В первой и во второй части статьи представлены аналитико-синтетические структуры, содержащие стержневую, поясняющую и обобщающую информацию. Под стержневой информацией мы понимаем тезисы; под поясняющей – авторские примеры; под обобщающей – аргументы, контраргументы, авторское мнение.

Нами было отобрано и проанализировано 145 лексических единиц (самостоятельные слова, словосочетания, простые предложения), 78 синтаксических единиц (риторические вопросы, синтаксический параллелизм, полисиндетон, парцелляция), которые выражают авторскую интенцию: информацию о положительной или отрицательной оценке автором описываемых фактов, явлений и событий.

В публицистическом эссе Д. Гранина можно выделить эксплицитную и имплицитную форму выражения авторской интенции, а значит, в отобранном корпусе лексем и синтагм, распределенных нами в аналитико-синтетические структуры, выражается разная степень интенсивности авторской интенции. Можно предположить, что степень проявления интенсивности оценочной семы и синтаксической конструкции влияет на степень выраженности авторской интенции.

В исследуемом публицистическом эссе нами было отмечено отхождение от традиционной рамочной композиции: зачин совмещен с тезисом. Однако общее звучание первой и последней фразы статьи всё-таки перекликается, тем самым создавая «рамочный» эффект композиции: «*Литература утратила прежнее значение*», «*Время выявляет в книгах то, что ускользало еще несколько лет назад*» [1, с. 19, 27].

Кроме сочетания зачина и первого тезиса, пояснение названной микротемы возникает благодаря использованию открытого вопроса и односложного отрицательного ответа: «*Литература утратила прежнее значение. Плохо это или хорошо? На такой вопрос нет ответа*» [1, с. 19].

Для доказательства прозвучавшего тезиса автором использован аргумент: «*Одни горюют, возмущаются тем, что кончился золотой век литературы, когда книги издавались миллионными тиражами, а поэтические вечера собирали тысячные аудитории*» [1, с. 19].

Общая интенция приведенной цитаты-иллюстрации – «явное неодобрение». Во-первых, заметна отрицательная коннотация лексем «горюют» – в значении «сожалеют»; «возмущаются» – в значении «приводить в негодование, вызывая чувство крайнего недовольства, гнева» [6]. Во-вторых, в придаточных частях сложноподчиненного предложения использованы глаголы прошедшего времени «кончился», «издавались», «собирали», объединенные доминантной семой «завершение действия», дополнительной семой «возникновение чувства сожаления». В-третьих, лексемы располагаются по восходящей градации, тем самым создавая и усиливая отрицательную оценку описываемым фактам. Кроме того, в настоящем контексте многозначная лексема «одни» использована в сочетании с определительным местоимением «другой».

Таким образом, на уровне лексики и синтаксиса автором создается контраргумент: «*Другие, наоборот, видят в этом крах советской литературы, перечеркивают ее, славят нынешнее искусство для немногих*» [1, с. 19]. Вводное слово «наоборот» дополнительно усиливает противопоставление двух аргументов. Существительное «крах», производное от глагола «крушить» – «ломать, выводить из строя» [6], в сочетании с глаголом «перечеркивают» с семантикой «допустимой, крайней меры» [6] утверждают мысль автора об элитарности советской литературы.

Итак, в противопоставленных аргументах на уровне семантики и синтаксиса прослеживается авторское неодобрение и усиливающаяся негативная оценка.

Для выражения иного взгляда Д. Гранин прибегает к внедрению в канву текста собственного мнения – мнения автора: *«Я думаю, что советская литература была великой, советское кино было великим кинематографом, то же можно сказать и о театре, музыке. Но я высоко ценю свободу, которую получил художник в наше время, хотя мало кто из нас знает, как обращаться с этой свободой»* [1, с. 19].

Авторское мнение эксплицитно выражает интенцию ‘одобрения, восхищения’ в трех последующих абзацах. Лексический повтор личного местоимения выступает предикативным центром главной части полипредикативных конструкций: *«я думаю», «я высоко ценю свободу», «я буду говорить об истинной литературе»* [1, с. 19–20]. Автор использует повтор различных частей речи: соединительного союза *и*, частицы *не*, притяжательного местоимения *её*. Вариативность названных повторов создает параллелизм конструкций, передает авторский субъективизм в восприятии читателями ценности литературы. Публицист говорит о литературе, используя эпитет *истинная*, олицетворяя и наделяя её способностью помогать внимательному адресату-читателю правильно понимать происходящее.

Для подтверждения своего мнения автор переходит к примерам-иллюстрациям, включая в текст вставную конструкцию, в которой вспомогательный компонент составного глагольного сказуемого представлен формой изъявительного наклонения: *«Я хотел бы привести примеры»* [1, с. 20]. В представленном контексте изъявительное наклонение не только «указывает на реальность действия, состояния или отношения» [2, с. 208], но и выступает в качестве средства связи эксплицитно выраженной авторской позиции с последующими примерами-иллюстрациями.

Д. Гранин включает в канву текста авторскую ремарку, он пересказывает историю «реставрационных» работ в здании, которое послужило прототипом дома Родиона Раскольникова, героя романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», и выражает субъективное отношение к подобному «благоустройству». Автор прибегает к использованию лексического повтора личного местоимения в форме первого лица единственного числа. Отметим, что процент частотности употребления названной лексемы достаточно высок. Если во втором пункте плана-схемы «Система доказательств авторского мнения» местоимение *я* использовано в 50 % предложений (при этом общее число предложений – 6), то в третьем пункте плана-схемы «Авторские примеры» личное местоимение употребляется в 16 % предложений (общее число предложений – 43).

Автор выражает интенцию ‘негодования’ эксплицитно, поскольку дом Раскольникова был уничтожен под натиском «благоустройства». *«Дом и двор были тщательно отремонтированы. Но как! Дворницкая в подворотне замурована. Каретные сараи во дворе снесены, посредине был разбит садик. Лестницы свежевыкрашены, украшены фонтанами... Окно замуровали. Всё было перестроено, обновлено... И со всей тщательностью изничтожено соответствие роману. Двор вымостили плитками. Получился современный, аккуратный, образцово-показательный двор, непохожий на петербургские дворы. Исчез уникальный мемориал»* [1, с. 20–21]. В приведенном отрывке мы отметили лексемы с общей семой ‘произвести ремонт чего-либо, устранить несовершенства’ [6], а также лексемы с семой ‘нанести урон, причинить вред, разрушение’ [6]. Употребление отобранных лексических единиц в одном синтаксическом пространстве демонстрирует применение стилистического приема – оксюморона. Сочетание несочетаемых единиц необходимо автору для формирования карикатурного изображения действительности и выражения ироничного отношения к фактам псевдореставрации памятника культуры. Дополнительную эмоциональность придает безличное предложение вокативного типа: *«Но как!»* [1, с. 20].

Ранее мы говорили о выдвижении автором эссе нескольких смыслообразующих тезисов. Если первый тезис был построен в виде вопросительного предложения, то второй и следующий за ним третий тезисы имеют повествовательную структуру. Названные тезисы выступают как константы, образующие строевой стержень текста публицистической статьи.

Полисиндетон и парцелляция в полипредикативных синтаксических конструкциях, следующих за названными ранее тезисами, привносят в предложение оттенок побудительности и создают прием градации в построении синтагм: «*Это [культура] и сохранение ландшафта, ... и тех мест, где обитали герои. И Раскольников, и Евгений... и Незнакомка... и Акакий Акакиевич... – законные представители нашего города. С ними нельзя обращаться, как с бомжами. Они прописаны в нашем городе навечно*» [1, с. 22]. В словосочетании «законные представили» к основной дефиниции субстантива ‘представляющий какую-либо группу людей’ [6] добавляется дополнительная дефиниция, перенос по сходству, то есть названные герои литературных произведений рассматриваются как представители литературного образа города на Неве. Используемая развернутая метафора противопоставлена резкому оскорбительному сравнению «как с бомжами». Таким образом, созданная автором антитеза необходима для выражения основной мысли текста, созвучной заглавию – «они прописаны навечно». Лексема ‘прописана’ тоже имеет двойное толкование: с одной стороны, глагол употреблен в значении ‘оформить проживание по какому-либо адресу’ [6], а с другой, ‘прописать, что и создать’, то есть предикативное ядро *они прописаны* употреблено в значении ‘созданы рукой автора’ как персонажи литературных произведений.

За рассмотренными тезисами следует авторская система доказательств: контраргумент, аргумент, авторское мнение. «*Все чаще возникают аргументы о том, что искусство уходит из жизни современного человека. Пустуют кинотеатры. Нет кинокартин, книг, театральных постановок... Бранят телевидение за то, что оно поглотило остальные виды искусства*» [1, с. 23]. В приведенной цитате прослеживается идея об исчезновении интереса к подлинному искусству. Контраргумент построен с помощью употребления лексем с отрицательной, негативной дифференциальной семой ‘уходит’, ‘пустуют’, ‘бранят’, ‘поглоштило’, частицей ‘нет’.

Интенция, передающая «голос автора», содержится в последующих нескольких абзацах: «*Однако история показывает, что искусство человеку нужнее всего... Нет человека, который прожил бы жизнь, не фантазируя, не сочиняя, не погружаясь в чужие миры воображения*» [1, с. 23]. Противительный тон аргумента снова выражается с помощью союза и отрицательных частиц.

«*Я заметил, что в последнее время меня не тянет читать беллетристику. Сочинительство выглядит тускло среди бурь и штормов современной литературы. С большим интересом я читаю мемуары, очерки, эссе, литературу факта... это всего лишь пицца, материал для фантазии... Кроме фактов, с которыми мы сталкиваемся, в нас живет вымысел, мечта*» [1, с. 23]. В приведенном отрывке авторское мнение эксплицитно выражается личным местоимением, словами с оценочной семой ‘с большим интересом’, ‘литература факта’, ‘пицца’. Отметим, что автор выражает собственное мнение, употребляя личное местоимение я, но публицист не противопоставляет свою позицию общественной; наоборот, автор-адресант находит в позиции всех читателей-адресатов нечто общее, прибегая к употреблению форм множественного лица ‘мы сталкиваемся’, ‘в нас живет’.

Как мы отметили ранее, вторая часть статьи Д. Гранина и графически, и содержательно отделена от первой. Это обусловлено намерением автора разграничить два подхода в выражении оценки значимости литературы. Если в первой части автор формулирует тезисы, а далее выстраивает систему аргументов, в которой он демонстрирует разные точки зрения, оппонирует позиции адресата; то во второй части автор формулирует тезис и обосновывает

его, используя исключительно собственные знания и опыт, тем самым формируя субъективное мнение, оказывающее воздействие на читателя.

Авторский субъективизм выражается в употреблении личного местоимения, системы риторических вопросов, построенных по анафорическому принципу: *«Я никогда не мог толком ответить на вопрос – зачем существует литература. Для наслаждения? Для развлечения? Она избавляет от одиночества? Она помогает понять человека? Ответов множество»* [1, с. 24]. Автор ставит вопросы не только перед собой, но и перед читателем, которому адресовано публицистическое эссе.

Автор-публицист Д. Гранин отвечает на поставленные вопросы, используя примеры из личного читательского и жизненного опыта. Он прибегает к применению художественного параллелизма, чтобы показать, как поступки героев литературных произведений помогли ему осмыслить многое и найти ответы на возникающие вопросы: *«Так «Преступление и наказание» осветило мне тьму характера вождя нашей революции», «Не так давно, перечитывая “Войну и мир” Толстого, я обратил внимание на то, как автор описывает французских солдат офицеров. ...Я невольно сравнивал толстовский гуманизм, толстовское отношение к войне, к противнику с нашей военной литературой, с моим собственным непримиримым чувством»* [1, с. 24–26]. В приведенных примерах-иллюстрациях интенция автора-публициста выражена преимущественно эксплицитно посредством мелиоративной лексики, оценки через сравнение. Например, лексема *осветить*, употребленная в значении ‘сделать светлым, видимым’ [6], вошла в состав развернутой метафоры *«осветило мне тьму характера вождя»*.

Вторую часть статьи отличает достаточно высокая частотность в употреблении и пейоративной лексики: *«идеологические надсмотрщики», «жизнь представляется аморальной», «пусть власть расхлебывает свои войны», «культ денег, барыша велик», «патриоты своего бумажника», «шоумен», «политический говорун»* [1, с. 26–27]. Приведенные примеры передают не только отрицательную оценку-мнение публициста, но и служат коммуникативными сигналами, которые сообщают читателю-адресату призыв автора-адресанта обратить внимание на подлинную роль литературы: *«В каждом новом поколении искусство открывает новые резервы человечности»* [1, с. 27].

Итак, в результате качественно-количественного анализа лексем и синтагм в публицистическом эссе Д. Гранина «Прописанные навечно» мы убедились в том, что авторская интенция выражается посредством разнообразных лексических и синтаксических единиц. Мы установили, что интенция представлена эксплицитно и имплицитно.

К эксплицитной форме выражения авторской интенции мы отнесли пейоративную лексику – 9 %, мелиоративную лексику – 15 %, оценку через сравнение – 4 %, лексический повтор – 35 %, риторические вопросы – 5 %, восклицательные предложения – 2 %, полисиндетон – 13 %, парцелляцию – 2 %.

К имплицитной форме выражения авторской интенции отнесены метафоры – 10 %, оксюморон – 5 %.

Таким образом, мы убедились в достоверности сформулированной гипотезы: в публицистическом эссе Д. Гранина «Прописанные навечно» подтвердилась эффективность выражения авторской интенции посредством лексических и синтаксических средств. Отмечен высокий процент частотности употребления эксплицитной формы передачи интенциональной категории, в частности, лексических повторов, мелиоративной лексики, полисиндетона.

Авторская интенция рассмотренного публицистического эссе направлена на установление открытого диалога с воображаемым оппонентом – читателем-адресатом, использование Д. Граниным богатого иллюстративного материала обусловлено распространением идеи провозглашения бессмертия лучших образцов литературных произведений, которые навечно прописаны в истории человечества, которые по праву можно считать частью генетического кода человечества.

Библиографический список

1. *Гранин Д.* Прописанные навечно // Тайный знак Петербурга. СПб., 2002.
2. *Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010.
3. *Кайда Л.Г.* Эссе: стилистический портрет. М., 2008.
4. *Клушина Н.И.* Коммуникативная стилистика публицистического текста // МИРС. 2008. № 4.
5. *Клушина Н.И.* Стилистика публицистического текста: монография. М., 2019.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/small-academic-vocabulary/index.htm> (дата обращения: 05.09.2022).

С.Н. Самарская

ассистент кафедры русского языка и литературы

Тульский государственный педагогический университета им. Л.Н. Толстого

E-mail: LSN1503@yandex.ru

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОШЛОГО В ПОВЕСТИ Н.Е. ДЯЧКОВСКОЙ «ИСПОВЕДЬ ИСЧЕЗНУВШИХ»

Д.Ю. Сырысева

Аннотация. Цель статьи видится в рассмотрении экзистенции прошлого, проблемы памяти, которые становятся целостным содержанием рефлексии, как субъективно-личностной, так и поколенческой, в повести современной русскоязычной якутской писательницы Нины Егоровны Дьячковской. Актуальность и научная новизна работы состоят в обращении к ранее не становившемуся предметом анализа произведению, а также с введением его в широкий контекст современных литературоведческих исследований. Делаются выводы об усложнении жанровой специфики якутской русскоязычной обрамленной повести как на уровне макропоэтики (рекурсивная повествовательная стратегия, хронотоп), так и на уровне микропоэтики (онейрическое начало, мотивная структура, затрагивающая проблематику памяти, времени, травмы). Положительная тональность в целом трагического повествования о скитаниях, лишениях, жизни вдали от родного очага связывается с мистическим началом и якутскими национальными представлениями (образ путеводной Полярной звезды – Чолбон).

Ключевые слова: обрамленная повесть, хронотоп, прошлое, экзистенциализм, якутская русскоязычная проза, исповедь.

EXISTENTIAL UNDERSTANDING OF THE PAST IN THE NOVELLA «CONFESSION OF THE DISAPPEARED» BY N.E. DYACHKOVSKAYA

D.Yu. Syryseva

Abstract. The purpose of the article is seen in the consideration of the existence of the past, the problems of memory, which become the integral content of reflection, both subjective-personal and generational in the story of the modern Russian-speaking Yakut writer Nina Egorovna Dyachkovskaya. The relevance and scientific novelty of the work consists in referring to the work that has not previously become the subject of analysis as well as introducing it into the broad context of modern literary studies. Conclusions are drawn about the complication of the genre specifics of the Yakut Russian-language framed story, both at the level of macropoetics (recursive narrative strategy, chronotope) and at the level of micropoetics (oneiric beginning, motive structure, affecting the problems of memory, time, trauma). The positive tone of the generally tragic story about wanderings, hardships, life away from home is associated with a mystical beginning and Yakut national ideas (the image of the guiding Polar Star – Cholbon).

Keywords: framed story, chronotope, past, existentialism, Yakut Russian prose, confession.

Интенции развития экзистенциальной мысли, заложенные датским мыслителем Сёре-ном Кьекегором, получили наиболее полное воплощение в социокультурной и философской практике XX столетия. Экзистенциализм по-своему противостоял энтропии и забвению, пытался выразить те умонастроения и идеи, которые с трудом поддавались выражению в привычной атмосфере своего времени. Характеризуя экзистенциальную тональность произведений в целом, а также творчество русских поэтов-эмигрантов младшего поколения (Б. Поплавский, Г. Иванов), исследовательница С.Г. Семенова указывала, что авторы «настаивают на оборотной стороне, изнанке бытия; в своей экзистенциальной искренности, мужестве видеть и знать они внедряются в безобразные, страшные, кричаще-трагические стороны жизни, не желая камуфлировать их, осенять эстетически надушенным опахалом,

выходят на грань шока, не приемля меры, пристойности, которых относительно держалась классическая литература, выставляя физиологию болезни, умирания, жизни тела в ее низовых, дурно пахнущих разрезах» [9, с. 511].

Писатели достаточно часто обращались к идеям, мотивам экзистенциализма, вплетая их в ткань своих произведений, пытаясь выразить трагичность существования и критическое восприятие бытия. Особой экзистенцией памяти, воспоминаниями о прошлом, о событиях, которые пережили рассказчики, проникнута повесть «Исповедь исчезнувших» якутской русскоязычной писательницы Нины Егоровны Дьячковской (2021). Отметим, что «русскоязычная литература Якутии формируется в пространстве русско-якутского пограничья, русско-якутской субэкумены, встречи двух культурных семиосфер, в ситуации транзитивного состояния, рождающего новые смыслы» [2, с. 117]. С помощью экзистенциального кода открывается новое отношение к важным в культурной и исторической памяти местам (Якутск становится «городом на костях» [4]), к театральной эстетике [7], рассматриваются особенности поэтики произведений в гендерном аспекте, особенно связанные с женским письмом [8]. Экзистенциализм становится выражением состояния заброшенности человека в мир, в само мироздание, тотального одиночества и обреченности на непонимание. Экзистенция памяти дает возможности для проговаривания, актуализации тех событий, о которых не приятно вспоминать по тем или иным причинам, приносит избавление. Согласно исследовательнице Алейде Ассман, память не только не противостоит истории, но дополняет ее, поскольку «личные воспоминания существуют не только в определенном социальном окружении, но и внутри специфического горизонта времени», который задается сменой поколений [1, с. 217]. В национальных литературах проблематика, связанная с памятью, особенно с исторической памятью, может становиться, как отмечал К.К. Султанов, ресурсом самоидентификации, однако «концептуализированная историческая память не всегда озабочена соблюдением фактологической точности, выходя из-под контроля высшей инстанции – исторического знания» [10, с. 179].

В повести «Исповедь исчезнувших», основанной на реальных событиях, Н. Дьячковская пытается осмыслить трагический опыт жизни и возвращения на родину тех якутов, которые оказались в Узбекистане во время распада СССР. Сюжетно-фабульная канва произведения усложняется как на уровне организации пространства (Якутия, Узбекистан, современная Россия), так и на уровне временной организации (прошлое-настоящее-вневременная рефлексия).

Композиционная структура повести включает элементы обрамления (исповедальные начала в прологе и эпилоге), ритмизированное чередование эпизодов, иллюстрирующих определенные фрагменты воспоминаний и дополняющих ход повествования. Некоторые из эпизодов построены с использованием сложной рекурсивной техники, включающей воспоминания в воспоминаниях и сны. Повесть, которую можно назвать обрамленной повестью, становится, с одной стороны, новаторской для русскоязычной якутской повести, поскольку подобные особенности не отмечались в исследованиях [6], с другой стороны, возможно, намечает новую тенденцию, вектор развития обрамленной повести (подобные предельно усложненные композиционные структуры характерны для прозы Тины Амергазиной) на новом этапе ее жанрового развития.

Если в прологе предвосхищается дальнейший ход повествования (рассказ о десятилетних блужданиях людей в чужой стране после 1991 г.), то в эпилоге говорится об особом понимании исповеди, особом откровении, когда можно «открыть душу, объяснить свое видение и взгляды» [3, с. 107]. Голоса двух маленьких детей, Алгыса и Айтала, выросших и осмысливших свое детство, становятся голосами целого поколения, судьба которого неразрывно трагично связана с мировой историей: «Это мы, прошедшие испытание пустыней на пике всеобщего хаоса, должны винить свою страну в том, что выпали из жизни, семьи, школы и на долгих десять лет, балансируя без страховки, зависли между небом и землей,

между новыми государствами», и «наше откровение – исповедь исчезнувших, как часть истории некогда счастливой страны, свидетельствует о нашем прошлом» [3, с. 109]. Услышав в Узбекистане презрительно сказанное «заблудшие», герои переосмысливают это: «мы – исчезнувшие», «мы – затерянные в одном из пятнадцати отрезанных кусков бывшей большой необъятной страны», потому что «потеряв документы, мы вмиг лишились всего: имени, родины, гражданства, крова и денег, потому что через несколько дней наша страна распадется на осколки, и республики-сестры внезапно окажутся друг другу чужими» [3, с. 23]. Откровение предельно субъективизируется, религиозный компонент, характерный для исповеди как жанра, отсутствует.

Усложненное чередование эпизодов разделяется на две группы. Одна группа эпизодов связана с событиями, происходящими в Якутии, в селе Таас Олом, с родственниками семьи Чугдаровых, которые отказались ехать в Узбекистан. Другая группа эпизодов связана с Алгысом и Айталом Чугдаровыми, которые уехали в Узбекистан вместе со своей мамой Майей (Маайыс), которая надеялась выйти замуж за узбека Сабдуллу, и их скитаниями по территории Узбекистана, Каракалпакстана (город Нукус), степям и пустыням Казахстана. Прилетев в Узбекистан, Маайыс узнает, что у Сабдуллы, оказывается, есть жена, а Маайыс он предлагает стать второй младшей любимой женой. Маайыс это предложение отвергает и отправляется на вокзал. Однако по дороге у нее крадут из сумки документы и деньги, после этого начинаются их скитания. Дальнейшие перипетии судьбы Маайыс приводят ее на самое дно общества, в конце она умирает от алкоголизма, а дети возвращаются в родное село. Мир, в котором они оказываются в 1991 г., сильно изменяется на глазах. Работники почты принципиально делают вид, что не понимают русского языка. Из-за денег ссорятся друзья и распадаются семьи. Маленькие дети, проводящие дни без контроля взрослых, сначала прогуливают школу, а затем вообще перестают в нее ходить, потому что становятся маргиналами, обкрадывающими прохожих на вокзалах и рынках. В будущем они придут к грустному выводу: «Тревога, грусть и страх, постоянно не покидавшие маму, очень тяжело отразились на ее жизни. Детьми мы не могли понять всей трагедии, а сейчас никак не проходит тупая боль, и сердце ноет и ноет за все страдания матери. Наверное, так будет всегда. За каждой исповедью стоит живая боль» [3, с. 61]. Выросшие дети понимают свои ошибки, переосмысливают свое поведение, даже пытаются оправдать свою маму: «Мамы не хватило чуть-чуть. Чуть-чуть терпения и чуть-чуть времени – возможно, пришла бы стабильность в постсоветских странах и порядок в миграционной системе» [3, с. 98]. Они видят некий мистический смысл в случившемся: скитания происходят, потому что «даже звезды здесь совсем другие», а путеводная Полярная звезда – Чолбон потеряна [3, с. 95]. Само счастье ставится под сомнение, поскольку «предки, суровые северяне, не верили всему, что шатко и мимолетно. Счастье – изменчиво, рок и судьба – вечны. Что должно случиться, неизбежно случится» [3, с. 83]. Во время поездки на крыше поезда в Казахстан Алгыс догадывается, где может находиться загадочная звезда: «На экваторе будет у самого горизонта. А на Северном полюсе она прямо над головой. Если поехать на юг, то сдвинется к закату» [3, с. 102]. Мальчикам, пристально всматривающимся в ночное небо, кажется, что они «нашли на чужбине близкого родственника», поскольку «с кромки небосвода, с далекой родины, казалось, светила им Полярная звезда» [3, с. 102]. Именно образом Полярной звезды – Чолбон вводится в структуру повести положительное начало, дается надежда и вера в тайные, мистические основы и законы мироздания, спасающие в моменты сильного душевного смятения и печали. Маайыс видит изменчивый и противоречивый лик Узбекистана. На базарной площади, с одной стороны, «жизнерадостная, забавная атмосфера, витающая над толпой», в «яркой круговерти узоров и орнаментов» притупляется тревога, а знойное полуденное солнце кажется «остывшим», с другой стороны, «отдаленный гул, похожий на нарастающий протяжный на-

пев» вызывает беспокойство, «что-то необузданное, древнее» [3, с. 21]. В разговоре с другой женщиной Оксаной, сиротой, оказавшейся в Узбекистане после Великой Отечественной войны, Маайыс рассказывает историю Анны Ахматовой и маленького мальчика узбека-воришки, который, узнав, что Ахматова – эвакуированная голодная ленинградка, украл для нее специально пирожок. Оксана вспоминает детство, большое количество детей, которые обрели новый дом в узбекских семьях. Однако, оказывается, что это далекие реалии прошлого. В современности конца 1990-х гг. процветает обман и презрение к чужакам. Каракалпачка Эльвира крадет деньги Маайыс, которые та несколько наивно и доверчиво спрятала в ее доме. В результате, Маайыс оказывается без денег, без надежды уехать в родное село. Более того, последнее высокое чувство, связывающее ее с людьми, доверие, оказывается разрушенным: «Ценность доверия исчезла» [3, с. 81]. Примечательно, что доверие разрушает человек, имя которого, по одной из версий происхождения, означает «белая, заслуживающая доверия» [11]. Писательница, играя с говорящим именем, тем самым подчеркивает не только отвратительность характера и поведения данной героини, но и отчасти характеризует эпоху, ту ситуацию, в которой оказываются главные герои, мену и перемену основополагающих жизненных понятий, поскольку все становится другим, не таким, каким могло и должно было бы быть.

Ситуация в Таас Оломе похожа на ситуацию в Узбекистане, однако, если у Маайыс не оказывается силы воли для того, чтобы потерпеть, подождать и вернуться на родину, то у ее старшей сестры Саргылааны, наоборот, просыпается волевое, жизнеутверждающее начало. Судьбы двух сестер – старшей Саргылааны и младшей Маайыс – лежат в основе композиционного каркаса повести. Саргылаана уговаривает младшую сестру не ехать в Узбекистан, пытаясь воззвать к материнскому чувству заботы о старших детях, Тимире и Айаане, которых она хочет оставить у родственников в селе, и утверждает, что «тени прошлого неотступны, всегда будут преследовать по пятам» [3, с. 6]. Но Маайыс бежит от осуждения односельчан, надеясь найти счастье, не зная, что это бегство обернется в будущем катастрофой не только для нее, но и для оказавшихся рядом с ней младших детей. Старшим детям Тимиру и Айаане всегда не хватало матери. Однако если Тимир смирился и стойко не выражает чувства, то Айаана просит своего дядю взять ее с собой на рыбалку, поскольку хочет поймать чудесную рыбку и загадать ей желание о маме, именно Айаана побуждает Саргылаану к действию во время всеобщей неразберихи в селе, словами про маму: «Что напишу про нее? Я ее почти не помню» [3, с. 65]. Айаана спрашивает Саргылаану: «Почему не ты моя мама? Ты нас никогда не бросаешь, а мама мама...» [3, с. 10]. Поступок Маайыс, совершенный в момент эмоционального порыва, разрушил семейные связи, которыми дорожили ее дети. Айаана и Тимир больше никогда ее не увидят. Размеренная жизнь в Таас Оломе, упорядоченная сезонными работами, нарушается, когда родственники сообщают о перевороте в Москве, боятся волнений в Якутске. Просматривая «Лебединое озеро» Чайковского по телевизору, Саргылаана надеется на то, что никакого переворота не случилось, а произошла обычная смена власти, возможно, умер Горбачев. Сами «наступления новых времен в глухом таежном Таас Оломе ознаменовались загадочным исчезновением Майи с сыновьями», а «северная окраина так же, как и повсюду, через боль и страдания вступала в новый мир» [3, с. 24]. Процветающий соххоз собираются закрывать, а землю раздавать на паи. Последний год Союза – 1991 г. – воспринимается жителями села как «год несбывшихся иллюзий и неисполненных желаний» [3, с. 27]. Однако даже трагичные события воспринимаются через призму мистического опыта, включенности в природный естественный ход и течение жизни. Так, вечно жизнь села озаряет «Полярная звезда, указывая заблудившимся путникам курс на север» [3, с. 24], сильные морозы возникают потому, что «Бык холода рассвирепел – рога заострились» [3, с. 24]. Попытки найти исчезнувших в Узбекистане родственников не приводят ни к чему, кроме искреннего сочувствия. В Якутске на улицах возникает большое количество беспризорников, что вызывает

у Сэмэна, старшего брата Саргылааны и Маайыс, ассоциации с прошедшей войной. Именно в момент полной душевной опустошенности Саргылаана понимает, что нужно оставаться в родном Таас Оломе и пытаться помочь старшему брату организовать фермерское хозяйство, приходит к выводу, что «главное в деле – холодный расчет», и «пришло время жить по-новому» [3, с. 67]. Если Маайыс пыталась убежать от судьбы, что привело ее к полному жизненному краху, одиночеству, распаду личности и смерти на чужбине, Саргылаана стойко принимает удары судьбы, пытается следовать своему пути.

Усложнение рекурсивной повествовательной техники достигается с помощью введения в повествовательную канву повести снов и воспоминаний. Маайас вспоминает, что на сороковой день после похорон своего возлюбленного Нюргуна ей приснился сон, после которого она начинает бороться с судьбой и неотвратимостью жизненных страданий. Она видит на краю вселенной израненного и изможденного Нюргуна в костюме, держащего за руку неизвестную девушку в свадебном платье. Нюргун молча прощается с Маайыс и уходит навсегда, «в другое измерение» [3, с. 90]. Если Нюргун смог простить ее, попрощаться перед своим уходом, приняв судьбу, то Маайыс «вопреки злой судьбе», року, обстоятельствам «захотела быть счастливой» [3, с. 90]. В якутской культуре сон сакрализуется, а само сновидение может подвергаться различным интерпретациям и толкованиям. Так, считается, что если увиденный во сне покойник дает ответ на важный вопрос, то «надо претворить его в жизнь» [5]. Маайыс идет против представлений, бытующих в родной культуре, не слушается совета Нюргуна, оставившего ее навсегда, тем самым становясь на ведущий к катастрофе и жизненному краху путь. Воспоминания напоминают кружение, повторение определенных моментов в жизни и судьбе. Маайыс вспоминает свое прошлое, молодость и обучение в институте, затем благодаря выстроенному ассоциативному ряду, вспоминает своего возлюбленного Нюргуна, а потом вспоминает его письма, при этом весь рекурсивный ряд выстраивается, с одной стороны, как воспоминания рассказчиков, а, с другой стороны, как повествование как бы от лица автора. Подобная повествовательная техника, связанная с рекурсией нескольких рядов воспоминаний (главной героини, ее писем) и субъективной фокализацией рассказчиков (героиня, автор), характеризует не только восточную обрамленную повесть, но и восточный повествовательный дискурс.

Экзистенция прошлого по-разному раскрывается на страницах повести. На уровне тематического и мотивного рядов прошлое становится предельно субъективным, трагическим переживанием опыта лишений, скитаний, одиночества, смерти, кризиса как в отдельно взятой семье, так и разных государствах и странах, на уровне композиционной организации проявляется в рекурсивной манере повествования. Несмотря на трагическое освещение минувшего, в повести «Исповедь исчезнувших» есть положительное начало, связанное с мистической призмой восприятия событий и надеждой на урегулирование и стабилизацию жизни. Герои не только не забывают, не отказываются от своего травматического, травмирующего прошлого, но вспоминают, осмысливают его на новом этапе жизненного пути.

Библиографический список

1. *Ассман А.* Забвение истории – одержимость историей. М., 2019.
2. *Бурцева Ж.В.* Русскоязычная литература Якутии: художественно-эстетические особенности пограничья. Новосибирск, 2014.
3. *Дьячковская Н.Е.* Исповедь исчезнувших. Якутск, 2021.
4. *Карманова (Ноева) С.Е.* «Город на костях»: Якутск как экзистенциальный порог в якутской прозе XX века // Вестник Северо-восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2020. № 3 (77).

5. Куорат Киин. Якутский сонник. URL: <https://exo-ykt.ru/articles/yakutskiy-sonnik> (дата обращения: 03.12.2022).
6. *Пермякова Т.Н.* Повесть в якутской литературе (к проблеме изучения становления и развития жанра) // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2011. № 3.
7. *Пудов А.Г.* Экзистенциальный выбор человека этномодерна в якутской театральной эстетике // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 4.
8. *Самсонова Т.П.* Экзистенциальная проблематика современной якутской женской прозы: гендерный аспект (на материале рассказов Н. Михалевой, С. Сивцевой и Т. Захаровой) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2010. № 3 7).
9. *Семенова С.Г.* Русская поэзия и проза 1920–1930-х годов. Поэтика – Видение мира – Философия. М., 2001.
10. *Султанов К.К.* Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. М., 2019.
11. *Шестакова И.* Женские имена. Значение имени Эльвира: дитя эльфов среди людей. URL: <https://imena.guru/zhenskie-imena/elvira.html> (дата обращения: 03.12.2022).

Д.Ю. Сырысева

аспирант

младший научный сотрудник отдела литератур народов России и СНГ

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

E-mail: syryseva97@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ ПРИ ОСВЕЩЕНИИ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА НА УКРАИНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАГОЛОВКОВ НОВОСТНЫХ ТЕКСТОВ СМИ)

Т.А. Батурина

Аннотация. Статья посвящена исследованию языковой специфики репрезентации военного конфликта в текстах новостного содержания средств массовой информации США и Великобритании. На материале заголовков и заголовочных комплексов новостей, освещающих события на Украине, анализируются такие средства выражения идеологической модальности, как употребление слов и словосочетаний с положительными и отрицательными коннотациями, манипуляции идеологически-модальной лексикой, использование стилистических средств выразительности и синтаксических конструкций. Отмечается активное употребление авторами сообщений лексики с коннотативным значением, позволяющей имплицитно выразить оценку происходящих событий в духе проводимого внешнеполитического курса. Подчеркивается важная роль в языке СМИ идеологически-модальной лексики, обладающей мощным воздействующим потенциалом, основанном на внушении. В статье делается вывод о том, что прагматический потенциал заголовков новостей, посвящённых военному конфликту, реализуется с помощью стилистических средств выразительности и синтаксических конструкций, способных пробуждать в сознании читателя культурно значимые образы и символические смыслы.

Ключевые слова: идеологическая модальность, коннотация, оценка, воздействие, средства массовой информации, военный конфликт.

LINGUISTIC MEANS OF IDEOLOGICAL MODALITY IN THE COVERAGE OF THE MILITARY CONFLICT IN UKRAINE (ON THE MATERIAL OF MEDIA HEADLINES)

Т.А. Baturina

Abstract. The article is devoted to the study of linguistic specificity of the military conflict representation in the U.S. and British media news texts. On the material of headlines and headline complexes of the news covering the events in Ukraine, we analyze such means of expressing ideological modality as the use of words and phrases with positive and negative connotations, manipulations of ideologically modal vocabulary, the use of stylistic means of expression and syntactic constructions. The authors of the reports actively use connotative vocabulary, which allows implicitly express the assessment of the events in the spirit of the conducted foreign policy course. The article emphasizes the important role of ideologically modal vocabulary in the language of media, which has a powerful impact potential, based on suggestion. The article concludes that the pragmatic potential of news headlines devoted to the military conflict is realized with the help of stylistic means of expression and syntactic constructions, capable of awakening culturally significant images and symbolic meanings in the reader's mind.

Keywords: ideological modality, connotation, evaluation, impact, media, military conflict.

Современную эпоху отличает развитие массовой коммуникации как особой сферы речеупотребления, в которой традиционные средства массовой информации (далее – СМИ),

новые компьютерные технологии и глобализация информационного пространства оказывают влияние на процессы производства и распространения слова.

Сложный и многоаспектный феномен массовой коммуникации представляет собой не просто пространство потребления информационного продукта, но и сферу, в которой создаются и распространяются знания и ценности, оказывающие влияние на жизнь человека и его мировоззрение. Первостепенное значение в анализе коммуникации как социально значимой деятельности имеют когнитивные, психологические и социокультурные аспекты массовой коммуникации. Такое изучение способствует осмыслению особенностей и природы языка СМИ с учетом протекающих в современном обществе политических, культурных и идеологических изменений [9, с. 16].

Язык средств массовой информации в современном мире выступает в качестве площадки, на которой опробуется взаимодействие самых разнообразных языковых средств. Проницаемая по своей природе массовая коммуникация включает все имеющие важное социальное значение темы и сюжеты, а также все языковые средства с социально-оценочным значением [9, с. 12].

К наиболее общественно-значимым темам любого государства относятся вооруженные конфликты. Важная роль СМИ в освещении военного конфликта проявляется в их способности выступать в качестве инструмента как возникновения и эскалации конфликта, так и его предотвращения и урегулирования [7, с. 60]. В условиях сложившейся в мире геополитической обстановки изучение специфики освещения СМИ вооружённых конфликтов приобретает особую актуальность.

Современные войны – это не традиционное вооруженное столкновение противоборствующих сторон на поле боя, а, прежде всего, информационные мероприятия по формированию общественного мнения и манипулированию сознанием массовой аудитории в политических целях. Победа в современной войне обеспечивается не только поражением противника на театре военных действий, но и программированием общественного мнения [6, с. 860].

Основным источником информации о ходе ведения военного конфликта в СМИ выступают новостные тексты. Объектом данного исследования выступают сетевые новостные тексты ведущих британских и американских информационных агентств, освещающие ход ведения специальной военной операции вооруженных сил России на Украине.

Специфику новостных текстов объединяет симбиоз информативной и воздействующей функций. Воздействующая функция реализуется использованием имплицитно выраженных оценочных средств. Новостные тексты, функционально направленные на сообщение информации, воздействуют и формируют информационную и языковую картину мира адресата за счет скрытых структур, представляющих интересы заинтересованных лиц [3, с. 12–13].

Оценочные суждения в текстах новостного содержания сформированы на основании политических взглядов и идеологических ценностей, что определяет их идеологическую модальность [1, с. 773–774].

Предметом данного исследования выступают языковые средства выражения идеологической модальности в заголовочных комплексах текстов новостного содержания. В рамках исследования предпримем попытку выявить особенности репрезентации военного конфликта в языке СМИ. Материалом для анализа стали публикации «The Independent», «The Guardian», «BBC News», «The Washington Post», «The Economist» и др.

В структуре сетевого новостного текста важная роль отводится заголовку, главной задачей которого выступает привлечение внимания и возбуждение интереса к затрагиваемой теме у читателя. Рассмотрим языковые средства реализации идеологической модальности в заголовках новостных текстов, освещающих военный конфликт на Украине.

К средствам выражения идеологической модальности относятся такие лингвостилистические приемы, как употребление слов и словосочетаний с положительными и отрица-

тельными коннотациями, манипуляции идеологически-модальной лексикой, использование стилистических средств выразительности и синтаксических конструкций [1, с. 774].

Заголовки новостных текстов СМИ, посвященных событиям на Украине, насыщены лексикой, обладающей положительной или отрицательной коннотацией. В заголовке американского издания «The New York Times»: «*Ukrainian Jewelers **Determined** to Do More Than **Survive***» [25] употребление лексем *determined* ‘решительно настроенный, непреклонный’ и *survive* ‘выжить, спастись’ открывает читателю дополнительный заложенный в семантику слов оттенок одобрения поведения и характера украинских ювелиров. Поддержка правящего украинского режима правительством США прослеживается и в заголовках, спекулирующих на тему оказания материальной и военной помощи Украине, благодаря положительной коннотации слова *assistance* ‘помощь, содействие’: «*US to send \$3bn in new military **assistance** to Ukraine*» [28].

Объяснимым с точки зрения проводимого западными странами внешнеполитического курса является обилие лексики с отрицательной коннотацией в контексте описания действий российской стороны:

- «*Putin Wants **Revenge** Not Just on Ukraine But on the U.S. and Its Allies*» [18];
- «*Russia's **War** on Ukraine Is a **Threat** to Press Freedom, Report Says*» [22];
- «*Chernobyl Experts Say Russia Could Set Off a **Nuclear Disaster***» [11].

Использование слов *revenge* ‘возмездие, жажда мести’, *war* ‘война’, *threat* ‘угроза, опасность’, *disaster* ‘катастрофа, бедствие’ с их отрицательным коннотативным значением позволяет авторам новостных публикаций усилить негативное отношение аудитории к проводимой Россией политике.

Манипулятивное воздействие, достигающееся внушением, а не информированием и логической аргументацией, в лингвистике называется суггестивным [2]. Ярким проявлением категории суггестивности в заголовках новостей, освещающих события на Украине, выступает употребление идеологически-модальной лексики:

- «*6 months of **war** in Ukraine: These numbers tell the story of Russia's **invasion***» [10];
- «*Europeans Debate Barring Russian Tourists Over the **Invasion** of Ukraine*» [14];
- «*How Russia Took Over Ukraine's Internet in **Occupied** Territories*» [15];
- «*Donetsk **separatists**' desperate draft campaign empties streets of men*» [13].

Специальная военная операция именуется идеологически-модальной лексикой *invasion* ‘вторжение, нашествие’, *war* ‘война’, освобожденная российскими войсками территория ДНР и ЛНР – *occupied* ‘оккупированный’, пророссийски настроенные жители ДНР и ЛНР – *separatists* ‘сепаратисты’.

Лексика, обладающая политико-оценочной коннотацией, оказывает сильный суггестивный эффект и выступает одним из приемов ведения информационных войн [5, с. 109].

Неотъемлемым атрибутом заголовков новостных публикаций, освещающих военный конфликт, выступают средства выразительности. Способность эпитетов, метафор, гипербол, литот, повторов и других средств добавлять высказыванию образность активно используется авторами новостных текстов для оказания воздействия на аудиторию. Приведем примеры заголовков:

- «*Inside Russia's **brutal detentions** of Ukrainians*» [16];
- «*Russia's army is in a **woeful state***» [19].

Характер заключения под стражу российскими военными украинцев описывается в заголовке новостного сообщения эпитетом *brutal detentions* ‘жесткие задержания’, а положение дел в российской армии – *woeful state* ‘печальное состояние’.

Стилистической фигурой контраста, способствующей привлечению внимания читателя и оказанию воздействия на его сознание, выступает антитеза:

- «*Putin is **failing** in Ukraine but **succeeding** at oppressing Russia*» [17];
- «*Russia's **diplomats** are now reduced to **propagandists***» [20].

В семантике вышеприведенных заголовков заключено резкое противопоставление понятий «провал» и «успех», «дипломат» и «пропагандист», связанных между собой в предложениях общей конструкцией и внутренним смыслом.

Одним из эффективных средств, привлекающих внимание читателя к заголовку и способствующих реализации его прагматического потенциала, является метафора. Образное уподобление дружелюбного приветствия скисанию молочного продукта, рост цен на электроэнергию – стремительному взлету ракеты, событий на Украине – удару в колокол, положения дел российской экономики – держателю на ногах человеку, заключено в семантике следующих заголовков:

- «*UK welcome for Ukrainian refugees **turns sour** as hosts start to run out of patience*» [27];
- «*UK energy bills are **skyrocketing**. Why is it happening?*» [26];
- «*Will the Ukraine war **ring the knell** for nuclear arms control?*» [32];
- «*Russia's economy is staggering, but still on its feet*» [21].

Возможности метафоры выступать в качестве инструмента информирования, оказания влияния и воздействия в прагматической коммуникации обуславливаются ее символичностью и семиотической способностью к кодификации реальности [4, с. 111]. Например, традиционно в западной культуре олицетворением России признается Русский медведь: «*With Military Attacks and Mockery, Ukraine **Pokes the Russian Bear***» [33].

В семантике вышеприведенного заголовка действия украинской стороны в День независимости Украины уподобляются попытке ткнуть палкой в медведя, что придает фразе дополнительный символический смысл.

В заголовочном комплексе *Economic times* интересен метафорический перенос реалий военной деятельности в сферу экономики: «*Displaced by War, Ukrainians **Open a New Front as Entrepreneurs***» [12].

Среди синтаксических средств выражения идеологической модальности наиболее распространены вопросительные конструкции:

- «*Should Europe ban Russian tourists?*» [23];
- «*Who's winning the war in Ukraine?*» [31];
- «*When and how might the war in Ukraine end?*» [30];
- «*What would push the West and Russia to nuclear war?*» [29];
- «*Ukraine has telegraphed its big counteroffensive for months. So where is it?*» [24].

Вопросительные конструкции в заголовках новостных публикаций имеют риторический характер. Принимая во внимание специфику риторического вопроса, который ставится не с целью получить ответ, а чтобы привлечь внимание к тому или иному явлению [8, с. 702], легко объясняется популярность конструкций данного типа в заголовках новостей, направленных на реализацию прагматического потенциала СМИ.

В заключение отметим, что анализ заголовков новостных текстов Интернет-СМИ США и Великобритании, освещающих события на Украине, демонстрирует активное употребление авторами сообщений лексики с коннотативным значением, позволяющей имплицитно выразить оценку происходящих событий в духе проводимого внешнеполитического курса. Важную роль в языке СМИ играет идеологически-модальная лексика, обладающая мощным воздействующим потенциалом, основанном на внушении. Прагматический потенциал заголовков новостей, посвящённых военному конфликту, реализуется с помощью стилистических средств выразительности и синтаксических конструкций, способных пробуждать в сознании читателя культурно значимые образы и символические смыслы.

Библиографический список

1. *Добросклонская Т.Г.* Язык британской качественной прессы: новости, комментарий, публицистика // Язык СМИ и политика: сборник статей. М., 2012.
2. *Желтухина М.Р.* Тропологическая суггестивность масс-медиа: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.; Волгоград, 2003.
3. *Измаилян Д.Б.* Языковая реализация идеологического компонента в новостных текстах СМИ: на примере британской качественной прессы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
4. *Куманицына Е.И.* Лингвокреативный аспект англоязычной массовой коммуникации: языковая игра в британских и североамериканских масс-медиа: дис. ... канд. филол. н. Волгоград, 2006.
5. *Лупанова Е.В., Батурина Т.А.* Средства реализации идеологической модальности при освещении военного конфликта в СМИ // Вестник Российского нового университета. Серия «Человек в современном мире». 2022. Вып. 3.
6. *Мамиева Б.Ю.* Манипулятивный потенциал современных СМИ при освещении военных конфликтов // Филологические науки. Фундаментальные исследования. 2014. № 6.
7. *Палий Т.П.* Стилистические особенности освещения военных конфликтов в англоязычных СМИ // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2017. № 10.
8. *Розенталь Д.Э.* Русский язык: справочник-практикум. М., 2005.
9. *Солганик Г.Я.* Введение / Язык СМИ и политика: сборник статей. М., 2012.
10. 6 months of war in Ukraine: These numbers tell the story of Russia's invasion. URL: <https://edition.cnn.com/2022/08/24/world/ukraine-war-6-months-numbers-dg/index.html> (дата обращения: 19.09.2022).
11. Chernobyl Experts Say Russia Could Set Off a Nuclear Disaster. URL: <https://time.com/6158274/chernobyl-russia-ukraine-nuclear-disaster/> (дата обращения: 19.09.2022).
12. Displaced by war Ukrainians open a new front as entrepreneurs. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/small-biz/entrepreneurship/displaced-by-war-ukrainians-open-a-new-front-as-entrepreneurs/article-show/93491311.cms?from=mdr> (дата обращения: 19.09.2022).
13. Donetsk separatists' desperate draft campaign empties streets of men. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/apr/28/donetsk-separatists-desperate-draft-campaign-empties-streets-of-men-ukraine> (дата обращения: 19.09.2022).
14. Europeans Debate Barring Russian Tourists Over the Invasion of Ukraine. URL: <https://www.nytimes.com/2022/08/19/world/europe/europe-russia-tourists-visas-ukraine.html> (дата обращения: 19.09.2022).
15. How Russia Took Over Ukraine's Internet in Occupied Territories. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/2022/08/09/technology/ukraine-internet-russia-censorship.html> (дата обращения: 19.09.2022).
16. Inside Russia's brutal detentions of Ukrainians. URL: <https://www.nytimes.com/2022/08/16/world/europe/inside-russias-brutal-detentions-of-ukrainians.html#:~:text=Hundreds%20of%20Ukrainian%20civilians%2C%20mainly,ending%20up%20incarcerated%20in%20Russia> (дата обращения: 19.09.2022).
17. Putin is failing in Ukraine but succeeding at oppressing Russia. URL: <https://www.economist.com/europe/2022/05/04/putin-is-failing-in-ukraine-but-succeeding-at-oppressing-russia> (дата обращения: 19.09.2022).
18. Putin Wants Revenge Not Just on Ukraine But on the U.S. and Its Allies. URL: <https://time.com/6150787/putin-us-risk-ukraine-war/> (дата обращения: 19.09.2022).
19. Russia's army is in a woeful state. URL: <https://www.economist.com/briefing/how-deep-does-the-rot-in-the-russian-army-go/21808989> (дата обращения: 19.09.2022).
20. Russia's diplomats are now reduced to propagandists. URL: <https://www.ft.com/content/1479ef35-c2b2-45ab-8bee-07979d54c3b0> (дата обращения: 19.09.2022).
21. Russia's economy is staggering, but still on its feet. URL: <https://www.ft.com/content/eebc166b-0ab3-4a69-b61c-62908ee984e5> (дата обращения: 19.09.2022).
22. Russia's War on Ukraine Is a Threat to Press Freedom, Report Says. URL: <https://time.com/6173543/world-press-freedom-index-2022/> (дата обращения: 19.09.2022).
23. Should Europe ban Russian tourists? URL: <https://www.ft.com/content/4a2d78ac-db73-4711-a9ca-2d5e51a10da3> (дата обращения: 19.09.2022).

24. Ukraine has telegraphed its big counteroffensive for months. So where is it? URL: <https://www.politico.com/news/2022/08/16/ukraine-russia-kherson-00052285> (дата обращения: 19.09.2022).
25. Ukrainian Jewelers Determined to Do More Than Survive. URL: <https://www.nytimes.com/2022/07/04/fashion/ukrainian-jewelers-war.html?searchResultPosition=14> (дата обращения: 19.09.2022).
26. UK energy bills are skyrocketing. Why is it happening? URL: <https://apnews.com/article/russia-ukraine-inflation-boris-johnson-london-prices-49c371922503ffe6b72139a7f3acd7> (дата обращения: 19.09.2022).
27. UK welcome for Ukrainian refugees turns sour as hosts start to run out of patience. URL: <https://www.ft.com/content/33acf7b1-dc62-464a-a9d0-ebd0b1453f5a> (дата обращения: 19.09.2022).
28. US to send \$3bn in new military assistance to Ukraine. URL: <https://www.ft.com/content/ccd8505c-3891-467f-a895-1917e0e32a9d> (дата обращения: 19.09.2022).
29. What would push the West and Russia to nuclear war? URL: <https://www.economist.com/europe/2022/08/02/what-would-push-the-west-and-russia-to-nuclear-war> (дата обращения: 19.09.2022).
30. When and how might the war in Ukraine end? URL: <https://www.economist.com/europe/2022/05/26/when-and-how-might-the-war-in-ukraine-end> (дата обращения: 19.09.2022).
31. Who's winning the war in Ukraine? URL: <https://www.ft.com/content/5ce3801f-51a9-45e8-858a-d56ef129894c> (дата обращения: 19.09.2022).
32. Will the Ukraine war ring the knell for nuclear arms control? URL: <https://www.economist.com/united-states/2022/07/31/will-the-ukraine-war-ring-the-knell-for-nuclear-arms-control> (дата обращения: 19.09.2022).
33. With Military Attacks and Mockery, Ukraine Pokes the Russian Bear. URL: <https://www.nytimes.com/2022/08/26/world/europe/ukraine-russia-taunting.html> (дата обращения: 19.09.2022).

Т.А. Батурина

преподаватель кафедры английского языка (основного)

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны

Российской Федерации

E-mail: baturina_tanya@rambler.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУПЛЕМЕНТ РИСКА КОНЦЕПТА «УДАЧА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ПОЛЬСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Е.В. Петрова

Аннотация. Актуальность настоящего исследования связана с широким распространением тематики удачи в различных сферах общественной и профессиональной жизни лингвокультур России и Польши. В этой связи возникает необходимость научного осмысления концепта «удача» как феномена коллективного сознания двух близкородственных этнокультурных общностей. Предметную область проведенного лексикографического исследования составил суплемент риска в семантике концепта «удача». Исследование проводится в синхроническом ракурсе. Семантическим ядром исследуемых единиц выступает концепт удачи в его национально-специфическом осмыслении.

Ключевые слова: лингвокультура, культурные ценности, концепт, удача, суплемент, риск.

SEMANTIC RISK SUPPLEMENT OF THE «LUCK» CONCEPT IN NATIVE SPEAKERS' LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF THE POLISH AND RUSSIAN LINGUOCULTURES

E. V. Petrova

Abstract. The relevance of this research is preconditioned by a widespread use of the subject of luck in various fields of Russian and Polish social and professional lives. In this regard there is a need for scientific comprehension of the «luck» concept as a phenomenon of collective consciousness of two closely related ethno-cultural communities. The subject area of the lexicographic study is the risk element in the concept of «luck» semantics. This research delivers a synchronic perspective of analysis. The semantic core of lexemes under study is the concept of “luck” in its national-specific aspect.

Keywords: linguoculture, cultural values, concept, luck, supplement, risk.

Культура есть продукт социальной среды, характеризуемой общностью ценностей, норм, идей, символов и значений. Феноменом культуры охвачены не только ценности и жизненные приоритеты индивида, но и его подсознательные убеждения, идеи, интерпретации и социальные нормы, воспринимаемые как данность [11, р. 238; 7, с. 36–37]. «При помощи социального кода осуществляется межпоколенная трансляция социально значимого опыта, фиксируемого в особой знаковой форме. В данном ракурсе культура есть сложно организованный конгломерат семиотических макросистем, находящихся в непрерывном развитии» [7, с. 38]. Важнейшим культурным феноменом, формирующим мироощущение человека, выступает концепт «удача».

Все удачи и неудачи, с которыми человек сталкивается в жизни, оказывают воздействие на его психоэмоциональное состояние, выступая источником счастья или глубокого разочарования. Своими гранями лексема *счастливый* может поворачиваться как в сторону счастья, так и в сторону удачи. Ср.: «счастливый случай, стечение обстоятельств, исход; счастливый билет, счастливый соперник (значение 1) и счастливый отец, счастливая улыбка, счастливое детство, счастливый брак (значение 2)» [5, с. 162]. Прилагательное *счастливый* может от-

носиться к различным метонимически связанным аспектам ситуации *счастья*. Рассмотрим устойчивые словосочетания с ярко выраженной фелицитарной оценкой: «счастливый расклад, счастливая карта, счастливый исход, счастливый день, счастливый игрок». При этом, как отмечает А.Д. Шмелев, счастье-везение целиком принадлежит сфере «бытового» [9, с. 459].

Обращаясь к истокам формирования понятия, Н.Н. Ефимова заключает, что «словарные дефиниции объединены архисемой (эйдосом) опасности» [4, с. 440]. В наивной картине мира ситуация риска предстает как потенциальная угроза, непрогнозируемость исхода начинания, отсутствие полного контроля над ситуацией со стороны субъекта. Очевидно, что положительный исход в таких ситуациях представляет собой удачу. Связь между понятиями риска и удачи органична. Под риском понимается вид деятельности в ситуации неопределенности, связанной с принятием выбора в стесненных временных рамках. Исследователь акцентирует внимание на субъективности восприятия риска, отражающего «идею нестабильного равновесия, временного баланса между двумя антагонистическими началами» [4, с. 441]. Лексемы *риск* русского языка и *ryzyko* 'риск' польского языка представляют собой языковые феномены, соположенные с концептами удача и *pomyślność* 'удача'. Понятия *риска* и *удачи* связаны друг с другом тесными семантическими «узлами». В лексикографической презентации эти сопряженности выглядят нижеследующим образом.

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова риск – это «возможная опасность, действие на удачу в надежде на счастливую случайность» [8, с. 907]. Приводятся следующие примеры: «С риском для себя. Подвергаться риску. Без риска» [8, с. 907]. Выражение *без риска* отражает уверенность человека в своем успехе, в победе.

В «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова для русской лексемы *риск* фиксируются значения: «1. Возможная опасность. <...> 2. Требующее смелости, бесстрашия действие наудачу, в надежде на счастливый конец» [1, с. 1123]. Лексема *риск* входит в состав фразеологизма *на свой страх и риск*. Приводимая фразеологическая единица служит описанию такой ситуации, когда благоприятный исход чего-либо сопряжен с вынужденными жертвами, риском. Человек испытывает страх перед определенным поступком, осознает, что может не добиться положительного результата, но склонен действовать ради победы, успеха. Он не всегда бывает оправдан. Таким образом, понятие риска потенциально содержит в себе два противоположных элемента – победу и поражение.

В польском языке существительное *ryzyko* 'риск' получает следующую дефиницию: «1. книжн. а) “*możliwość, prawdopodobieństwo, że coś się nieuda; także: przedsięwzięcie, którego wynik jest niepewny*” ‘возможность, вероятность, неудачного исхода предпринятого начинания; мероприятие, результат которого не надежен’ <...>. б) “*odważenie się na takie niebezpieczeństwo; ryzykowanie*” ‘когда человек отваживается на такое действие; предпринимает риск’» [10, т. 3, р. 1108]. Во втором значении лексема *ryzyko* 'риск' выступает термином юридического дискурса. Ср. примеры употребления лексемы: «*Dawniej praca górnika była wielkim ryzykiem*» 'Раньше работа шахтера была большим риском' [10]; «*Nigdy nie był skłonny do ryzyka*» 'Он никогда не был склонен к риску' [10]. Приводимый пример иллюстрирует употребление лексемы в значении потенциальной опасности, неуверенности, что все закончится удачно, благополучно.

Рассмотрим следующие обороты на базе рассматриваемой лексемы: «*Podejmować ryzyko*» 'рисковать / идти на риск'; «*brać na siebie ryzyko*» 'брать на себя риск'. Приведенные обороты служат описанию ситуации, когда кто-либо несет ответственность за удачный либо, напротив, неудачный исход какого-либо дела. Рассмотрим некоторые примеры сочетаемости лексемы: «*Małe, duże ryzyko*» 'небольшой, большой риск'; «*Ryzyko porażki, strat, błędu*» 'риск поражения, потерь, ошибки'; «*Oszacować wysokość ryzyka*» 'оценить степень риска'; «*Unikać ryzyka*» 'избегать риска' [10]. Отметим, что лексемы польского и русского языков *ryzyko* и *риск*

по своей сочетаемости и способности к фразеοобразованию практически совпадают. В то же время лексемы различаются отношением к грамматической категории рода. Так, лексема русского языка *риск* – мужского рода, а лексема польского языка *ryzyko* – среднего рода.

В «Большом польско-русском словаре» Д. Гессена и Р. Стыпулы приводится пример употребления прилагательного *ryzykowny* ‘рискованный’ – адъективного носителя семантики риска: «*ryzykowny krok*» ‘рискованный шаг’ [2, р. 306]. Отметим различия словообразовательной структуры у русского прилагательного *рискованный* и польского прилагательного *ryzykowny* ‘рискованный’.

Обратимся к глагольным формам супплемента риска. Лексема совершенного вида *риснуть* реализует «значение моментального действия и относится к тематическому классу глаголов выбора (и исполнения) решения» [6, р. 155]. Ситуация, выражаемая глаголом, «включает идею угрозы, которая, по крайней мере на момент наблюдения, не реализовалась <...>. Отрицательное последствие наступило после того момента наблюдения, который фиксирован в семантике *риснуть*. Рискующий обычно надеется на благополучный исход...» [6, р. 157]. Семантика глагола *рисковать* по сравнению с глаголом *риснуть* характеризуется определенной спецификой. Основное значение лексемы несовершенного вида – ретроспективное. «Говорящий (наблюдатель) смотрит на ситуацию апостериори – из такой временной точки, когда уже известно, что опасность миновала, то есть возможное отрицательное последствие рискованного поступка не наступило» [6, р. 159].

Аналогичное соотношение проявляется у польских глаголов *zaryzykować* ‘риснуть’ и *ryzykować* ‘рисковать’ [10, т. 3, р. 1108]. Стоит отметить, что отношение к риску в кругу российской культуры в целом положительное. Ср. побуждающее к риску высказывание: «Риск – благородное дело», а также современную пословицу: «Кто не рискует, тот не пьет шампанское». *Шампанское* в данном случае выступает ассоциатом удачи в результате предпринятого риска. Ведь бокалом шампанского отмечают удачи, шампанское пьют победители. Ср. польский пример: «*Kto nie ryzykuje, ten nie je, nie wygrywa i tp*» ‘Кто не рискует, тот не ест, не выигрывает и т.п.’ [10].

В современном русском языке глагол *рисковать* имеет свое перифрастическое обозначение «пойти наудачу» – то есть пойти на риск. Ср. дефиницию наречия *наудачу*: «надеясь на благоприятный случай; без предварительного обдумывания, выбора и т.п. *Действовать наудачу. Вытащить наудачу билет*» [1, с. 606]. С аналогичной семантикой выступает (с пометой *народно-разговорное*) наречие *наудалую*, означающее «Безрассудно, смело, наудачу»: «*Ринуться наудалую*» [1, с. 606]. Отметим, что в сегменте риска русский и польский языки проявляют большое сходство.

Проведение сопоставительных исследований на материале близкородственных языков и соседствующих языковых ареалов – крайне важная задача, решение которой позволяет выделить конкретные лингвокультурные сходства и различия русского и польского народов в целях прогнозирования языкового и невербального поведения носителей данных лингвокультур, улучшения межнационального и межкультурного диалога между славянскими народами, предотвращения межэтнических противоречий и сохранения культурно-языковой идентичности России и Польши.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. и сост. С.А. Кузнецов. СПб., 1998.
2. Большой польско-русский словарь: в 2 т / гл. ред. и сост. Д. Гессен, Р.М. Стыпула. Варшава, 1980.
3. Воркачев С.Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002.

4. *Ефимова Н.Н.* Риск // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М., 2007.
5. *Зализняк А.А.* Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей. М., 2005.
6. *Падучева Е.В.* Глагол riskовать – яркая индивидуальность или рядовой элемент лексической системы? // Семиотика и информатика: сборник научных статей. М., 2002. Вып. 37.
7. *Романов А.С.* Стереотипизация субкультурных констант в аксиологии социально-группового диалекта (на материале ценностей и реалий военной службы в языковой культуре США): дис. ...д-ра филол. наук. М., 2020.
8. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2007.
9. *Шмелев А.Д.* Сквозные мотивы русской языковой картины мира // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сборник статей. М., 2005.
10. *Uniwersalny słownik języka polskiego: w 4 t. / pod. red. S. Dubisza.* Warszawa, 2006.
11. *Soeters J.L., Winslow D.J., Weibull A.* Military culture. Handbook of the Sociology of the Military. Springer, 2006.

Е.В. Петрова

преподаватель 33 кафедры английского языка (второго)

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны

Российской Федерации

E-mail: madhyri@rambler.ru

ПРОЗВИЩА ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ КАК СОЦИУМНО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН ВОЕННОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

А.В. Титова

Аннотация. Статья посвящена исследованию прозвищ военачальников как самобытному социумно-прецедентному феномену военной субкультуры. Прозвища анализируются с целью выявления специфики мировоззрения представителей вооруженных сил через символическую и ценностную составляющую языка профессиональных военных. Функционирующие в ограниченном пространстве армейского социума и хорошо известные любому среднестатистическому его представителю прозвища военачальников обладают такими свойственными разговорному языку военнослужащих качествами, как ироничность, фамильярность, оценочность и образность. В статье исследуются образованные на основе личного имени или фамилии и отражающие характерные черты именуемого номинативные единицы. Делается вывод о том, что наибольшим образным потенциалом, позволяющим постичь как специфику картины мира военнослужащих, так и систему мировосприятия этноса обладают номинации, образованные по ассоциациям с топонимикой мест сражений, фактом из биографии военачальника, спецификой деятельности в вооруженных силах, социально-территориальным происхождением и религией, внешним видом, особенностями характера и поведения.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прозвище, военная субкультура, сленг, образ, семантика.

MILITARY LEADERS' NICKNAMES AS A SOCIUM PRECEDENT PHENOMENON OF MILITARY SUBCULTURE

A.V. Titova

Abstract. The article is devoted to the study of nicknames of military leaders as a distinctive socium precedent phenomenon of the military subculture. Nicknames are analyzed in order to identify the specifics of the worldview of the armed forces' representatives through the symbolic and value component of the language of professional military officers. Functioning in the limited space of the army society and well known to any average representative of it, the nicknames of military commanders have such peculiar qualities to the spoken language of the military, as irony, familiarity, evaluation and imagery. The article examines the nominative units formed on the basis of a personal name or surname and reflecting the characteristic features of the named. The conclusion is made that the nominative units formed by the associations with the toponyms of the places of battles, a fact from the commander's biography, the specific character of the armed forces, socio-territorial origin and religion, physical appearance, features of character and behavior have the greatest image potential, allowing to comprehend both the specific of military men's world picture and the ethnic people's world-perception system.

Keywords: precedent phenomenon, nickname, military subculture, slang, image, semantics.

Развитие современных лингвистических исследований в русле антропоцентрической парадигмы предполагает рассмотрение языковых сущностей в тесной взаимосвязи с культурой, социумом, сознанием и ментальностью.

Язык создается и развивается в обществе и его институтах, специфика которых находит отражение в лексике и фразеологии представителей этноса. Армия, как важнейший социальный институт любого развитого общества, и военная субкультура, как составная часть

культуры народа, характеризуется наличием особого социально-группового диалекта. Язык военной субкультуры отличает ряд особенностей, анализ которых позволяет обнаружить специфику мировосприятия представителей армейского социума и национально-культурные черты языкового сознания народа [7, с. 366], и определяет актуальность его изучения как в условиях сложившейся в современном мире геополитической обстановки, так и для развития теоретических исследований языка и речи представителей социальных групп.

Речевой узус военнослужащих имеет прецедентный характер: прецедентные номинации, открывающие доступ к историческим событиям и реалиям повседневной деятельности военнослужащих, позволяют осмыслить профессиональную картину мира и систему аксиологических ориентиров представителей военной субкультуры [11, с. 97].

Прецедентные феномены представляют собой тексты, имена, высказывания и ситуации, формирующие когнитивную базу лингвокультурного сообщества – структурированную совокупность знаний, которой обладают практически все члены той или иной культуры [2, с. 83].

Интерпретируемые как своеобразные единицы хранения социального опыта прецедентные феномены классифицируются на социумно-, национально- и универсально-прецедентные [4, с. 173]. Понимание и функционирование в речи социумно-прецедентных феноменов ограничивается рамками социальной, профессиональной, гендерной, конфессиональной и т.д. групп. Национально-прецедентные феномены формируют ментально-лингвальный комплекс этнической общности, а универсально-прецедентные – общечеловеческое когнитивное пространство [4, с. 174].

Объектом исследования выступают прецедентные феномены в речи представителей военной субкультуры англоязычных стран. Предметом изучения служат прозвища военачальников как самобытные социумно-прецедентные феномены. Целью ставится выявления специфики мировоззрения представителей вооруженных сил через символическую и ценностную составляющую языка профессиональных военных.

Материал для исследования отобран из англоязычных словарей [12, 13, 14, 17] и электронных ресурсов сети Интернет [16, 19]. Методологическую основу исследования составляют метод сплошной выборки, описательный, лингвостилистический, лингвокультурологический методы и метод обобщения.

Под прозвищем в лингвистике понимается вид антропонима, дополнительное имя, данное человеку окружающими, исходя из его характерных черт, профессии, сопутствующих ему жизненных обстоятельств или по какой-либо аналогии [10].

Согласно классификации З.П. Никулиной, прозвища разделяются на номинативные единицы, образованные на основе личного имени или фамилии именуемого, и единицы, отражающие специфические черты именуемого [8, с. 88–96].

1. В исследуемом корпусе лексико-фразеологических единиц языка представителей военных субкультур англоязычных стран прозвища, образованные на основе имени/фамилии, образуются, например, путем усечения фамилии: британский фельдмаршал Клод Окинлек (Claude Auchinleck) – «*The Auk*», американский офицер Карвуд Липтон (Carwood Lipton) – «*Lip*», выдающийся военачальник времен Второй мировой войны Омар Брэдли (Omar Bradley) – «*Brad*».

Датский лингвист О. Есперсен объясняет природу сленга желанием человеческой особи отклониться от обычного языка, навязанного ему обществом, и от его устоев [15, с. 149]. Стремление отклониться от основополагающего в армии принципа единоначалия, предполагающего беспрекословное повиновение подчиненного приказам командира, проявляется в наличии прозвищ, имеющих фамильярный характер. Так, в сленге британских военнослужащих один из наиболее успешных военных деятелей Викторианской эпохи Фредерик Робертс (Frederick S. Roberts) имел прозвище «*Bobs*», начальник Имперского Генерального

штаба в годы Второй мировой войны Алан Брук (Alan Brooke) – «*Brookie*», а инструктор Королевских военно-воздушных сил У. Джонсон (W.E.P. Johnson) – «*Johnny*».

Ряд образованных на основе имени/фамилии прозвищ военачальников имеет компонент *uncle* 'дядя': британский военачальник Второй мировой войны Уильям Слим (William Slim) – «*Uncle Bill*», командующий тихоокеанским подводным флотом США Чарльз Локвуд младший (Charles A. Lockwood, Jr.) – «*Uncle Charlie*», американские генералы времен Гражданской войны в США Уильям Шерман (William T. Sherman) – «*Uncle Billy*», Джон Сэджвик (John Sedgwick) – «*Uncle John*». Апелляция к абстрактному образу мудрого и дружелюбного «дядюшки» в прозвищах встречается во многих культурах. В сознании жителей североамериканского континента также создается отсылка к дяде Сэму – персонифицированному образу, олицетворяющему США, что добавляет прозвищам военачальников коннотативное значение, выражающее симпатию и уважение к именуемым лицам.

2. Вторую группу прозвищ военачальников составляют номинации, отражающие отличительные черты человека. Данные прозвища образованы по характеризующим признакам и ассоциациям с топонимикой мест сражений, фактом из биографии военачальника, спецификой деятельности в вооруженных силах, социально-территориальным происхождением и религией, внешним видом, особенностями характера и поведения.

2.1. Ряд военачальников получили прозвища благодаря сражениям, в которых они принимали участие. Так, генерал армии Конфедерации в годы Гражданской войны в США Эдвард Джонсон (Edward Johnson) именовался в армейской среде «*Allegheny Johnson*» после сражения при Эллени-Маунтен (Allegheny Mountain), в котором он командовал шестью пехотными полками.

Британский адмирал Уильям Джордж Теннант (William George Tennant) получил прозвище «*Dunkirk Joe*» за успешное проведение Дюнкерской операции времен Второй мировой войны, в ходе которой осуществлялась эвакуация морем частей союзников, блокированных немецкими войсками у города Дюнкерк.

Не всегда успешное выполнение боевых задач и проявленные лидерские качества становятся поводом для появления прозвища, создающего отсылку к сражению. Так, фельдмаршал Дуглас Хейг (Douglas Haig), командовавший британскими войсками в Первой мировой войне, получил прозвище «*Butcher of the Somme*» (досл. «мясник Сомме») из-за огромных потерь личного состава в бою на реке Сомме, признанного сражением с самыми высокими потерями в британской военной истории и одной из самых кровопролитных битв в истории человечества.

2.2. Нередко поводом для появления прозвища выступает факт из служебной биографии. Выдающийся американский военачальник, признанный одним из наиболее успешных полководцев Второй мировой войны, Дуглас МакАртур (Douglas MacArthur) в солдатской среде имел прозвище «*Dugout Doug*» (досл. «Дуг из землянки»), в связи с тем, что жил в тоннелях под землей во время японской оккупации Филиппин.

Прозвище «*Black Jack*» (досл. «черный Джек») Джона Джозефа Першинга (John Joseph Pershing), единственного в истории США прижизненного обладателя высшего персонального воинского звания – генерал армий Соединенных штатов, основано на факте из служебной биографии, а именно службе в частях, преимущественно состоящих из чернокожих солдат [19].

2.3. Следующим импульсом для появления прозвища в военной субкультуре выступает специфика рода деятельности военачальника. Так, 9-ый губернатор штата Виргиния, генерал Генри Ли (Henry Lee III), в годы американской революции служивший в кавалерии Континентальной Армии, имел прозвище «*Lighthorse Harry*» (досл. «легкий кавалерист Гарри»).

Теоретик и практик применения воздушно-десантных войск США генерал-лейтенант Джеймс Гэйвин (James Gavin), командующий 82-ой воздушно-десантной дивизией во время

Второй мировой войны, имел прозвище «*Jumpin' Jim*» (досл. «прыгающий Джим»). Даже получив генеральское звание, военачальник продолжал совершать боевые парашютные прыжки со своим личным составом. В звании генерал-майора Дж. Гейвин совершил высадку в ходе Голландской операции союзников в 1944 г. (Operation Market Garden), что породило новое прозвище «*Jumping General*» (досл. «прыгающий генерал») [19].

2.4. Следующая группа прозвищ военачальников представлена номинативными единицами, образованными по признакам, связанными с социальной, региональной или религиозной принадлежностью именуемых. Так, рожденный в Техасе ас времен Второй мировой войны Дэвид Хилл (David Hill), член добровольческой группы «Летающие тигры» (Flying tigers), имел прозвище «*Tex*», фельдмаршал Великобритании, имевший титул барона Филип Четвоуд (Philip Chetwode) – «*The Bart*».

Леонидас Полк (Leonidas Polk) имел прозвище «*The Fighting Bishop*» (досл. «сражающийся епископ»): окончив академию Вэст-Пойнт (West Point), Полк покинул военную службу и стал епископом, однако, в Гражданскую войну вернулся в строй в качестве генерала армии Конфедерации.

2.5. Большую группу прозвищ составляют номинации, основанные на отличительных внешних признаках военачальников. Например, оставшийся в истории как директор управления военно-морской разведки Великобритании с 1914 по 1919 гг., ответственный за проведение операции по расшифровке телеграммы Циммермана, послужившей поводом для вступления США в Первую мировую войну, адмирал Уильям Реджиналд Холл (William Reginald Hall) имел прозвище «*Blinker Hall*» (досл. «мигалка Холл») из-за постоянно подергивающегося глаза. Поводом для прозвища генерала США времен Гражданской войны Джорджа Макклеллана (George McClellan) «*Little Mac*» (досл. «маленький Мак») послужил низкий рост военачальника.

Частотны также именованья с метафорическим переносным значением, данные военачальнику за специфичность его внешности. Свойственный разговорному языку военных субкультур фамильярный, насмешливый и грубый характер проявляется в прозвище аса Второй мировой войны Королевских военно-воздушных сил Великобритании, известного 22 победами в воздушных боях, Дугласа Роберта Стюарта Бэйдера (Douglas Robert Stuart Bader). Полковник имел прозвище «*Tin Legs*» (досл. «жестяные ноги») из-за протезов ног: в результате катастрофы на авиашоу в 1931 г. летчик потерял обе конечности, что, однако, не помешало ему вернуться в ряды вооруженных сил с началом Второй мировой войны и стать высококлассным пилотом.

Апелляция к внешности военнослужащих в семантике прозвища нередко осуществляется однословной номинацией: генерал армии Конфедерации времен Гражданской войны в США Ричард Юэлл (Richard S. Ewell) и американский адмирал Второй мировой войны Чарльз Поунол (Charles A. Pownall) имели прозвище «*Baldy*» (досл. «лысый»), британский адмирал двух мировых войн Уильям Бойл (W.H.D. Boyle) – «*Ginger*» (досл. «рыжий»), потерявший руку в одном из сражений британский генерал Первой и Второй мировых войн Джеймс Рентон (James M.L. Renton) – «*Wingy*» (досл. «крылатый»), генерал-лейтенант корпуса морской пехоты США, учатник Второй мировой и Корейской войны Льюис Пуллер (Lewis Puller) – «*Chesty*» (досл. «широкоплечий»).

Ответственный за проведение операции «Буря в пустыне» (Desert Storm), командующий группировкой многонациональных сил во время войны в Персидском заливе 1990–1991 гг. генерал Норман Шварцкопф младший (Norman Schwarzkopf Jr.) имел два прозвища. Первое – «*Stormin' Norman*» – (досл. «бушующий Норман») он не любил за указание на вспыльчивость характера, а вторым – «*The Bear*» (досл. «медведь»), создающим отсылку к его росту

185 см и весу 108 кг, гордился: в автобиографии генерал называл супругу «Mrs. Bear» и дал аналогичную кличку «Bear» своей собаке [18].

2.6. Частотным явлением в военной субкультуре выступает присвоение прозвищ на основании отличительных черт характера и свойств поведения военачальника. Наиболее продуктивной моделью образования в данной группе прозвищ выступает присоединение к имени собственному прилагательного. Например, вспыльчивый и отважный генерал Энтони Уэйн (Anthony Wayne), участник войны за независимость США, – «*Mad Anthony*» (досл. «безумный Энтони»); смелый и решительный командир подводной лодки Фредерик Б. Уордер (Frederick B. Warder), получивший множество боевых наград за участие в сражениях времен Второй мировой войны, – «*Fearless Freddy*» (досл. «бесстрашный Фредди»).

Армейский социум, как неотъемлемая составляющая культуры народа, характеризуется наличием системы образов, символов, стереотипов и кодов культуры, рассмотрение которых позволяет изучить проявления этнического менталитета и выявить морально-нравственные установки и ценности народа-носителя языка [6, с. 103].

Отражение окружающего мира в сознании человека осуществляется в антропоморфной и зооморфной ипостасях. Характеристики человека в любом языке выступают в качестве основного объекта метафоризации, а к наиболее универсальным моделям метафоризации относится схема «человек ← животное» [1, с. 111].

Уподобление особенностей поведения и выполняемых на поле боя задач военачальников повадкам представителей животного мира в прозвищах свидетельствует о продуктивности зооморфной метафоры в языке военной субкультуры.

Прозвища, апеллирующие в сознании носителя языка к образам представителей мира фауны, являются воплощением зооморфного кода культуры, включающего комплекс стереотипных суждений о свойствах и особенностях поведения животных, выступающий в качестве источника миропонимания человека и имеющий, помимо основных природных свойств, функционально-значимые культурные смыслы [5, с. 256].

Способность кошек, за сетчаткой глаза которых расположен тапетум – особый слой, содержащий большое количество люминесцентного пигмента, хорошо видеть даже при слабом освещении, легла в основу наименования аса Королевских ВВС времен Второй мировой войны Джона Каннингхэма (John Cunningham) «*Cat's Eyes*» (досл. «кошачий глаз») за успешно проведенные им ночные полеты.

Появление зооморфизмов в языке объясняется стремлением человеческого сознания интерпретировать свойства животного в антропоморфных признаках, а затем приписать характеристики животного обратно человеку. Проецируемые признаки являются лишь обиходными представлениями о животном и не всегда выступают его подлинным свойством [3, с. 5–6].

В основе образности прозвища участника войны за независимость США Фрэнсиса Мэриона (Francis Marion) – скорость и изворотливость лисы. Организованный офицером партизанский отряд рейнджеров успешно действовал против англичан и лоялистов в болотистых районах Южной Каролины, что послужило поводом для одного из ведущих на них охоту военачальников британской армии назвать Мэриона «*The Swamp Fox*» (досл. «болотный лис»).

В заключение отметим, что прозвища военачальников представляют собой самобытный социумно-прецедентный феномен, функционирующий в ограниченном пространстве армейского социума и хорошо известный любому среднестатистическому его представителю. Как единицы разговорного языка военнослужащих, прозвища обладают такими свойственными сленгу качествами, как ироничность, фамильярность, оценочность и образность. Прозвища военачальников подразделяются на образованные на основе личного имени или фамилии и отражающие характерные черты именуемого номинативные единицы. Наибольшим об-

разным потенциалом, позволяющим постичь как специфику картины мира военнослужащих, так и систему мировосприятия этноса обладают номинации, образованные по ассоциациям с топонимикой мест сражений, фактом из биографии военачальника, спецификой деятельности в вооруженных силах, социально-территориальным происхождением и религией, внешним видом, особенностями характера и поведения.

Библиографический список

1. *Гаврилюк М.А.* Зооморфная метафора как фрагмент китайской и русской языковых картин мира // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 10 (721).
2. *Гудков Д.Б.* Прецедентное имя в когнитивной базе современного русского языка (результаты эксперимента) // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. М., 1998. Вып. 4.
3. *Клушин Н.А.* Зоо- и фитоморфные характеристики человека в английской разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н.Новгород, 1991.
4. *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
5. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М., 2002.
6. *Лупанова Е.В.* Образность фразеологических единиц в языковой картине мира представителей англо-американской военной субкультуры // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62).
7. *Лупанова Е.В.* Фразеологизмы военной тематики как отражение социальных отношений военнослужащих // Преподаватель XXI век. 2017. № 4–2.
8. *Никулина З.П.* О структуре и формировании семантики прозвища // Семантическая структура слова. Кемерово, 1984.
9. *Оразбекова В.В.* Прецедентные имена в речи студентов // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2021. № 2.
10. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
11. *Романов А.С.* Имя прецедентное как неотъемлемый фрагмент мозаики армейского идиома США (на материале английского языка) // Организационная психоллингвистика. 2019. № 1 (5).
12. *Ammer C.* The American Heritage Dictionary of Idioms. Boston, 1992.
13. *Ammer C.* The dictionary of clichés. New York, 2013.
14. *Dickson P.* War slang: American fighting words and phrases since the Civil War. Brassey's, Inc., Washington, 2004.
15. *Jespersen O.* Mankind, nation and individual from a linguistic point of view. Oslo, 1925.
16. List of military figures by nickname. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_military_figures_by_nickname (дата обращения: 26.08.2022).
17. *Partridge E.* The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English. 8th ed. (first published 1984). New York, 2008.
18. The Telegraph. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/obituaries/military-obituaries/army-obituaries/9769376/General-Norman-Schwarzkopf.html> (дата обращения: 26.08.2022).
19. We are the mighty. URL: <https://www.wearethemighty.com/popular/11-best-military-leader-nicknames-throughout-history/> (дата обращения: 26.08.2022).

А.В. Титова

преподаватель кафедры английского языка (второго)

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации

E-mail: titova_anna1991@rambler.ru

ВОЕННАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В МЕЖЪЯЗЫКОВОМ СУБТИТРОВАНИИ (НА ПРИМЕРЕ СЕРИАЛА «THE LIBERATOR»)

И.В. Балканов, И.А. Мурог

Аннотация. Статья посвящается исследованию способов перевода терминов в межъязыковом субтитровании, одной из малоизученных областей лингвистики и переводоведения. В качестве материала исследования выступает американский мини-сериал «The Liberator», в кинотексте которого содержится большое количество военных терминов, связанных с вооруженными силами США. Во введении автор анализирует особенности межъязыкового субтитрования как способа киноперевода, обосновывает необходимость исследования особенностей функционирования военных терминов в кинотексте и способов перевода такого текста. В ходе исследования – на конкретных примерах анализирует ошибки переводчика при работе с военными сериалами. В качестве направления дальнейшего исследования предлагает анализ особенностей функционирования эмоционально-окрашенных элементов военной лексики и военных аббревиатур в кинотексте и способов их перевода в межъязыковом субтитровании.

Ключевые слова: киноперевод, межъязыковое субтитрование, военная терминология, переводной эквивалент, пояснение, культурная адаптация, опущение.

MILITARY TERMINOLOGY IN INTERLINGUAL SUBTITLING (EXEMPLIFIED BY «THE LIBERATOR» MINISERIES)

I.V. Balkanov, I.A. Murog

Abstract. The article probes into the techniques and methods of translation of terms in interlingual subtitling that is an insufficiently researched area of linguistics and translation studies. The material for the study is The Liberator, an American military miniseries that contain a large number of military terms associated with the U.S. Armed Forces. In the introduction the author not only analyzes interlingual subtitling as a method of film translation, but also substantiates the necessity of research into military terms in the film text and into the ways of their translation. Besides, the author summarizes categories of military terms and methods of their translation, and then he analyzes the mistakes in the translation of terms in military series on specific examples. Emotional elements of military vocab and military abbreviations in the film text and the ways of their interlingual subtitling is provided as the direction of further research.

Keywords: film translation, interlingual subtitling, military terminology, translation equivalent, explanation, cultural adaptation, omission.

В.Н. Комиссаров понимает под переводом вид языкового посредничества, «при котором на языке перевода создается текст, коммуникативно равноценный оригиналу, причем его коммуникативная равноценность проявляется в его отождествлении рецепторами перевода с оригиналом в функциональном, содержательном и структурном отношении» [3]. Для создания такого текста переводчик должен овладеть исходным языком и языком перевода, изучить особенности картины мира носителей обоих языков [4], терминологию профессиональной области, в которой осуществляется перевод, регистры общения, особенности перевода текстов различных функциональных стилей и жанров [10].

Киноперевод – это «перевод многомодальных и мультимедийных текстов на другой язык и их перенос в другую культуру» [6]. К основным способам киноперевода относятся межъязыковое субтитрование, дубляж и закадровый перевод. Киноперевод способом субтитрования развивается на стыке аудио-визуального и письменного перевода и, в отличие

от других видов перевода, испытывает влияние не только лингвистических и экстралингвистических факторов, но и факторов технических: использование визуального канала передачи информации, количество знаков (не более 45) и строк (не более двух) в поле субтитра, время появления субтитра на экране (не более восьми секунд), наличие обязательной паузы между титрами, средняя скорость чтения титра целевой аудитории (от 160 до 180 слов в минуту), синхронность звукового ряда и титров на экране [10; 11].

Кинопроизведения насыщены диалогами персонажей, которые зачастую протекают в стиле неформального общения, что создает дополнительные сложности в процессе перевода.

Каждый из героев кинопроизведения имеет свои языковые и культурные характеристики, заложенные в него сценаристом и режиссером. Это находит отражение в переводе. В социолингвистике язык рассматривается не только как система знаков, но и как социальная система, часть культуры общества, в котором он существует [1], индивидуальность человека определяется социальными факторами, влияющими на использование языка: возраст, уровень образования, пол, национальная и региональная принадлежность, социально-экономический статус и т.д. [9, 12]. Это позволяет нам утверждать, что каждый из героев кинопроизведения индивидуален, но при этом воплощает в себе культуру общества, особенности исторической эпохи и профессиональной сферы, вокруг которых строится сюжет кинопроизведения. Таким образом, специальный язык, или «язык, «используемый специалистами в области науки и техники для коммуникации, связанной с профессиональной деятельностью в официальных и неофициальных ситуациях общения» [2] и существующие в нем термины и профессиональные жаргонизмы, предмет нашего исследования, находят свое отражение в кинотексте и межкультурном субтитровании.

В рамках настоящего исследования мы сосредоточим основные усилия на военной терминологии, ее функционировании в кинотекстах и межкультурном субтитровании таких текстов. Материалом нашего исследования выступит военный мини-сериал «The Liberator», созданный стриминговой платформой Netflix в 2020 г. Сериал, пронизанный духом героизма и патриотизма, рассказывает о боевом пути американского офицера Ф. Спаркса и его подразделения (части, соединения) в годы Второй мировой войны, поднимает важные проблемы современного американского общества: расовая дискриминация, права коренных народов, семейные ценности, любовь к Родине, неприятие нацизма, боевое братство и т.д.

Западные и отечественные СМИ, стриминговые платформы и социальные сети активно используют отсылки к событиям двух войн – Великой Отечественной и Второй мировой – для воздействия на общественное сознание, в том числе через произведения кинематографа. Изучение таких произведений, в том числе особенностей их перевода способом межкультурного субтитрования, раскроет современное состояние картины мира американского общества и позволит разработать эффективные приемы и способы воздействия на носителей американской культуры, тактики и стратегии информационного противоборства, что обуславливает актуальность нашего исследования.

Теоретическая основа исследования. Г.А. Судзиловский, составитель общих англо-русских военных словарей, понимал под военной лексикой «как слова и сочетания, выражающие специфические военные понятия, так и слова и сочетания, употребительные прежде всего в вооруженных силах» [5].

Существуют две основные категории военной лексики – эмоционально окрашенные элементы и военная терминология. Ко второй категории обычно относят «устойчивые однословные или несколькословные наименования, закрепленные за соответствующим понятием в системе понятий определенной области военной науки и военной техники и ограниченное специальной сферой употребления в значении, строго регламентированном его дефиницией» [7].

К терминам, в том числе военным, по сравнению с обычными словами и словосочетаниями, предъявляются определенные требования: точность, эксплицитность, отсутствие

синонимов и эмоционального значения, независимость от контекста, ограниченность употребления определенной профессиональной сферой.

В процессе автоматизации перевода возрастает важность терминологических баз данных и корпусов отраслевых текстов: они, как и специальные толковые и переводные словари, обеспечивают качество перевода. Тем не менее, мы понимаем, что автоматический (машинный) сбор и обработка терминов неизменно приведет к ошибкам в подборе эквивалентов, что требует участия в данном процессе специалистов соответствующей области знаний, в том числе отраслевых переводчиков.

Количество терминологических баз данных и составленных на их основе переводных и толковых словарей постоянно растет, картина мира носителей исходного языка не всегда совпадает с картиной мира носителей языка перевода [4]. При переводе (военных) терминов неизбежно появляется возможность выбора из нескольких вариантов, что позволяет адаптировать текст перевода к техническим особенностям межкузыкового субтитрования (ограничение поля субтитров по количеству печатных знаков). Кроме того, в целях экономии места в поле субтитра переводчик прибегает к способам опущения (если пропуск термина не влияет на понимание кинотекста адресатом) и культурной адаптации (например, при отсутствии большой разницы в должностных обязанностях специалистов в культуре носителей исходного языка и в культуре носителей языка перевода) [13].

Вероятность ошибки при переводе кинотекста, насыщенного терминами, достаточно высока: фактор времени не позволяет использовать терминологические банки данных, двуязычные и переводные словари все еще несовершенны, а услуги редакторов – профильных специалистов значительно увеличивают стоимость работы: студии, обеспечивающие локализацию иностранных кинопроизведений, привлекают отраслевых экспертов только для высокобюджетных проектов [8; 13].

Результаты исследования. В результате анализа кинотекста мини-сериала «The Liberator» и текста его перевода на русский язык, полученного способом межкузыкового субтитрования, мы обнаружили более 400 случаев употребления военных терминов.

Проведенный анализ позволяет нам выделить следующие категории военных терминов: воинские звания, должности и военно-учетные специальности; воинские формирования (подразделения, части, соединения и объединения); вооружение и военная техника, боеприпасы; тактика и стратегия; предметы военного быта, здания и сооружения; команды, приказы и распоряжения. В *таблице 1* представлены результаты количественного анализа случаев употребления военных терминов в исходном тексте мини-сериала «The Liberator» (округлением до десятков). В рамках настоящего исследования мы считаем именно случаи употребления терминов, а не количество терминов: каждый раз термин используется в новой коммуникативной ситуации, разными героями и по разным причинам, и, следовательно, переводчику каждый раз приходится учитывать лингвистические и экстралингвистические факторы коммуникативной ситуации, а также технические факторы межкузыкового субтитрования для корректного перевода исходного текста.

Таблица 1

Военные термины в кинотексте мини-сериала «The Liberator»

Воинские формирования (подразделения, части, соединения и объединения)	70
Воинские звания, должности и военно-учетные специальности	130
Вооружение и военная техника, боеприпасы	90
Предметы военного быта, здания и сооружения	50
Команды, приказы и распоряжения	70
Итого	410

Таким образом, в мини-сериале «The Liberator» преобладают военные термины категории «воинские звания, должности и военно-учетные специальности» и категории «вооружение и военная техника».

Проведенное нами исследование показало, что основными способами перевода исходного текста, содержащего военные термины, является (в порядке убывания) подбор эквивалентов, дословный перевод (транслитерация и транскрибирование), опущение, культурная адаптации и пояснение.

Рассмотрим конкретные примеры перевода фрагментов исходного кинотекста, в которых были использованы военные термины, проведем анализ ошибок, допущенных при их переводе способом межъязыкового субтитрования. Отметим, что мы не считаем опущение терминов в тексте перевода ошибкой, если использование данного приема создает в поле субтитра коммуникативно равноценный текст и не влияет на качество понимания текста перевода адресатом.

В сериале встречаются следующие звания старших и младших офицеров: «*Second Lieutenant*», «*Captain*», «*Major*» и «*Colonel*». Данные звания переведены с помощью способа культурной адаптации – путем использования системы воинских званий офицеров Сухопутных войск, принятых в Вооруженных Силах Российской Федерации: «лейтенант», «капитан», «майор» и «полковник», соответственно. Однако при переводе воинских званий генералов переводчик калькирует звание «*Brigadier General*» («бригадный генерал»). Мы считаем, что тем самым была допущена ошибка, так как в дальнейшем при переводе званий «*Major General*», «*Lieutenant General*» и «*General*» («генерал-майор», «генерал-лейтенант» и «генерал», соответственно) переводчик не учитывает тот факт, что в Вооруженных Силах Российской Федерации существуют воинские звания «генерал-майор» и «генерал-лейтенант», а должностные обязанности военнослужащих, имеющих данные звания, как правило не совпадают с должностными обязанностями военнослужащих, имеющих воинские звания «*Major General*» и «*Lieutenant General*» в вооруженных силах США.

Способ культурной адаптации мог быть использован для перевода воинских званий военнослужащих рядового и сержантского состава. В исходном тексте мы встречаем звания «*Private*», «*Sergeant*», «*Master Sergeant*» и «*First Sergeant*», которые могут быть адаптированы к языку перевода с помощью эквивалентов «рядовой», «сержант», «старший сержант» и «старшина». Однако переводчик предпочел использовать дословный перевод и предложил вариант «мастер-сержант», что мы считаем ошибкой, так как термин «мастер-сержант» не является родным для культуры носителей языка перевода и, следовательно, вызывает непонимание у адресата.

Обратим внимание на перевод ситуаций, в которых встречается воинское звание «*Corporal*». Каждый раз переводчик предлагает эквивалент «капрал». Мы считаем, что это нарушает принцип культурной адаптации, используемый для перевода званий военнослужащих рядового и сержантского состава.

При переводе воинских званий аббревиатуры «CO» («*commissioned officer*» – «офицер») и «NCO» («*noncommissioned officer*» – «сержант») опускаются. Ни в одной из ситуаций это не влияет на понимание текста перевода адресатом. Заметим, что перевод аббревиатур и акронимов, которыми насыщены кинотексты военной направленности, может стать перспективным направлением исследования.

Проведенный анализ выявил ошибки при переводе ситуаций исходного текста, в которых присутствуют термины, связанные с воинскими формированиями. Приведем пример.

Исходный текст	Текст перевода
On July 10th, 1943, a unit from Oklahoma... landed in Sicily and began a brutal 500-day trek through Nazi-occupied Europe. This is the story of those men. A group of soldiers known as the Thunderbirds	10 июля 1943 года подразделение из Оклахомы... высадились в Сицилии, где начался их полуторагодовой поход по Европе, оккупированной нацистами. Это история о парнях из Пехотной дивизии, известной как «Громовая птица»

В данной ситуации соединение (45-я пехотная дивизия) в тексте перевода называется подразделением. Данная ошибка повторяется многократно и объясняется видо-родовыми отношениями термина «unit» исходного языка и терминов «объединение», «соединение», «часть» и «подразделение» языка перевода. Так, в Вооруженных Силах Российской Федерации все воинские формирования сухопутных войск подразделяются на объединения, соединения, части и подразделения. Словарь военной терминологии английского языка так определяет термин «unit»: «*Any military element whose structure is prescribed by competent authority*» [14] – «любой элемент военной системы, чья организационно-штатная структура определена установленным порядком» (перевод наш. – И.Б.). Данное определение в целом соответствует определению понятия «воинское формирование» в словарях и справочниках Вооруженных Сил Российской Федерации. В то же время мы не находим в английском языке терминов, соответствующих понятиям «объединение», «соединение», «часть» и «подразделение» в русском языке.

Отметим, что при переводе названий и типов воинских формирований может использоваться прием опущения. Приведем примеры (опущенные термины выделены полужирным шрифтом).

<i>Исходный текст</i>	<i>Текст перевода</i>
Two tanks and four platoons of infantry 500 yards ahead	Два танка и пехота в 500 метрах отсюда
Your company crossed three ponds in two days	Вы пересекли три поста за два дня

В первом случае прием опущения позволяет сократить объем текста в поле субтитра без потери ключевой информации: количество пехоты адресат понимает за счет видеоряда, который дополняет текст перевода в межъязыковом субтитровании. Во втором случае тип воинского подразделения, в котором проходит службу допрашиваемый военнослужащий (рота – около 100 человек личного состава), остается не известным адресату текста перевода, что мы считаем ошибкой, которую можно было легко исправить, не увеличивая количество печатных знаков в поле субтитра (по сравнению с исходным текстом).

Нам не удалось найти ошибок при кинопереводе ситуаций, содержащих термины, связанные с наименованиями вооружений и военной техники. Переводчик подбирает эквиваленты в языке перевода, а при необходимости прибегает к культурной адаптации и опущению. Так используемый в речи американских военнослужащих немецкий термин «Panzer» в тексте перевода заменяется понятным носителю языка перевода термином «танк». В диалоге между полковником Ф. Спарксом и генералом армии Д. Паттоном фраза «*Went AWOL and hijacked a B-17*» адаптирована для языка перевода путем замены модели самолета (B-17), незнакомой большинству носителей языка перевода, термином «бомбардировщик», который описывает тип данного самолета: «*Ушли в самоволку и угнали бомбардировщик?*» В переводе фразы «*I asked for a squad of TDs*» происходит опущение аббревиатуры «TD» (tank destroyer – самоходное противотанковое орудие): «*Я просил отряд*». Равнозначность коммуникативной ситуации в кинотексте перевода достигается за счет видеоряда (в кадре 76-мм самоходное противотанковое орудие M18 «Хеллкэт»).

Команды, приказы и распоряжения переводятся путем подбора коммуникативно равноценного эквивалента в языке перевода (например, «*Attention!*» – «*Смирно!*») или путем культурной адаптации (команды «*As you were*» и «*At ease*» переводятся «*Вольно!*»).

Предметы военного быта (здания и сооружения, форма одежды и знаки различия) практически не встречаются в сериале. При этом нам удалось найти несколько ошибок в тексте перевода.

<i>Исходный текст</i>	<i>Текст перевода</i>
Jail	Тюрьма
You've got two minutes to join me outside	У вас две минуты, чтобы выйти на плац

В первом случае речь идет не о тюрьме, а о гауптвахте, куда помещаются военнослужащие, совершившие грубые дисциплинарные проступки (употребление алкоголя, оскорбление старшего по званию, драка и т.д.). Во втором случае переводчик не уточнил значение термина «плац» (площадь для парадов и строевых военных занятий) при переводе фразы «*You've got two minutes to join me outside*», допустив тем самым фактическую ошибку, так как военнослужащие на самом деле строятся перед зданием гауптвахты, а не на плацу воинской части.

В завершение нашего исследования отметим, что в исходном тексте имеется большое количество эмоционально-окрашенной военной лексики (G.I. Joe, Jerry, brass, kraut, leaf), что делает ее перспективным направлением дальнейшего исследования.

Целью нашего исследования ставилось проведение качественного и количественного анализа военной терминологии в исходном тексте мини-сериала «The Liberator», выявление способов передачи значений военных терминов в кинопереводе фильмов и сериалов способом субтитрования.

Результаты исследования показали, что в сериале преобладают военные термины, относящиеся к системе воинских званий, воинских формирований, оружия и боевой техники.

При межъязыковом субтитровании кинотекста, содержащего термины, преимущество отдается подбору эквивалентов в языке перевода и культурной адаптации. Прием опущения используется только в тех ситуациях, где это не влияет на понимание смысла текста перевода адресатом, а пояснение (описательный перевод) применяется только в том случае, если это позволяет объем поля субтитра. Кроме того, каждое употребление военного термина уникально: различные коммуникативные ситуации вынуждают переводчика принимать неодинаковые решения, на которые влияют лингвистические, экстралингвистические и технические факторы киноперевода способом межъязыкового субтитрования.

Военная терминология наиболее развита в странах, занимающих лидирующие позиции по численности вооруженных сил и разработке систем вооружения и военной техники (США, Российская Федерация, Китай, Индия, Великобритания, Франция и др.). Решением проблемы передачи значений военных терминов может стать использование специализированных (военных) справочников и словарей. Перед началом работы кинопереводчику следует создать пул надежных электронных ресурсов, которые помогут исключить ошибки в подборе эквивалентов военной терминологии на языке перевода. Кроме того, мы полагаем, что студиям локализации следует уделять большее внимание качеству межъязыковых субтитров и прибегать не только к языковому, но и к терминологическому редактированию текста перевода.

Отметим также, что военная лексика помимо военной терминологии включает в себя эмоционально-окрашенные элементы, которые могут стать предметом дальнейшего исследования.

Библиографический список

1. Евсеева Я.В. Исследования языка в социолингвистике и других социальных науках // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. 2021. № 1.
2. Жеребило Т.В. Термины и понятия лингвистики. Общее языкознание. Социолингвистика. Словарь-справочник. Назрань, 2011.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). М., 1990.
4. Романов А.С. Стереотипизация субкультурных констант в аксиологии социально-группового диалекта (на материале ценностей и реалий военной службы в языковой культуре США): дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2021.
5. Судзиловский Г.А. Англо-русский военный словарь: около 50000 терминов. М., 1968.
6. Хайрулина О.Э. Лингвокультурная трансляция как одна из проблем киноперевода // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей VIII Международной научной конференции. Екатеринбург, 2019.

7. *Шевчук В.Н.* Военно-терминологическая система в статике и динамике: автореф. дис. ... д-а филол. наук. М., 1985.
8. *Bowker L.* Terminology tools for translators // *Computers and translation: A translator's guide*. Ottawa, 2003.
9. *Bright W.* Social factors in language change // *The handbook of sociolinguistics*. Oxford, 2017.
10. *Diaz-Cintas J., Remael A.* Audio-visual translation: subtitling. Manchester, 2007.
11. *Gottlieb H.* Subtitling – a new university discipline // *Teaching Translation and Interpreting Training*. Amsterdam, 1992.
12. *Hymes D.* Foundations in sociolinguistics: an ethnographic approach. Pennsylvania, 1974.
13. *Imre A.* Military terminology in the subtitles of *Band of Brothers* // *Acta Universitatis Sapientiae*. 2018. Vol. 10. Is. 3.
14. Unit (US Department of Defense definition) // Military Factory. URL: https://www.militaryfactory.com/dictionary/military-terms-defined.php?term_id=5620 (дата обращения: 08.07.2022).

И.В. Балканов

кандидат филологических наук

доцент кафедры английского языка № 6

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России*

доцент кафедры английского языка основного

*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации*

E-mail: i-balkanov@mail.ru

И.А. Мурог

кандидат филологических наук

доцент кафедры английского языка основного

*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации*

E-mail: welkin2005@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СИНХРОННО-ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т.Ю. Давыдова, Д.В. Балаганов, Д.В. Глухов

Аннотация. Статья имеет целью рассмотрение психолингвистических, когнитивных и нейролингвистических процессов, лежащих в основе синхронного перевода. В качестве методов исследования авторы использовали обобщение и анализ основных данных в свете новейших исследований синхронного перевода. Были рассмотрены современные модели синхронного перевода и синхронно-переводческой деятельности в контексте нейролингвистики. Подвергнутый анализу фактический материал работы синхронных переводчиков подтвердил актуальность дальнейшего изучения процессуальных аспектов синхронно-переводческой деятельности. Результаты показали, что допускаемые неточности во время синхронного перевода являются отражением неэффективного функционирования когнитивных механизмов. Проведенное эмпирическое исследование также демонстрирует, что повышению качества подготовки и работы переводчиков-синхронистов может способствовать овладение метакогнитивными навыками. Данные, полученные в ходе эксперимента, могут служить основой для дальнейших исследований в сфере синхронного перевода, когнитивных наук и нейролингвистики.

Ключевые слова: синхронный перевод, синхронно-переводческая деятельность, модели синхронного перевода, когнитивные механизмы синхронного перевода, нейролингвистические процессы в синхронном переводе, психолингвистические аспекты синхронного перевода.

MODERN APPROACHES TO SIMULTANEOUS INTERPRETATION ACTIVITY RESEARCH

T.Yu. Davydova, D.V. Balaganov, D.V. Glukhov

Abstract. The article is aimed at reviewing psycholinguistic, cognitive and neurolinguistic processes underlying the simultaneous interpreting. As methods, the authors used generalization and analysis of the main data obtained from the latest research of the simultaneous interpreting. They discussed modern models of the simultaneous interpreting and simultaneous interpretation activity from the neurolinguistic point of view. The factual material the authors used to analyze the operation of simultaneous interpreters confirmed the topicality of further research of the process of simultaneous interpretation activity. The results showed that mistakes made during the simultaneous interpreting reflect the ineffective operation of the cognitive mechanisms. The empirical research also demonstrates that the quality of training and operation of simultaneous interpreters can be improved through mastering metacognitive skills. The findings of the experiment can form the basis for further research in the field of simultaneous interpreting, cognitive sciences and neurolinguistics.

Keywords: simultaneous interpreting, simultaneous interpreting activity, simultaneous interpreting models, cognitive mechanisms of simultaneous interpreting, neurolinguistic processes in simultaneous interpreting, psycholinguistic features of simultaneous interpreting.

Синхронный перевод в разное время исследовали представители различных направлений науки – собственно, лингвисты, психологи, биологи, нейрофизиологи. В связи с комплексным характером самой синхронно-переводческой деятельности (СПД) и определенными трудностями в исследовании нейropsychofизиологических особенностей работы мозга переводчика-синхрониста эта проблема до сих пор остается не разрешенной и актуальной. В связи с этим, целью настоящей статьи ставится более подробное изучение нейрофизиологических

и психофизиологических особенностей мозга переводчика в процессе СПД, что позволило бы совершенствовать методики подготовки будущих специалистов.

Первые исследования нейропсихифизиологических особенностей работы мозга переводчика-синхрониста проводились в конце девяностых начале двухтысячных годов [16, 19]. Их результаты свидетельствовали, что в процессе синхронного перевода (СП) задействованы области мозга, отвечающие за обработку вербальной информации. Кроме того, исследователи [16, с. 13] пришли к выводу, что при переводе на иностранный язык (ИЯ) наибольшие изменения происходят в височной доле недоминантного полушария. Дальнейшие исследования показали, что активность мозга при переводе с родного языка на иностранный отличается от активности мозга при переводе с иностранного языка на родной. При СП на родной язык наибольшую активацию демонстрировали лобные доли, при СП с родного языка на иностранный – лобно-височные области [21].

Исследования двух групп ученых показали, что у лиц, прошедших курс подготовки переводчиков-синхронистов, происходили заметные изменения в головном мозге. Так, у группы студентов, прошедших обучение СП, происходили структурные изменения в областях мозга, отвечающих за контроль, а именно в области передних базальных ганглиев и в дополнительной моторной области (ДМО) [8, 11]. Исследование, проводившееся в 2020 г., позволило выявить определенные преобразования, которые локализуются в областях мозга, отвечающих за внимание, у профессиональных переводчиков-синхронистов [10].

На сегодняшний день существует и точка зрения, согласно которой нейробиологические основы СП имеют значительное сходство с нейробиологическими основами контроля у билингвов [7]. Это же исследование продемонстрировало, что в процессе синхронно-переводческой деятельности активировались области мозга, отвечающие за восприятие и продуцирование речи, переключение между языками, самоконтроль и выбор [14]. Представленные в указанной выше работе результаты нейробиологических исследований могут служить подтверждением описанных нами ранее когнитивных механизмов СП и созданной на их основе когнитивно-динамической модели СП [3; 2, с. 197].

Достаточно интересным представляется исследование, в котором изучалось влияние когнитивной нагрузки на качество СП [23]. В ходе эксперимента с участием девяти профессиональных синхронистов были получены данные, свидетельствующие не в пользу «модели усилий в синхронном переводе» Д. Жилия. Авторы исследования пришли к выводу, что когнитивная нагрузка от хранящихся в памяти фрагментов («chunks») предыдущего предложения, не оказывает существенного влияния на качество СП [23]. Однако в рамках этого же исследования нашла свое подтверждение другая гипотеза Д. Жилия – *tightrope hypothesis* («гипотеза натянутой тетивы»), которая гласит, что переводчики-синхронисты всегда работают на пределе когнитивных возможностей человека [12, 13]. К схожему выводу пришли и отечественные ученые в результате анализа целого ряда современных экспериментальных исследований СП [4].

Характеристика материала и методов исследования. В ходе наших предыдущих исследований, выявлено, что изучение процессов, которые происходят в головном мозге в процессе СПД, провести весьма затруднительно в связи с тем, что в России фактически отсутствует необходимое медицинское аппаратное обеспечение.

Отчасти поэтому некоторые исследователи предлагают изучать и отслеживать особенности работы мозга в процессе СП, опираясь на различные оговорки и неточности, допущенные переводчиком [22]. Можно предположить, что оговорки, неточности, ошибки, опущения значительного объема информации происходят в связи с перегрузкой или определенными сбоями в функционировании структур мозга, участвующих в процессе СП. Проиллюстрируем данную гипотезу примерами из СП выступления В.В. Путина на X Московской конференции

по международной безопасности [5]. Отметим, что в своем анализе мы опирались на когнитивно-динамическую модель СП, предложенную Д.В. Балагановым [1].

Оригинал: *Их гегемония означает стагнацию для всего мира, для всей цивилизации, мракобесие и отмену культуры, неолиберальный тоталитаризм* [5].

СП: *Their hegemony means stagnation for all of the world, for all of the civilization. It is cancel culture, new liberatarian totalitarianism.*

Приведенный фрагмент иллюстрирует не вполне корректную работу механизма восприятия и понимания словосочетания «неолиберальный тоталитаризм», что в свою очередь привело, на наш взгляд, к некорректному функционированию механизма выработки варианта перевода. В синхронном переводе прозвучало словосочетание «new liberatarian totalitarianism», являющееся смысловой ошибкой. Отметим также не вполне корректный перевод словосочетания «отмена культуры». Синхронист озвучил вариант «cancel culture», что было бы эквивалентным переводом словосочетания «культура отмены», которое имеет несколько более узкий смысл, нежели прозвучавшее в оригинале высказывание. Культура отмены представляет собой современную форму общественного порицания, отмена культуры же, в свою очередь, буквально означает отсутствие какой-либо культуры. Таким образом, мы можем прийти к выводу, что на данном отрезке высказывания механизмы восприятия и обработки информации, а также выработки варианта перевода сработали не вполне корректно. Тактика самокоррекции при этом реализована не была.

Оригинал: *Именно поэтому они уготовили народу Украины судьбу пушечного мяса, реализовали проект «анти-Россия», закрывали глаза на распространение неонацистской идеологии, на массовые убийства жителей Донбасса, накачивали и продолжают накачивать киевский режим вооружениями, в том числе тяжёлыми* [5].

СП: *That is why they want the Ukrainian people just to be war meat, that is why they are realizing this project, they were (ignored) ignoring nationalist movements in Ukraine and mass murders in Donbass, they are continuing to supply armaments to Ukraine, including heavy armaments.*

В отрезке речи переводчика-синхрониста мы видим, во-первых, не вполне корректное функционирование механизма выработки варианта перевода – «war meat». Переводчик в данном случае прибегнул к буквальному переводу в то время, как устойчивый перевод выражения «пушечное мясо» на английский язык звучит как «cannon fodder». В случае если переводчик использовал бы шекспиризм – «food for powder» [7], мы могли бы говорить о крайне высоком уровне эрудиции переводчика, однако, этого не произошло. В связи с этим отметим, что высокий уровень эрудиции является одним из профессионально важных качеств (ПВК) переводчика-синхрониста. В этом же фрагменте видим, что переводчик реализовал тактику самокоррекции: «...they were (ignored) ignoring nationalist movements in Ukraine...».

Оригинал: *И точно так же они действуют, разжигая конфликтный потенциал в Азии, Африке, Латинской Америке. Как известно, недавно США в очередной раз сознательно попытались подлить масла в огонь и раскачать ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Американская авантюра в отношении Тайваня – это не просто поездка отдельного безответственного политика, а часть целенаправленной, сознательной стратегии США по дестабилизации и хаотизации обстановки в регионе и мире, наглая демонстрация неуважения к суверенитету других стран и к своим международным обязательствам* [5].

СП: *They do the same things igniting the conflict potential in Asia, in Africa, in Latin America. As is known some time ago the USA tried to /ожидание около 3 сек./ uh, so again the situation in Asian-Pacific region /ожидание около 3 сек./ the American trick in terms of Taiwan it is not just a foreign visit, it is part of purposeful strategy of the USA to make the situation in the region and in the world chaotic and unstable. It is insulant demonstration of non-respect towards sovereignty of other countries and towards its obligations. We see that it was a thoroughly planned provocation.*

Приведенный фрагмент представляется нам достаточно интересным как иллюстративный материал работы когнитивных механизмов в синхронном переводе. В данном случае мы видим, что произошло определенное нарушение в работе механизма восприятия и обработки информации в отрезке: «As is known some time ago the USA tried to /ожидание около 3 сек./ uh, so again the situation in Asian-Pacific region /ожидание около 3 секунд/ the American trick in terms of Taiwan it is not just a foreign visit...». Нарушение, вероятно, вызвано тем, что рассматриваемый фрагмент речи был насыщен образными выражениями, и переводчик не смог обеспечить корректную работу механизма выработки варианта перевода, что привело к потере фрагмента оригинального высказывания.

Результаты исследования и их обсуждение. Приведенные примеры, на наш взгляд, являются наиболее ярким подтверждением того, что допускаемые переводчиком неточности в СП являются отражением неэффективного функционирования его когнитивных механизмов в процессе СП, а, значит, могут также служить средством исследования психолингвистических основ СП. Кроме того, инструментом, как дальнейших исследований, так и повышения качества подготовки и работы переводчиков-синхронистов может стать овладение метакогнитивными навыкам, такими как

- собственно навык осознанности;
- управления вниманием;
- ментальные метанавыки, которые могут быть полезны в процессе обучения СПД; к числу таких навыков относятся планирование собственного процесса обучения, отслеживание этого процесса на всех этапах, оценка достигнутых (или не достигнутых) результатов и во втором случае анализ того, что не позволило достичь требуемого результата;
- навык управления собственным эмоциональным состоянием, то есть саморегуляции; имеет сложную структуру и включает в себя высокий уровень эмоционального интеллекта, эмпатии, способность чувствовать и управлять своим телом как на уровне чувств, так и на уровне ощущений;
- навык саморазвития, составными компонентами которого являются способность самостоятельно обучаться, самостоятельно организовывать свою деятельность и сохранять высокий уровень мотивации и другие [15; 3].

Кроме того, представляется важным, выявить и описать набор профессионально важных качеств (ПВК) переводчика-синхрониста. Свод ПВК профессионально-надежного синхрониста мог бы служить, во-первых, инструментом отбора кандидатов, поступающих на программы обучения СП. Во-вторых, отслеживание динамики ПВК в процессе обучения позволило бы объективно оценить эффективность обучения и подобрать индивидуальные упражнения, ориентированные на развитие того или иного ПВК, вызывающего трудность у каждого конкретного обучаемого.

Данные как последних нейробиологических, так и психолингвистических исследований свидетельствуют, что помимо областей мозга, отвечающих за собственно лингвистические способности, у опытных синхронистов сильнее развиты области мозга, отвечающие за контроль и внимание [10]. Эти же области мозга сильнее развиты у лиц, применяющих в своей деятельности определенные практики ИСС (измененного состояния сознания) [17; 20; 6]. Новейшие исследования непосредственно переводчиков-синхронистов после прохождения курса практик осознанности свидетельствуют о повышении уровня концентрации внимания и снижении когнитивной нагрузки в процессе СП [9]. В одном из ведущих центров подготовки переводчиков-синхронистов – университете Миддлбери – существует элективный курс «Осознанность для устных переводчиков». Авторы курса отмечают, что результатом его прохождения становится снижение общего уровня тревожности, улучшение способностей к концентрации и управлению вниманием [18].

Изучение СП до сих пор затруднительно в связи с недоступностью и скоротечностью предмета исследования. Не все нейрофизиологические и психофизиологические особенности работы мозга переводчиков-синхронистов нашли свое отражение в доступной литературе. Отсутствует единая, общепризнанная модель СП. «Модель усилий» Д. Жилия, например, не до конца подтвердилась в ходе исследований нейробиологов. Анализ языкового материала, а также рассмотренных исследований в области нейролингвистики и психолингвистики, свидетельствует, на наш взгляд, в пользу когнитивно-динамической модели СП. Указанная модель является наиболее полной и учитывает, как объективные (лингвистические), так и субъективные (экстралингвистические) факторы, влияющие на переводчика в процессе его работы, и являющиеся неотъемлемой частью СП.

Учитывая, что высокий уровень развития ПВК синхрониста, как и навыков медитации и осознанности, то есть психофизиологической саморегуляции, приводят к развитию сходных областей мозга, а практикующим синхронистам позволяют легче преодолевать стресс, управлять вниманием, а также снижать когнитивную нагрузку, представляются наиболее актуальными следующие направления дальнейших исследований:

- выявить и описать ПВК синхронистов как инструмента профессионального отбора и контроля качества обучения;
- разработать курс практик медитации и осознанности, по крайней мере, как элективного курса при подготовке будущих переводчиков-синхронистов;
- продолжить изучение влияния практик осознанности на СПД.

Отметим также, что развитие метакогнитивных навыков при этом могло бы способствовать не только повышению уровня, прежде всего, психологической готовности синхронистов, но и несколько упростило бы изучение самого процесса СП. Переводчики-синхронисты с развитыми метакогнитивными навыками могли бы более полно и точно описывать процессы, происходящие в их сознании в процессе профессиональной деятельности, что могло бы служить основой для дальнейших исследований в области синхронного перевода.

Библиографический список

1. Балаганов Д.В. Динамика когнитивных механизмов в синхронном переводе: дис. ... д-ра. филол. М., 2021.
2. Балаганов Д.В., Давыдова Т.Ю. Когнитивные механизмы в синхронном переводе // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2019. № 47.
3. Давыдова Т.Ю. Современные подходы к обучению синхронному переводу // Проблемы языка и перевода в трудах молодых ученых. Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. 2020. № 19.
4. Коница А.А., Черниговская Т.В. Синхронный перевод как экстремальный вид когнитивных процессов (обзор экспериментальных исследований) // Вопросы психолингвистики. 2018. № 4 (38).
5. Обращение к участникам и гостям. X Московской конференции по международной безопасности URL: <https://www.youtube.com/watch?v=y2Hbl99nXk4> (дата обращения: 26.08.2022).
6. Свидерская Н.Е. Сознание и селекция информации // Журнал высшей нервной деятельности. Т. 40. 1990. № 6.
7. Шекспир У. Полное собрание сочинений. М., 2003.
8. Becker M., Schubert T., Strobach T., Gallinat J., Kühn S. Simultaneous interpreters vs. professional multilingual controls: Group differences in cognitive control as well as brain structure and function // NeuroImage. 2016. Vol. 134. P. 250–260.
9. Chambers C. Mindfulness and Interpreter Cognitive Load (master's thesis). Western Oregon University, Monmouth, Oregon, 2020. URL: <https://digitalcommons.wou.edu/theses/139> (дата обращения: 23.02.2022).

10. Dottori M., Hesse E., Santilli M., Vilas M. G., Martorell C.M., Fraiman D., Sedeño L., Ibáñez A., García A.M. Task-specific signatures in the expert brain: Differential correlates of translation and reading in professional interpreters // *NeuroImage*. 2020. № 209. Article 116519.
11. Van de Putte E., De Baene W., García-Pentón L., Woumans E., Dijkgraaf A., Duyck W. Anatomical and functional changes in the brain after simultaneous interpreting training: A longitudinal study // *Cortex*. 2018. Vol. 99.
12. Gile D. Testing the Effort Models' Tightrope Hypothesis in Simultaneous Interpreting // *A Contribution*. Hermes. 2017. № 23.
13. Gile D. 2020 update of THE EFFORT MODELS and GRAVITATIONAL MODEL. 2020. 10.13140/RG.2.2.24895.94889.
14. Hervais-Adelman A., Babcock L. The neurobiology of simultaneous interpreting: Where extreme language control and cognitive control intersect // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2020. № 23 (4).
15. Hilde A. The role of self-regulatory processes in the development of interpreting expertise *Translation and Interpreting Studies* 9:1, 2014.
16. Kurz I. Watching the Brain at Work - An Exploratory Study of EEG Changes during Simultaneous Interpreting (SI) // *The Interpreters' Newsletter*, 6. 1995.
17. Laneri D., Schuster V., Dietsche B., Jansen A., Ott U., Sommer J. Effects of Long-Term Mindfulness Meditation on Brain's White Matter Microstructure and its Aging // *Frontiers in aging neuroscience*. 2016. № 7.
18. Middlebury Institute of International Studies Master of Arts in Translation; Translation and Interpretation; Conference Interpretation. URL: <https://www.middlebury.edu/institute/academics/degree-programs/translation-interpretation/overview#c-language> (дата обращения: 22.06.2022).
19. Moser-Mercer B. Simultaneous interpreting: Cognitive potential and limitations // *Interpreting* 5. 2000.
20. Norris C.J., Creem D., Hendler R., Kober H. Brief Mindfulness Meditation Improves Attention in Novices: Evidence From ERPs and Moderation by Neuroticism // *Frontiers in human neuroscience*. 2018. № 12. 2018.
21. Rinne J.O., Tammola J., Laine M., Krause B.J., Schmidt D., Kaasinen V., Teräs M., Sipilä H., Sunnari M. The translating brain: cerebral activation patterns during simultaneous interpreting // *Neuroscience Letters*. 2000. Vol. 294. Is. 2.
22. Tóth A. Speech disfluencies in simultaneous interpreting: A mirror on cognitive processes // *SKASE Journal of Translation and Interpretation*. 2011. № 5.
23. Zhangminzi S., Mingjiong C. The effect of cognitive load on simultaneous interpreting performance: an empirical study at the local level // *Perspectives*. 2020.

Т.Ю. Давыдова

секретарь генерального директора
ООО «Международный фонд частных инвестиций»
E-mail: tatianadavydova2011@yandex.ru

Д.В. Балаганов

доктор филологических наук
профессор кафедры теории и практики перевода
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
E-mail: dmitryrus@yandex.ru

Д.В. Глухов

доктор медицинских наук, доцент
ведущий научный сотрудник Лаборатории физиологии труда
и профилактической эргономики
ФГБНУ «НИИ медицины труда имени академика Н.Ф.Измерова»
E-mail: d.gluhov@irioh.ru

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ КАК ЕДИНСТВО ПРОЦЕССА И РЕЗУЛЬТАТА

Е.В. Черных

Аннотация. Статья посвящается изучению явления межъязыковой интерференции в переводе как диалектического единства процесса и результата переводческой деятельности. Целью исследования выступает рассмотрение вопроса взаимного влияния языков в переводе с двух точек зрения: в-первых, проявление элементов исходного языка в структуре текстов на языке перевода и их воздействия на перевод как процесс двуязычной коммуникации; во-вторых, изучение межъязыковой интерференции в переводе как когнитивного процесса, происходящего в сознании переводчика, и его составляющих. Межъязыковая интерференция является неотъемлемой частью перевода как языкового контакта; она играет не только отрицательную, но и положительную роль на протяжении всего процесса перевода от момента подбора языковых единиц до предоставления готового устного или письменного текста на языке перевода. Всестороннее овладение переводчиком всеми теоретическими особенностями явления позволяют расширить инструментарий переводческих инструментов и повысить качество его работы, что делает исследование весьма актуальным. В ходе изучения теоретических разработок отечественных и зарубежных ученых, а также научного осмысления личного практического опыта, были сделаны следующие выводы. Межъязыковая интерференция проявляется в структуре переводных текстов как комплексное явление, воздействующее на все уровни языка перевода, и оказывает влияние на процесс коммуникации, приводя либо к незначительному снижению понимания, либо к коммуникативному срыву. С точки зрения процесса межъязыковая интерференция в переводе функционирует в виде механизмов контроля: содействия и сдерживания, выражающихся в виде определенных когнитивных операций, совершаемых переводчиком в процессе выбора подходящих единиц языка перевода, и позволяющих ему эффективно использовать контактирующие в сознании языки для принятия решения на оптимальный вариант перевода.

Ключевые слова: теория перевода, межъязыковая интерференция, интерферентное воздействие, механизмы контроля, переводческая компетенция

CROSSLANGUAGE INTERFERENCE IN TRANSLATION AS A UNITY OF PROCESS AND RESULT

E.V. Chernykh

Abstract. The article explores crosslanguage interference in translation as a dialectical unity of the process and the result of translation practise. The aim of the study is to consider the issue of mutual influence of languages in translation from two perspectives: the occurrence of elements of the source language in the structure of the texts in the target language and their impact on the translation as a process of bilingual communication; the study of crosslanguage interference in translation as a cognitive process taking place in the mind of the translator as well as its components. Crosslanguage interference is an integral part of translation as language contact; it plays not only a negative, but also a positive role throughout the whole process of translation from the selection of language units to the provision of the final oral or written text in the target language. Comprehensive mastery of all theoretical features of the phenomenon allows the translator to expand the tools of translation and improve the quality of his work, which makes the study highly relevant. During the study of theoretical developments of domestic and foreign scientists, as well as scientific understanding of personal practical experience, the following conclusions were made. Crosslanguage interference reveals itself in the structure of translated texts as a complex phenomenon that affects all levels of the target language as well as the whole communication process, leading either to a slight decrease in understanding or a communicative failure. In terms of process, crosslanguage interference in translation acts in the form of control mechanisms: facilitation and inhibition expressed as certain cognitive operations

performed by the translator in the process of selecting the appropriate units of the target language and allowing him to effectively use the languages in contact to decide on the best translation option.

Keywords: translation theory, crosslanguage interference, interference effects, control mechanisms, translation competence.

В ходе своей работы переводчику приходится сталкиваться с различными вызовами и трудностями, носящими как языковой, так и экстралингвистический характер. За кажущимся естественным и простым со стороны процессом перевода стоит большая работа по обработке информации, распределению когнитивной нагрузки, подбору подходящих единиц на языке перевода, учету коммуникативных особенностей ситуации и многое другое.

С какой бы стороны ни рассматривался перевод – с точки зрения лингвистического или коммуникативно-функционального подходов – в любом случае переводчик существует в «поле» как минимум двух языков, и в процессе работы он попеременно переключается с одного на другой. В отличие от «обычных» билингвов языки в сознании переводчика актуализируются одновременно, и он постоянно испытывает на себе их влияние. Явление воздействия языков друг на друга в процессе двуязычной коммуникации получило известность в лингвистике под различными, но по сути своей схожими терминами: межъязыковая интерференция, лингвистическая интерференция, межъязыковое влияние, языковой перенос и т.д.

Понятие «интерференция» пришло в языкознание из точных наук и получило распространение среди ученых-лингвистов благодаря выходу в 1953 г. книги американского лингвиста У. Вайнрайха «Языковые контакты», в которой он определил, что языковая (или межъязыковая) интерференция – это «случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, то есть вследствие языкового контакта» [2, с. 22]. Языковой контакт, по мнению ученого, происходит тогда, когда несколькими языками «попеременно пользуется одно и то же лицо» [2, с. 4]. Следовательно, языковой контакт происходит в момент актуализации аспектов сознания, мышления и мыслительной деятельности, необходимых для осуществления любой двуязычной коммуникации и в частности перевода.

Изначально научное осмысление межъязыковой интерференции осуществлялось в рамках теории языковых контактов и дисциплины «освоение второго языка» (Second Language Acquisition). В трудах ученых-лингвистов встречаются различные подходы к трактовке данного явления. В частности, известный советский лингвист В.Ю. Розенцвейг определяет его как «нарушение билингвом правил соотнесения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [8, с. 4], в то время как в словаре «Языковые контакты» межъязыковая интерференция как положительное явление связана с переносом навыков пользования моделями и структурами родного языка в производстве речи на неродном языке [6, с. 102].

В дальнейшем внимание на межъязыковую интерференцию как лингвистическое явление было обращено специалистами в области теории перевода. Это связано с тем, что перевод – это особый вид языкового контакта, «процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, явление билингвизма, двухфазный процесс, вид языкового посредничества, межъязыковая трансформация, сложный вид речевой деятельности, декодирование и перекодирование» [3, с. 91], требующий специального подхода к организации межъязыкового взаимодействия.

Межъязыковую интерференцию в переводе целесообразно рассматривать как частное проявление межъязыковой интерференции, поскольку она функционирует в рамках особого вида общения – перевода. Перевод представляет собой вид опосредованной двуязычной ком-

муникации, направленной на адекватную и точную передачу смысла исходного сообщения и требующей от переводчика одновременной актуализации обоих языков и быстрого переключения между ними. Данная специфика определяет особенности проявления межъязыковой интерференции в переводе и отличает ее от межъязыковой интерференции, возникающей в речи «обычных» носителей двух языков.

Будучи профессиональным билингвом, переводчик должен стремиться к тому, чтобы не допускать вмешательства элементов одного языка в другой в своей устной и письменной речи. Механизмы перевода в целом являются достаточными для того, чтобы преодолевать межъязыковую интерференцию и как подчеркивает французский ученый Ж. Мунэн: «[переводчик – Е.Ч.] сознательно борется против любого отклонения от лингвистической нормы, против любой интерференции» [5, с. 37].

Тем не менее, как отмечает в своей статье знаменитый переводовед В.Н. Комиссаров, «в теории перевода следует рассматривать все виды интерференции при переводе: как нежелательные, так и целесообразные» [4, с. 103]. Межъязыковая интерференция в переводе является комплексным явлением, которое не ограничивается ошибками перевода и может проявляться как в виде положительного переноса на начальном этапе работы с текстом на языке перевода, так и выступать полноценным приемом перевода, в частности, в виде транскрипции или калькирования, которые могут использоваться для передачи на другом языке явлений и реалий, отсутствующих в культуре языка перевода.

Справедливо утверждение о том, что межъязыковая интерференция в переводе является субъективно-объективным явлением. Ее эффективное избегание или использование зависит не только от способности переводчика преодолевать языковую избыточность или недостаточность и работать в условиях повышенной когнитивной нагрузки, но и от его фоновых знаний, понимания коммуникативной обстановки и уровня осведомленности с темой перевода.

Поскольку, как указывалось выше, межъязыковая интерференция в переводе является частным проявлением межъязыковой интерференции, ее осмысление и классификация возможны в соответствии с подходами, применяемыми для описания межъязыковой интерференции в целом. В трудах ученых встречаются различные типологии, однако наиболее показательными с точки зрения перевода представляются две, обозначенные нами как лингвистическая (структурная) и коммуникативная.

Межъязыковая интерференция как структурное явление, проявляющееся на всех уровнях языка, рассматривается, в частности, в работе специалиста в области специального перевода и межъязыковой интерференции В.В. Алимова. Ученый выделяет следующие типы данного явления:

- звуковая (фонетическая, фонологическая и звуковая-репродукционная);
- орфографическая;
- грамматическая (морфологическая, синтаксическая и пунктуационная);
- лексическая;
- семантическая;
- стилистическая;
- внутриязыковая [1, с. 6].

С точки зрения перевода такой подход демонстрирует, каким образом элементы исходного языка находят свое отражение на каждом уровне устного или письменного текста на языке перевода.

Вместе с тем, переводной текст, хоть и складывается из составляющих его компонентов – словосочетаний, предложений и сверхфразовых единств – представляет собой единое целое, и все его элементы связаны друг с другом. В этой связи справедливо утверждение, что межъязыковая интерференция воздействует не только на отдельные единицы текста на языке

перевода (например, слова), но и приводит к целой цепочке отклонений от норм языка на всех уровнях от грамматики до синтаксиса. При этом, пользуясь терминологией В.В. Алимova, такое воздействие может носить как деструктивный характер, то есть приводить к ошибкам и грубым нарушениям языковых норм, так и конструктивный, выступая в виде переноса полученных положительных знаний и навыков в процессе перевода с одного языка на другой (в сущности, ученый приравнивает конструктивную интерференцию к указанному выше положительному переносу, что делает ее скорее психолингвистическим инструментом, нежели структурным).

Рассмотрим наглядный случай комплексной деструктивной межъязыковой интерференции в письменном переводе на примере следующей выдержки из Положения о конкурсе «Морской десант», проводимого в рамках Армейских международных игр:

«К участию в конкурсе допускаются команды с учётом обязательного выполнения следующих требований: ... наличие у водителей (механиков – водителей) документов, подтверждающих разрешение на эксплуатацию применяемых образцов военной техники» [7].

Официально данный отрывок переведен как:

«Teams are allowed to participate in the Contest, subject to the following requirements: ... drivers (mechanics-drivers) have documents confirming permission to operate the samples of military equipment» [11].

В данном примере наблюдается следование за нормой русского языка на языке перевода и буквализм, имеющие деструктивный характер. Наиболее ярко это проявляется на лексическом уровне: «mechanics-drivers» вместо более корректного «mechanic drivers» или просто «drivers»; «samples» вместо «types»; более общее «equipment» вместо «vehicles».

Помимо этого, в данной фразе отмечается нарушение норм английского языка на уровне синтаксиса: в предложении *«Teams are allowed to participate in the Contest, subject to the following requirements»* нарушены предикативные связи между первой и второй частью предложения. Также наблюдается избыточность словосочетания «documents confirming permission», поскольку слово «permission» уже подразумевает документ, дающий разрешение на что-либо, и опущение слова «применяемый», являющегося уточняющим определением к «технике» и указывающим на то, что у водителей должно иметься разрешение на конкретную технику, а не военные средства в целом.

Более правильным представляется следующий вариант перевода:

«Teams allowed to participate in the Contest shall meet the following requirements: ...drivers (mechanic drivers) shall have permissions to operate specified types of military vehicles».

Вместе с тем, проявляясь не только в языке, но и в речи, межъязыковая интерференция в переводе воздействует не только на структуру языка, но и на весь процесс взаимодействия участников коммуникативного акта. Влияние изучаемого явления на процесс коммуникации представлено, в частности, в трудах академика Г.М. Вишневской и специалиста по теории языковых контактов А.Е. Карлинского. Обобщая их подходы, можно выделить три типа коммуникативной межъязыковой интерференции:

- интерференция, приводящая к коммуникативному срыву или конфликту – в данном случае происходит разрушение коммуникации, и адресант не может правильно интерпретировать высказывание адресанта;
- интерференция, приводящая к затруднению понимания, когда адресант сохраняет способность понимать речь адресанта, однако его понимание неравноценно интенции говорящего;
- интерференция, незначительно воздействующая на коммуникацию, когда в речи адресанта присутствуют отклонения от норм и узуса языка, однако они не ведут к непониманию речевого намерения говорящего.

С точки зрения перевода подобное осмысление межъязыковой интерференции позволяет определить, насколько данное явление воздействует на понимание адресатами исходного сообщения.

В качестве примера коммуникативной интерференции в устном переводе можно привести наличие у переводчика так называемого русского акцента, который является проявлением межъязыковой интерференции на звуковом уровне. При работе с носителями английского языка (англичанами, американцами), по личному опыту автора, акцент не влияет на ход и успешность коммуникации, в то время как с адресатами, для которых английский язык является не родным, он может привести к затруднению понимания, в особенности, если затрагивает смысловозначительные фонемы.

Коммуникативный подход к классификации интерференции поднимает важный вопрос: где находится граница, при пересечении которой наличие в устном и письменном тексте интерферентных элементов приводит к снижению понимания и разрушению коммуникации? Межъязыковая интерференция проявляется как на одном, так и на нескольких уровнях языка, однако в процессе коммуникации текст перевода оценивается как единое коммуникативное целое, поэтому данная граница носит скорее субъективный характер и в зависимости от ситуации, в которой осуществляется перевод, может смещаться на протяжении всего процесса общения и не быть постоянной.

Такая классификация интерференции подходит для оценки деятельности переводчика в ходе устного перевода, когда он может контролировать ситуацию общения и корректировать перевод «на ходу» в зависимости от реакции адресата. Однако в письменном переводе переводчик лишен такой возможности, следовательно, межъязыковая интерференция в переводе в письменных текстах действует более деструктивным образом, чем в устных.

Указанные выше подходы позволяют оценить степень проявления межъязыковой интерференции в тексте на языке перевода с точки зрения его соответствия оригинальному тексту по двум параметрам: коммуникативной и функциональной адекватности и соотнесенности в структурном отношении (то есть формальной эквивалентности).

Для обозначения языка перевода «испорченного» интерферентными элементами американо-израильская исследовательница М. Шлезингер вводит понятие «interpretese» – «интерпретез» [12]. Исследовательница использует данный термин для описания корпусного подхода к синхронному переводу, однако нам представляется целесообразным его использование в более широком значении, охватывающим как устный, так и письменный перевод. При таком подходе более универсальным видится термин «интерферентный язык перевода» (ИЯП), под которым понимается язык перевода, наполненный конструктивными или деструктивными интерферентными элементами.

С точки зрения вышесказанного можно сделать справедливый вывод о том, что межъязыковая интерференция в переводе выступает как результат деятельности переводчика, выражающийся в проявлении элементов одного языка в готовом сообщении на языке перевода и оказывающий отрицательное или положительное влияние на коммуникацию.

Тем не менее, перевод – это не только готовый текст на языке перевода, но и процесс создания этого текста, сложный вид деятельности, направленный на перекодирование исходного сообщения знаками языка перевода и коммуникативную и функциональную передачу его смысла и содержания. В этой связи справедливо утверждение, что межъязыковая интерференция в переводе проявляется не только в конечном результате в виде интерферентных явлений в тексте на языке перевода, но и функционирует в процессе обработки и перекодирования информации в сознании переводчика на этапе подбора языковых единиц и формирования переводного текста.

В частности, в исследовании польских ученых А. Чмил, П. Яниковски и А. Сислевич утверждается, что межъязыковая интерференция в переводе связана с двумя процессами:

содействием («*facilitation*») и сдерживанием («*inhibition*») [9]. Как поясняется в работе: «когда переводчик видит или слышит слово на исходном языке, в его сознании активируются соответствующие концепты и их реализации на языке перевода» [9, с. 5]. Сущность процессов заключается в том, что при выборе языковых единиц и структур на языке перевода, переводчик «сдерживает» использование менее подходящих эквивалентов и «активирует» элементы, более подходящие норме и узусу языка перевода.

Функционирование данных процессов связано, в том числе, с наличием в разных языках единиц, названных В.В. Алимовым «интерферентами». Под «интерферентами» ученый-лингвист понимает «любые значимые единицы (морфемы, слова, выражения, синтагмы, предложения), которые по звучанию/написанию и функциям в одном языке, напоминают соответствующие единицы или функции в другом языке» [1, с. 23–24]. Ученый при этом выделяет отрицательные и положительные интерференты, разница между которыми заключается в том, что первые – различаются в плане выражения, а вторые – совпадают.

В англоязычной литературе (например, у А. Chmiel, М. Shlesinger и др.) для обозначения единиц, похожих по определению на положительные интерференты на лексическом уровне, используется понятие «когнаты». В онлайн версии толкового словаря английского языка «Collins» для понятия «*cognate*» приводится следующее определение: «когнаты – [слова], происходящие от одного языка» [10]. Когнаты являются однокоренными словами и обладают одинаковым семантическим значением, следовательно, в процессе перевода они выполняют функцию содействия. За счет схожести в форме и значении данные единицы требуют от переводчика меньше когнитивных усилий и ускоряют процесс перевода, поскольку в ходе выбора эквивалентов на языке перевода в первую очередь активируются элементы, являющиеся общими для обоих языков, как наиболее узнаваемые. Положительное влияние использование когнат на процесс перевода подтверждается различными зарубежными исследованиями (например см. А. Lijewska и А. Chmiel, М. Tymczyńska). Примером когнат служат такие однокоренные в русском и английском языках слова, как «beat» – «бить», «university» – «университет», «idea» – «идея» и др.

Тем не менее, схожесть единиц в разных языках может выражаться только на уровне формы, а не содержания, то есть в виде отрицательных интерферентов. На лексическом уровне они выражаются в виде межъязыковых омографов, также называемых межъязыковыми паронимами или «ложными друзьями переводчика». В процессе перевода данные единицы активируют процесс сдерживания или торможения, поскольку несмотря на их быструю узнаваемость, переводчик должен задействовать свои когнитивные ресурсы для определения «ловушки» и выбора необходимой единицы перевода. Неправильное использование отрицательных интерферентов приводит к ошибкам перевода и снижению уровня понимания. Примерами отрицательных интерферентов в русском и английском языках служат такие слова как «ammunition» – «боеприпасы» (а не «амуниция»), «barrack» – «казарма» (а не «барак»), «fabric» – «ткань» (а не «фабрика») и другие.

Указанные выше исследования также показывают более частое использование когнат и межъязыковых омографов в устном переводе, чем в письменном, что объясняется ограниченностью по времени перевода и более высокой когнитивной нагрузкой в первом случае.

Тем не менее, сходства и различия языков проявляются не только на лексическом, но и на остальных уровнях языка, следовательно, процессы содействия и сдерживания, также называемые механизмами контроля, происходят не только во время выбора лексических эквивалентов, но и при построении всего текста на языке перевода и активируются на этапе распознавания переводчиком смысловых паттернов текста на исходном языке и первичного подбора единиц на языке перевода.

Поскольку переводчик постоянно находится в поле обоих языков, они неизбежно оказывают влияние на его деятельность. Следовательно, проникновение элементов одного

языка в другой проходит как активный и постоянный процесс, в ходе которого переводчик делает выбор в пользу использования тех или иных элементов языка перевода под влиянием механизмов контроля. С этой точки зрения межъязыковая интерференция может рассматриваться как взаимодействие языков в сознании переводчика, неизбежно возникающее у любого индивида, владеющего более, чем одним языком, и приводящее к активации механизмов контроля, влияющих на формирование текста на языке перевода.

Следовательно, говоря о межъязыковой интерференции в переводе как влиянии языков друг на друга во время перевода, можно утверждать, что она проявляется следующим образом. Во-первых, как процесс взаимовлияния языков, постоянно происходящий в сознании переводчика и вынуждающий его прибегать к механизмам контроля во время перевода. Очевидно, что чем успешнее выработаны у него данные механизмы, тем быстрее и эффективнее будет осуществляться перевод. Во-вторых, как результат данного процесса в виде устного или письменного текста, в той или иной степени наполненного интерферентными явлениями. Итогом присутствия межъязыковой интерференции является ее влияние на процесс коммуникации и восприятия текста на языке перевода, а также на нормы и узус языка перевода.

Таким образом, межъязыковая интерференция в переводе – это процесс взаимодействия языков в сознании переводчика, а также результат такого взаимодействия, который выражается в проявлении элементов одного языка в системе другого и может носить как конструктивный, так и деструктивный характер. Представляя собой дуалистическое единство процесса и результата, межъязыковая интерференция в переводе является лингвистическим и коммуникативным явлением, оказывающим влияние на все уровни языка и этапы перевода. Повышение осведомленности переводчиков о ее сущности и функционировании носит не только теоретический, но и практический характер, и позволяет формировать у специалистов комплексное понимание процессов, задействованных в ходе двуязычной опосредованной коммуникации, а также повышать уровень их переводческой компетенции в виде эффективного избегания межъязыковой интерференции в переводе или грамотного использования ее в качестве способа перевода.

Библиографический список

1. Алимов В.В. Интерференция в переводе: На материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979.
3. Ильяшова Т.И. Перевод как продукт и процесс двуязычной речевой деятельности // Евразийский форум. 2014. № 1 (6).
4. Комиссаров В.Н. Проблема интерференции в теории перевода // *Interferenz in der Translation* / Hrsg. von Heide Schmidt. Leipzig, 1989.
5. Мунэн Ж. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт. // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978.
6. Панькин В.М. Языковые контакты: краткий словарь. М., 2011.
7. Положение о конкурсе «Морской десант» // Официальный сайт Армейских международных игр. URL: <https://mil.ru/files/files/armygames2022/polozhenie/polozhenie-mordes-ru-2022-2312.pdf> (дата обращения: 27.08.2022).
8. Розенцвейг В.Ю. Языковые контакты. Лингвистическая проблематика. Л., 1972.
9. Chmiel A., Janikowski P., Cieśliewicz A. The eye or the ear? Source language interference in sight translation and simultaneous interpreting // *Interpreting*. 2020. Vol. 22(2).
10. Cognates // Collins Online Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/cognate> (дата обращения: 15.09.2022).

11. Regulations of the Contest «Seaborne Assault» // Официальный сайт Армейских международных игр. URL: <https://mil.ru/files/files/armygames2022/polozhenie/1702/polozhenie-mordes-1702-en.pdf> (дата обращения: 27.08.2022).
12. *Shlesinger M.* Towards a definition of Interpretese: An intermodal, corpus-based study. // Efforts and models in interpreting and translation research: A tribute to Daniel Gile / A. Chesterman, H. Gerzymisch-Arbogast, G. Hansen (Eds.). Amsterdam, 2008.

Е.В. Черных

адъюнкт

*Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны
Российской Федерации*

E-mail: alzom.elizabeth@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ТУРИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

С.В. Левичева, Е.С. Разумовская

Аннотация. Данная статья посвящена анализу одного из динамичных направлений переводческой деятельности, переводу в туристической отрасли, а именно письменному переводу сайтов отеля с английского на русский. Доказано, что, поскольку интернет является основным источником информации и инструментом формирования туристической привлекательности, большое внимание в переводе следует уделять языковой отрасли составляющей контента гостиничных сайтов.

Ключевые слова: перевод, переводческие трансформации, туристическая терминология.

FEATURES OF TRANSLATION OF TOURIST TERMINOLOGY

S.V. Levicheva, E.S. Razumovskaya

Abstract. This article is devoted to the analysis of one of the dynamic areas of translation activity which is the translation in the tourism industry, namely the written translation of hotel websites from English to Russian. It is proved that, since the Internet is the main source of information and a tool for the formation of tourist attractiveness, much attention in translation should be paid to the language industry component of the content of hotel websites.

Keywords: translation, translation transformations, tourist terminology.

За последние десятилетия туризм превратился в глобальное социально-экономическое явление. В настоящее время туристическая терминология английского языка переживает бурное развитие. Как и любая другая профессиональная сфера, туризм имеет свою терминологию, и, следовательно, особенности перевода. Вот почему по-прежнему актуальны исследования по изучению, как собственно лексики туризма и гостиничного бизнеса, так и особенности ее перевода [1; 6; 9; 14].

Как известно, главная цель перевода – достижение адекватности. Основная задача переводчика при достижении адекватности – умело применить произвести различные переводческие трансформации для того, чтобы текст перевода как можно более точно передавал всю информацию, заключённую в тексте оригинала при соблюдении соответствующих норм переводящего языка. Как мы уже упоминали выше при переводе текстов туристической рекламы, а именно гостиничной рекламы, в нашей работе мы взяли за основу, трансформационную модель, предложенную В.Н. Комисаровым, согласно которой трансформации подразделяются на:

- лексические
- грамматические
- лексико-грамматические [4].

К лексическим трансформациям относятся переводческая транскрипция, транслитерация, переводческое калькирование. Среди лексико-семантических трансформаций выделяют: конкретизацию, генерализацию, модуляцию. К группе грамматических трансформаций относят: синтаксическое уподобление (дословный перевод), грамматические замены (форм слова, частей речи, членов предложений, категорий залога, типа предложений), приемы чле-

нения и объединения предложений. К группе комплексных лексико-грамматических трансформаций относят: антонимический перевод, описательный перевод (экспликация) и метод компенсации [4, с. 168].

Поскольку фонетические и графические системы языков значительно отличаются друг от друга, передача формы слова исходного языка на языке перевода всегда несколько условна и приближительна. Данные приемы самые частотные среди лексических трансформаций. Очень часто используются при передаче географических названий, имен и прочей прецедентной информации.

Материалом исследования послужили тексты печатной гостиничной рекламы из англоязычных и русскоязычных рекламных каталогов и брошюр туристических компаний «Пегас Туристик», «Анекс», «Библиоглобус», «Коралл Трэвел», «Санмар», «Интурист» [2; 15; 16; 19], а также различные справочники по туризму [3; 9; 11; 12; 17; 18].

Исходя из нашего исследования, употребление данных переводческих приемов сравнительно велико: транскрипция – 45 примеров (14 %) и транслитерация – 33 примера (10 %). Например:

- *Justiniano Club Park Conti 5* is located in a place where the spectacular sea and unique nature meets each other in the center of entertainments and beach activities.* – Джустиниано Клуб Парк Конти располагается в месте, где удивительное море и уникальная природа встречаются друг с другом в центре развлечений и пляжного отдыха.
- *Disco Bar is opened from midnight.* – Диска Бар открыт с полуночи.
- *Hilton Dalaman Sarigreme Resort is only 10 minutes from Dalaman International Airport.* – Хилтон Даламан Саригреме Ризорт находится всего в 10-ти минутах езды от международного аэропорта Даламан.
- *Treat yourself and relax in the Ocean Rooms Beauty & Hair Spa* – Побалуйте себя отдыхом в салонах «Оушен Румз Бьюти» и «Хеа Спа».
- *Iztuzu Beach* – пляж Изтузу. *Club Tuana Fethiye* – Клуб Туана Фетхие. *Daisy Gift Shop* – магазин подарков Дэйзи.

Проанализировав данные трансформации, можно сделать следующий вывод: транслитерация при переводе на русский язык применяется нередко в тех случаях, когда речь идет о переводе названий гостиниц, баров, салонов, ресторанов, некоторых должностей, географических названий (пляжей, бухт, лагун). Например, при переводе географического названия *Fethiye* мы столкнулись с разными трансформациями при переводе. Слово *Fethiye* было передано с помощью уже имеющегося названия в русском языке *Фетхие*, уже привычное русскому туристу. Таким образом, применялось побуквенное воспроизведение слова. Однако в некоторых изданиях на русском языке мы встретили вариант *Фетье* – перевод согласно правилам транскрипции. Исходя из этого примера, можно сделать вывод о том, что перевод названий может быть представлен множественными соответствиями, появившимися в результате различных переводческих трансформаций. Хотелось бы отметить, что при переводе упомянутых единиц такая трансформация используется только в случае, если нет готовых переводческих соответствий, поскольку большинство общеупотребительных географических названий имеют такие соответствия.

Следующий приём формальных преобразований – это калькирование. Согласно В.Н. Комиссарову калькированием называется способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний)

– их лексическими соответствиями в переводимом языке. Примеры:

- *Babysitting service* – услуги няни.
- *Car Rental Desk* – стойка аренды автомобиля.

- *Connecting rooms* – смежные комнаты.
- *A double room* – двухместный номер.
- *Internet access* – доступ к Интернету.
- *Hotel staff* – персонал гостиницы.
- *Reception desk* – стойка регистрации.
- *Room service* – обслуживание в номере.
- *Children facilities* – услуги для детей.
- *Extra bed* – дополнительная кровать.
- *Hotel main building* – основное здание гостиницы.
- *Seafood* – морепродукты.
- *Nightlife* – ночная жизнь.

Калькирование как переводческая трансформация встречалась нам реже, чем транскрипция или транслитерация. Мы можем предположить, что частотность объясняется наличием в рекламе гостиниц большого количества терминов сферы услуг, описание номеров, возможностей для досуга, представленных в виде словосочетаний.

Перейдем к рассмотрению следующей группы трансформаций. Лексико-семантические замены, к которым относятся конкретизация, генерализация и модуляция (смысловое развитие) значения исходной единицы. Данную трансформацию мы использовали для передачи устойчивых сочетаний, терминов-сочетаний, клише вежливости. Например:

- *The hotel is full at busy times* – Отель полный в разгар сезона (словосочетание «busy times» мы перевели согласно сфере им применения, а именно гостиничной индустрии).
- *An outside/inside room* – номер с видом на улицу/с видом во двор (добавлено уточнение в виде слов «на улицу/во двор»).
- *Smoke-free* – комната для некурящих (распространили значение сочетания, добавив слово «комната» и прилагательное «некурящие»).
- *Make this your home away from home* – Почувствуйте себя как дома вдали от дома.
- *Pets allowed* – возможно проживание с животными (уточнение согласно контексту гостиничной сферы).
- *Turndown service* – подготовка номера ко сну.
- *Complimentary rooms* – бесплатные номера.
- *If you wish to exercise during your stay...* – Если вы хотите быть в форме в то время, когда остановитесь в... (смысл фразы «to exercise» был передан с помощью фразы «быть в форме»).
- *High chairs* – Стульчики для кормления детей (в ресторанах и барах).
- *Multi-lingual staff* – персонал, говорящий на нескольких языках.
- *Tour desk* – Стойка организации экскурсий.
- *Braille room numbers* – Таблички с номерами комнат для слабовидящих.
- *Roll-in shower* – Безбарьерная душевая кабина.

Прием конкретизации можно охарактеризовать как подбор при переводе более точных или конкретных соответствия или оттенков значений, чем те, которые можно найти в двуязычных словарях. Прием генерализации противоположен приему конкретизации. Другими словами, вместо слова с конкретным значением на одном языке переводчик подбирает более общее значение на другом:

- *Indulge your senses* – Побалуйте себя (генерализация).
- *Rental vehicle* – Арендванный автомобиль (конкретизация: слово «vehicle» переводится как «средство передвижения», мы заменили его словом «автомобиль»).
- *Carefree vacations* – Беззаботное времяпрепровождение (генерализация слова «vacations»).

- *You can enjoy the summer delights alfresco* – *Вы сможете насладиться рестораном под открытым летним небом* (конкретизация: по контексту речь шла о ресторане, поэтому для передачи главной идеи, мы добавили данное слово, иначе смысл мог быть потерян).
- *Door signs* – *дверные таблички* (конкретизация: слово «signs» перевели значением более конкретным для данного контекста).
- *Scuba diving* – *плавание с маской* (генерализация: существительное «diving» – «ныряние» мы перевели обобщенным существительным «плавание»).
- *To make a reservation* – *забронировать* (генерализация: глагол «make» имеет достаточное количество значений; в сочетании с существительным мы перевели сочетание одним глаголом).
- *Fitness room* – *фитнес-зал* (генерализация: слово с более узким значением «gym» заменили словом с более широким значением).
- *Meetings spaces* – *залы для проведения встреч* (конкретизация: слово «space» имеет более широкое значение – «пространство»; в переводе мы сузили его значение до «залы»).

В процессе перевода мы нередко сталкивались с тем, что лексика русского языка более конкретна, нежели ее аналогичные лексические единицы в языке английском. Поэтому мы прибегали к приёму конкретизации, суть которого состоит в замене слова, которое на исходном языке имеет довольно пространное значение, словом с более конкретным значением. Более всего конкретизации подвержены глаголы, такие как *make, take, say, have*. Например: *Have a perfect vacation in the place where your soul is* – *Проведите великолепный отпуск там, где ваша душа...*

Среди грамматических трансформаций В.Н. Комиссаров выделяет такие приемы, как дословный перевод (нулевая трансформация), членение предложений, объединение предложений и грамматические замены [5]. В результате анализа выявлено, какие из этих трансформаций можно применить в ходе перевода гостиничной рекламы. Дословный перевод применяется в тех случаях, когда в обоих языках существуют параллельные синтаксические структуры. Говоря о рекламных текстах, можно отметить, что при переводе такая трансформация применяется не часто, поскольку для рекламы важно сохранить не форму текста, а ее образность. Но, несмотря на это, встречаются примеры удачного дословного перевода. Это связано с преобладанием простых предложений. Например:

- *Your next trip is closer than you think* – *Ваше следующее путешествие ближе, чем вы думаете.*
- *Are you ready for a short culinary journey to Italy?* – *Вы готовы к короткому кулинарному путешествию в Италию?*
- *Ölüdeniz was elected the most beautiful beach of the world in 2006* – *Олюдениз был выбран самым красивым пляжем в мире в 2006 г.*

Мы выяснили, что одна из основных особенностей рекламного текста – это маленький размер сообщения. Следовательно, использование сложных по структуре и содержанию предложений не приемлемо при написании текста рекламы. В таких случаях логично применить прием членения предложения:

- *The River Dalaman calls professional and amateur adventurers each summer to experience hours of excitement rafting in one of Turkey's most popular spots.* – *Река Далман каждое лето привлекает профессионалов и любителей 41 приключений. Вы можете испытать часы захватывающего сплава на плотках в одном из самых популярных мест Турции.*
- *Each area of the spa has a mythological name chosen from the Hellenistic era and the décor and architecture evokes thousands of years of tradition and a truly relaxing ambiance.* – *Каждый уголок спа имеет мифологическое название, выбранное из эллинистической эпохи.*

Декор и архитектура вызывает к тысячелетней традиции и действительно расслабляющей атмосфере. Объединение предложений применяется, также как и прием членения предложений, трансформирует синтаксис для более удобной для восприятия подачи информации. Примеры:

- *Whatever you can imagine... There is even more at Sherwood* – Все, что вы можете представить и даже больше – все есть в Шервуд.
- *Genuine care is the way to true enjoyment. And that will always be the case. When life is fine* – Подлинная забота – путь к истинному наслаждению. И так будет всегда, когда жизнь прекрасна.
- *Inspiration is a personal experience. Stay different.* – Вдохновение у каждого своё – оставайся непохожим.

Также достаточно частотной трансформацией согласно нашему исследованию является прием грамматической замены. Грамматические замены – это способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу ПЯ (переводящего языка) с иным грамматическим значением. Замене может подвергаться грамматическая единица ИЯ любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определенного типа.

То, что в английском языке можно выразить с помощью одной части речи, воспроизвести в языках с синтетическим строем, не нарушая нормы языка, гораздо сложнее. Примеры:

- *Mountain view* – вид на горы (гр. замена числа).
- *150 meters long sandy beach and pools with various sizes* – песчаный пляж длиной 150 метров и бассейны различного размера (гр. замена части речи: прилагательное – существительным; гр. замена числа).
- *Crystal Sunrise Queen Luxury Resort & Spa is located on Side, which is one the most famous tourism centers...* – *Crystal Sunrise Queen Luxury Resort & Spa* расположен в Сиде, который является одним из самых известных туристических центров... (гр. замена части речи: существительное – прилагательным).
- *Our beachfront hotel has an outstanding landscape.* – Наш отель, располагающийся на первой береговой линии, имеет прекрасные пейзажи (гр. замена части речи).
- *Crystal Paraiso Verde's architecture, gardens and landscape will mesmerize you during your holiday* – Архитектура, сады и пейзажи отеля *Crystal Paraiso Verde* зачаруют вас во время вашего отдыха (гр. замена категории числа).
- *We design and offer unique experiences for our guests at Barut Hotels* – Мы формируем и предлагаем нашим гостям уникальный опыт в отелях сети Барут (гр. замена числа).
- *In fact, this is the most important part of Turkish hospitality* – На самом деле, это самая важная часть гостеприимства Турции (гр. замена части речи: прилагательное – существительным).

Особую группу переводческих трансформаций составляют приемы перевода, с помощью которых передается и лексика, и синтаксические структуры оригинала. По мнению В.Н. Комиссарова, наиболее распространенные лексико-грамматические трансформации – это приемы антонимического перевода, описательного перевода и компенсации. Далее мы рассмотрим примеры их употребления.

Антонимический перевод – это лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную сопровождается заменой лексической единицы ИЯ на единицу ПЯ с противоположным значением [4; 5]. Например: *The Sun never sets in Cennet & Accantus Barut Hotel* – Солнце никогда не заходит в отеле *Cennet & Accantus Barut*.

Вероятно, текст гостиничной рекламы не подразумевает нечеткого описания своих преимуществ, и чтобы избежать недопонимания, такие конструкции не используются.

Экспликация или описательный перевод – это лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, то есть дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на ПЯ [5]. С помощью экспликации можно передать значение любого безэквивалентного слова в оригинале. Недостатком описательного перевода является его громоздкость и многословность. Поэтому наиболее успешно этот способ перевода применяется в тех случаях, где можно обойтись сравнительно кратким объяснением:

- *A twin room* – двухместный номер с двумя кроватями.
- *A-la carte* – меню, в котором каждое блюдо указано со своей ценой.
- *Run of the house* – размещение в отеле без уточнения типа номера и вида из окна.
- *Safe-Deposit Boxes* – индивидуальная секция в хранилище, где гости хранят ценности, наличные деньги.
- *Skipper* – гость, который уехал тайком, оставив неоплаченный чек.
- *Luggage Pass* – карта, дающая право туристу на вынос багажа из гостиницы.

В.Н. Комиссаров определяет компенсацию как способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале [4]. Таким образом, восполняется («компенсируется») утраченный смысл, и, в целом, содержание оригинала воспроизводится с большей полнотой. При этом нередко грамматические средства оригинала заменяются лексическими и наоборот:

- *To pay a deposit* – выплачивать деньги по депозиту (компенсация: добавили слово «деньги»).
- *Laundry* – Услуги прачечной (добавление слова «услуги»).
- *Pure pleasure with soft cotton bed linens* – чистое наслаждение на мягких хлопковых простынях (опущено слово *bed*).

В результате лингвистического анализа установлено, что независимо от направления перевода значительное количество переводов характеризуется нарушением лексических, грамматических, орфографических и пунктуальных норм, что делает текст нечитабельным, не соответствующим своей коммуникативно-прагматической функции. В качестве причин снижения качества переводного контента авторы называют обесценивание труда профессионального переводчика.

Установлено, что переводной текст выполняет основную функцию, привлекая потенциальных клиентов, в случае, если профессиональный переводчик придерживается стратегии порождения нового текста с определенными стилистическими маркерами и образными характеристиками, сопровождающими иной лингвокультуре, и изменяет форму и структуру оригинального текста.

Библиографический список

1. Бакурова Е.Н. Проблемы и особенности перевода текстов туристского содержания // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. ПГУ. 2020. № 3.
2. ВОтпуск // URL: <https://www.votpusk.ru> (дата обращения: 23.08.2022)
3. Елисеева Е.Н., Левитская Е.Ю., Марукян Ж.А. Англо-русский и русско-английский словарь по туризму. М., 2010.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты). М., 2017.
5. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М., 2011.
6. Королькова С.А., Новожилова А.А., Шейко А.М. Туристический дискурс: стратегии и проблемы перевода сайтов отелей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16. № 3.

7. Лингвистический энциклопедический словарь / отв. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
8. *Медведева Е.В.* Рекламная коммуникация. М., 2014.
9. *Медлик С.* Гостиничный бизнес: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям сервиса. М., 2015.
10. Национальный туристический портал // URL: <https://www.russiatourism.ru> (дата обращения: 03.08.2022).
11. Российский энциклопедический словарь «Туризм» / под ред. С.Ю. Житенёва. М., 2018.
12. Толковый словарь туристских терминов: Туризм. Турист. индустрия. Турист. бизнес / авт.-сост. И.В. Зорин, В.А. Квартальнов. М., Афины, 1994.
13. Туристер // URL: <https://www.tourister.ru> (дата обращения: 20.08.2022).
14. *Шилова Е.А.* Англоязычные словари туризма для разных групп пользователей // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 3 (6).
15. All-Travel // URL: www.all-travel.com (дата обращения: 17.08.2022).
16. Expedia // URL: www.expedia.com (дата обращения: 20.08.2022).
17. *Harris E., Bateman H., McAdam K.* Dictionary of Leisure, Travel and Tourism. London, 2006.
18. *Medlik S.* Dictionary of Travel, Tourism and Hospitality. Oxford; Boston, 2003.
19. World Tourism Organization UNWTO: Official Website. // URL: <http://www2.unwto.org> (дата обращения: 03.08.2022).

С.В. Левичева

кандидат филологических наук, доцент

Московский авиационный институт

E-mail: parabola.08@mail.ru

Е.С. Разумовская

главный специалист Управления международного сотрудничества

Московский авиационный институт

E-mail: Ezrazumovskaya@presidium.ras.ru

УДК 159.9

doi: 10.52470/2619046X_2022_4_117

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ПОДРОСТКОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ФУТБОЛОМ

А. Поляцкина, Е.Н. Скрипачева

Аннотация. В данной статье рассмотрено понятие социальной идентичности у подростков, занимающихся футболом. Проблемы самоопределения и идентификации становятся для подростков приоритетными. Футбольная команда – важная среда для таковой идентификации. Исходя из этого, исследование соответствующей идентичности в футбольных командах будет иметь огромное практическое значение для спортивных психологов, тренеров для решения спортивных задач в достижении успеха.

Ключевые слова: социальная идентичность, футбольная команда, профессиональное определение подростков.

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF SOCIAL IDENTITY IN TEENAGERS PLAYING FOOTBALL

A. Polyatskina, E.N. Skripacheva

Abstract. This article discusses the concept of social identity among teenagers involved in football. The problems of self-determination and identification become a priority for teenagers. The football team becomes an important environment for such identification. Based on this, the study of the corresponding identity in football teams will be of great practical importance for sports psychologists and coaches to solve sports problems in achieving success.

Keywords: social identity, football team, professional definition of teenagers.

В настоящее время происходит активное развитие детско-юношеского футбола в России. В силу своей популярности, политической и социальной значимости, результаты футбольных соревнований получают широкую общественную известность и оценку, что влияет на статус футболиста в обществе. Футболисты уже в подростковом возрасте начинают свою спортивную карьеру, рано становятся финансово независимыми, получают любовь болельщиков, в связи с этим у подростков может возникнуть огромное количество проблем. Современные реалии являют нам действующих футболистов, которые тратят огромные деньги на алкоголь и наркотики. Теряется такое качество, как устойчивость. Е.А. Леванова говорит об «устойчивом иммунитете против негативного воздействия на ребенка» [1]. Это качество формируют

родители, а также спортивная деятельность. Устойчивость помогает спортсмену-подростку защитить его личность от разрушения, воздействия алкоголя, соблазнов криминальной среды и противостоять трудностям и препятствиям. «Современный спорт в полном смысле слова является моделью общества, и многие закономерности его существования раскрывают механизмы функционирования общества, а знание некоторых его механизмов способствует совершенствованию системы подготовки спортсменов» [2]. Появляется необходимость в изучении социально-психологических особенностей социальной идентичности футболистов, которые становятся наиболее важными и выраженными именно в подростковом возрасте, потому что проблемы самоопределения и идентификации становятся для подростков приоритетными.

Идентичность (в психологических исследованиях личности) – внутреннее, субъективное состояние человека, в котором выражается осознание человеком себя как своеобразной, устойчивой личности. Идентичность принято разделять на персональную (или личностную) и социальную. Идентичность личностная – это внутреннее чувство, которое проявляется в том, что человек ощущает себя личностью, отличной от других людей; факт, согласно которому каждый человек действительно является индивидуальностью.

Социальная идентичность (англ. *social identity*) – один из процессов социальной идентификации, который состоит в том, что по мере того как внутри группы отношения все более стабилизируются, идентификация ее членов становится более деперсонализированной, индивидуальные свойства становятся психологически относительно менее важными, чем общие групповые свойства. Социальная идентичность организует социальный мир в группы и определяет самого человека как члена одних групп, но не других [3, 4, 5]

Первые социальные идентичности проявляются у индивида с периода детства. Вначале человек ощущает себя как человека определенного пола и возраста, воспринимает свою этническую и гражданскую принадлежность. Подростковый период активизирует возникновение идентичности, связанной с образованием и профессией, хобби и убеждениями. Кроме того, ученые рассматривают социальную идентичность в связи с различными социокультурными феноменами и событиями. Разные виды идентичности рассматриваются авторами в контексте больших социальных групп. Гендерную идентичность подробно описывали И.С. Кон, И.С. Клецина, Л.Н. Ожигова, Н.К. Радица, Т.В. Рогачева, У. Коэн и др., профессиональную – Е.А. Климов, Н.С. Пряжников, Л.Б. Шнейдер и др. Этническую идентичность рассматривали А.Р. Аклаев, Л.М. Дробижина, Н.М. Лебедева, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, О.Е. Хухлаев, Л. Пушкин и другие авторы.

Одной из важных видов социальной идентичности является профессиональная идентичность. Футбольная команда становится важной средой для таковой идентификации. Проблемы персональной и социальной идентичности личности, а также специфика ее формирования в подростковом возрасте подробно рассмотрены в работах зарубежных (Э. Эрикссон, Р. Бернс, Г. Тэджфелл, Дж. Тернер) и отечественных авторов (И.С. Кон, О.А. Гулевич, Е.П. Белинская, А.А. Бодалев). Это развитие и итог отождествления личности с членами своего профессионального сообщества, которые обусловлены имеющимися эмоциональными предпосылками. Согласно определению Л.Б. Шнейдера, профессиональная идентичность – это «осознавание себя, выбирающего и реализующего способ взаимодействия с окружающим миром и обретение смысла самоуважения через выполнение этой деятельности». Формирование профессиональной идентичности начинается в старшем подростковом и юношеском возрастах, а ее развитие может продолжаться всю жизнь человека. Любая социальная идентичность характеризуется двумя величинами: силой и содержанием. Силой является отождествление индивида с группой и включает в себя две составляющие: самоопределение и персональную лепту, то есть взаимодействие с группой и ощущение положительной оценки членства

в группе. Содержание рассматривается как объединение качеств, приписываемых индивидом своей группе. Итак, социальная идентичность имеет огромное значение в различных сферах жизни человека. Она помогает осмыслить человеку жизнь, осознать значимость поддержки других людей, свое достоинство, почувствовать способность в достижении поставленных задач, помогает повысить собственную значимость и выделить свою собственную неповторимость. В данном параграфе мы исследовали социальную идентичность, которая показывает состояние принадлежности индивида к какому-либо сообществу и выражена в поведении человека, его эмоциональных проявлениях, понятиях, возникающих вследствие данной принадлежности. Определив уровень социальной идентичности у членов конкретной группы, представляется возможным дать оценку того, как человек соотносит себя с данным сообществом, как относится к законам группы, каковы его взаимоотношения с другими членами сообщества, какова степень его эмоциональной вовлеченности в процесс группового взаимодействия. По уровню социальной идентичности, присущей членам данного сообщества, мы можем оценить, насколько индивид относит себя к данной группе, разделяет её нормы, активно взаимодействует с другими членами группы, эмоционально вовлечен во внутригрупповое взаимодействие. Ведущей деятельностью в подростковом периоде является межличностное общение, так как в процессе активного общения и взаимодействия в кругах сверстников, у подростка актуализируется интеграция полученной информации о себе в целостную логичную картину личности. А главным психологическим новообразованием подросткового периода можно назвать самосознание и рефлексия.

Занятия футболом способствуют не только физической подготовленности подростка, но и развитию его личности. Личностные особенности подвергаются конструктивным и стойким изменением под воздействием физического воспитания и из-за интенсивной нагрузки. Формируется прочная структура качеств личности: самооценка, уровень притязаний, личностная направленность, волевые качества, также концентрация, которая дает возможность спортсмену быть всегда, а не разово готовому к действию, а также установка на мотивацию, когда спортсмен неизменно ориентирован на победу.

Исследование проводилось в 2019–2021 гг. в государственном бюджетном нетиповом общеобразовательном учреждении города Москвы «Спортивный интернат Чертаново» Москомспорта. Выборку составили подростки седьмых и девярых классов, в возрасте от 13 до 16 лет, занимающиеся футболом. В данном учреждении дети учатся и занимаются футболом. Некоторые из спортсменов, не проживающие в Москве, живут без родителей круглый год в спортивном интернате данного учреждения. Всего было исследовано четыре класса, из них два седьмых и два девярых. В итоге общий контингент составил 58 человек. В исследовании принимали участие исключительно мальчики. Средний возраст спортсменов составил 14,5 лет.

Результаты эмпирического исследования и их интерпретация позволили сформулировать ряд выводов в соответствии с гипотезами:

1. У подростков, занимающихся футболом, формируется социальная идентичность «Я – футболист», значимость ее одинаково высока как для семиклассников, так и для девятиклассников.
2. Социальная идентичность «Я – футболист» по-разному проявляется на разных этапах подросткового возраста. Так, у девятиклассников по сравнению с семиклассниками наблюдается тенденция к тому, что подростки осознают себя именно как члены команды, в то время как семиклассники воспринимают себя футболистами вообще.

Так, например, были получены следующие результаты по методике «Незаконченные предложения» (таблица 1).

Таблица 1

Ответы на анкету «Незаконченные предложения» (пример)

Футбол для меня...	1) ...это жизнь (больше, чем жизнь, все, цель всей жизни, не просто спорт, значит многое, важная часть жизни, воздух). 2) ...это спорт (хобби, увлечение, приятное времяпрепровождение, просто игра, возможность реализации). 3) ...другое («необъяснимое», «личное в моей жизни»)). 4) ...профессия.
Когда я думаю о футболе...	1) ...испытываю радость (я счастлив, дух захватывает, становится хорошо, я как будто в космосе, вспоминаю детство, получаю эмоции, забываю обо всем). 2) ...размышляю на футбольные темы (хочу стать футболистом, я себя мотивирую, представляю себя в будущем, вспоминаю свои победные голы, думаю о своей цели). 3) ...возникает желание играть (хочется выйти на поле). 4) ...рефлексирую (пытаюсь сосредоточиться, погружаюсь в раздумье, делаю выводы, не хочу ничего, ухожу в себя).
Если бы в моей жизни не было футбола, то...	1) ...связал жизнь с другим спортом (теннис, боевые искусства). 2) ...вел бы другой образ жизни (стал архитектором, занялся чем-то другим, был бы бизнесменом, работал менеджером, сделал упор на учебу). 3) ...не знаю (не могу представить, не представляю себя без футбола). 4) ...было бы плохо (я не был бы таким счастливым, был бы самым неуспешным, не было бы таких друзей, было бы скучнее, не было бы меня, был бы бездельником, была бы серой и скучной жизнь).

Данные диаграмм на *рисунке 1* демонстрируют, что футболисты седьмого класса испытывают положительные эмоции при мысли о футболе в большей степени, чем старшие подростки, в то время как подростки девятого класса, в отличие от ребят седьмого класса, помимо возникающих позитивных эмоций, склонны к рефлексии.

Распределение ответов представлено в диаграмме на *рисунке 2*.

Из диаграмм можно сделать вывод, что подростки девятого класса отчетливее подростков седьмого класса представляют, чем бы они занимались в профессиональном плане, если бы в их жизни не было футбола.

Следующие группы ответов относились к теме «отношение к себе».

Распределение ответов представлено в диаграмме на *рисунке 3*.

Данные диаграмм демонстрируют, что большинство подростков обоих возрастов считают, что они могут быть счастливыми, если добьются успехов в футболе. Старшие подростки могли бы считать себя счастливыми в большей мере, чем подростки седьмого класса, если бы их близкие были рядом. Необходимо отметить, что многие ребята живут круглогодично в спортивном интернате, учатся и занимаются футболом далеко от родных. Всем им не хватает близости семьи. Данные диаграмм свидетельствуют о том, что самостоятельное положительное оценивание себя подростками обоих возрастов в большей степени связано не с идентификацией себя как футболиста, а через рассмотрение своих личностных качеств.

При рассмотрении социальной идентичности у подростков были получены следующие данные (*таблица 2*).

Исходя из данных результатов, можно отметить, что воздействие команды на спортсменов оценивается её участниками как существенное.

Часто испытываемые в исследовании отвечали, что футбольная команда в этом плане «влияет» на них. Таким образом, спортсмены достаточно высоко оценивают воздействие команды на их Я-концепцию. Этот результат можно объяснить, во-первых, популяризацией футбола в России, во-вторых, обесцениванием роли школы и, как следствие, влияние фут-

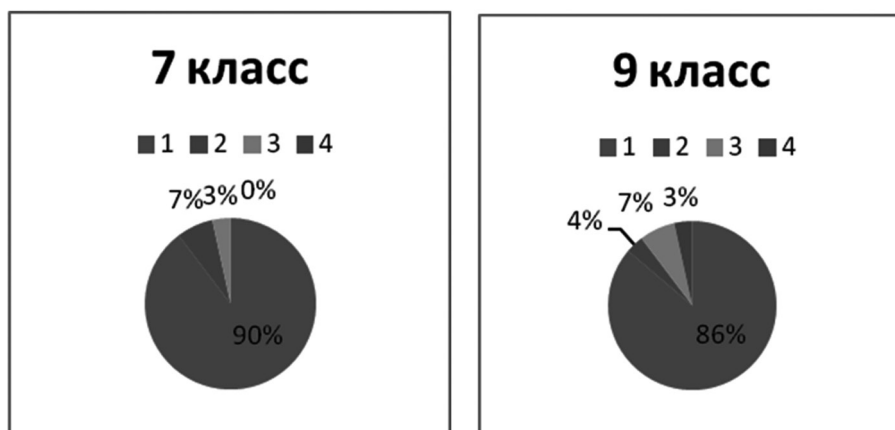

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Футбол для меня...»

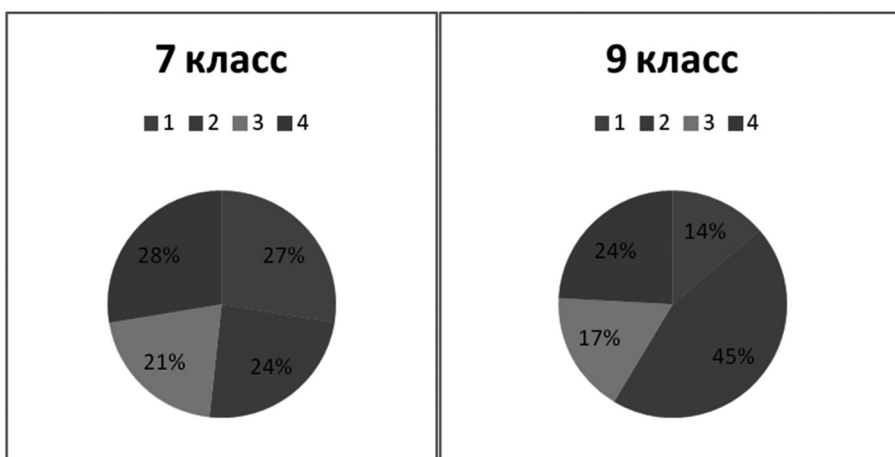

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Если бы в моей жизни не было футбола, то...»

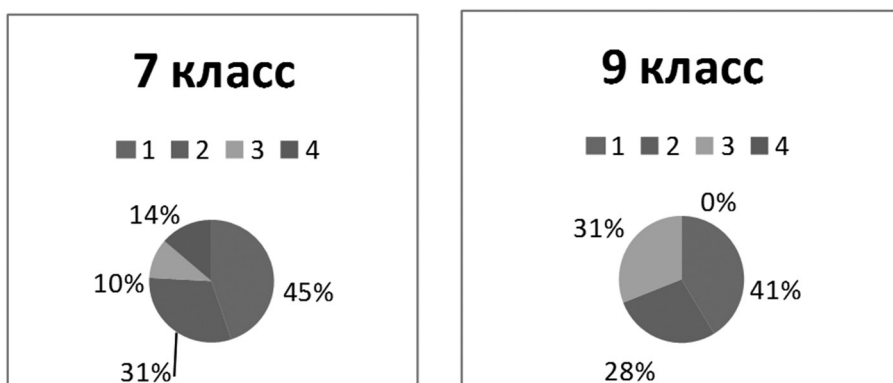

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Я мог бы быть счастливым, если бы...»

большой деятельности. В итоге оценка важности группы для Я-концепции была признана спортсменами как достаточно высокая.

Таблица 2

Характеристика параметров социальной идентичности у подростков, занимающихся футболом в 7-м и 9-м классах

№	Категории	Среднее значение	
		седьмой класс	девятый класс
1	Центральность	5,4	5,3
2	Ингрупповые чувства	5,9	5,7
3	Ингрупповые связи	5,9	5,9
4	Самопонимание	4,7	4,7
5	Время препровождение	5,8	6,2
6	Сплоченность	5,6	5,8
7	Межгрупповая конкуренция и сравнение	5,8	5,5
8	Нисходящее сравнение	3,8	4
9	Коллективная самооценка	6,4	6,3
10	Общий уровень социальной идентичности	5,5	5,5

Кроме того, получены высокие показатели по внутригрупповому взаимодействию, что свидетельствует, скорее, о важности в отношении подростков к членству в своей команде. То есть команда вызывает у игроков какие-то особенные чувства. Такой результат можно объяснить зачастую весьма глубоким включением спортсменов в эмоциональную структуру команды.

По шкале «Самопонимание» было отмечено то, как подросток, оценивает вклад команды игроков в его развитие: понимание окружающего мира, своего «Я», овладение навыками коммуникации, реализации своих способностей. Таким образом, согласно полученным результатам, можно прийти к выводу, что подростки считают подобный групповой вклад относительно средним для себя и своего совершенствования. Подобный результат косвенно свидетельствует, на наш взгляд, о том, что, несмотря на продолжительное время пребывания

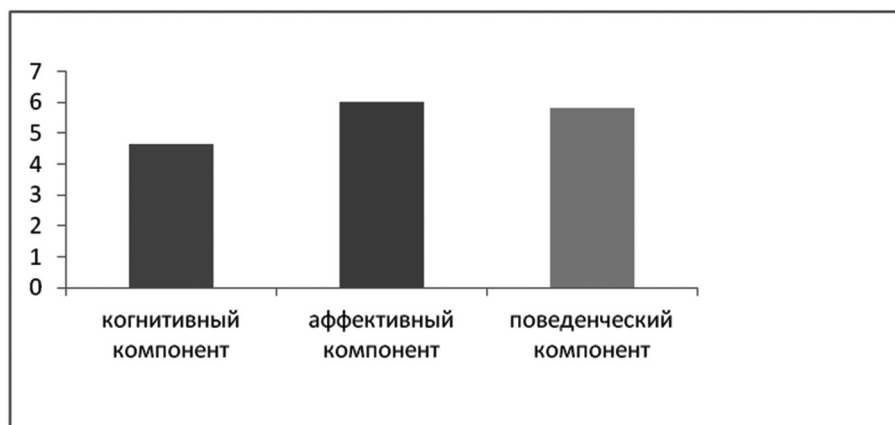

Рисунок 4. Средние значения компонентов социальной идентичности у подростков, занимающихся футболом

в футбольной системе, роль спортивной команды в осмыслении окружающего мира может восприниматься спортсменами, значимой, но не настолько.

В целом выявленные данные не противоречат показателям других шкал, описывающих эмоциональное отношение спортсменов к своей футбольной команде.

Как видно из *рисунка 4*, показатели в исследовании социальной идентичности по когнитивному компоненту имеют результат выше среднего. Это свидетельствует, о том, что подростки достаточно высоко оценивают роль футбольной команды в понимании своей жизни, также такой уровень может отражать высокий уровень рефлексии. Наиболее высокий результат имеет аффективный компонент, демонстрирующий эмоции подростков по поводу членства в футбольной команде, то есть спортсмены довольны принадлежностью к их футбольной команде. Уровень поведенческого компонента также высокий, поэтому мы говорим о том, что подростки оценивают уровень взаимодействия как интенсивный.

Результаты эмпирического исследования и их интерпретация позволили нам сформулировать ряд выводов:

1. У подростков, занимающихся футболом, формируется социальная идентичность «Я – футболист», значимость ее одинаково высока как для семиклассников, так и для девятиклассников.
2. Социальная идентичность «Я – футболист» по-разному проявляется на разных этапах подросткового возраста. Так, у девятиклассников по сравнению с семиклассниками наблюдается тенденция к тому, что подростки осознают себя именно как члены команды, в то время как семиклассники воспринимают себя футболистами вообще.

При анализе данных эмпирической части мы столкнулись с рядом вопросов, которые считаем важными и перспективными для исследовательской деятельности, а именно, вопросами дальнейшего изучения социальной идентичности у спортсменов, занимающихся другими видами спорта, на других этапах возрастного развития.

Библиографический список

1. *Леванова Е.А.* Подросток: родителям о психопластике личности: учебное пособие для студентов вузов. М., 2003.
2. *Родионов В.А.* Спортивная психология. М., 2018.
3. *Немов Р.С.* Психологический словарь. М., 2007.
4. *Мещеряков Б., Зинченко В.* Большой психологический словарь. М., СПб., 2009.
5. *Малкин В.Р.* Формирование психической соревновательной надежности спортсмена // Спортивный психолог. 2004. № 2.
6. *Микляева А.В., Румянцева П.В.* Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. СПб., 2008.
7. *Молчанов С.В.* психология подросткового и юношеского возраста, учебник для академического бакалавриата. М., 2016.
8. Психология спорта: хрестоматия / сост.-ред. А.Е. Тарас. М.; Мн., 2007.
9. Психология Я-концепции: методология, теория, структура: хрестоматия / сост. А.В. Ивашенко, В.С. Агапов, И.В. Барышникова. М., 2002.
10. *Пуни А.Ц.* Некоторые итоги и перспективы развития исследований в области психологии физического воспитания и спорта // Теория и практика физической культуры. 1973. № 7.
11. *Хухлаева О.В.* Психология подростка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2021.
12. *Хухлаев О.Е., Хайт М.А.* Сложность социальной идентичности: концепция С. Роккас и М. Брюер // Социальная психология и общество. 2012. № 3.
13. *Шоповаленко И.В.* Возрастная психология: учебник для студентов вузов. М., 2018.

14. Шнейдер Л.Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007.
15. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. М., 2001.
16. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М., 1989.
17. Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 2002.

А. Поляцкина

психолог

Е.Н. Скрипачева

кандидат психологических наук, доцент кафедры психолого-педагогических
и театральных дисциплин

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектур-
но-строительный институт

E-mail: pkc_dialog@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СТУДЕНТОВ К ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ АВТОРСКОЙ ПРОГРАММЫ «ЛИДЕРЫ ДОБРА»

А.С. Землянская

Аннотация. В статье представлены организационно-содержательные характеристики программы подготовки студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности. Рассмотрены теоретические и эмпирические обоснования разработки авторской программы «Лидеры ДОБРА», результаты реализации которой послужили основой подтверждения эффективности волонтерского направления в ГБПОУ «Озерский технический колледж». Целью программы является повышение уровня готовности студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности. Программа направлена на работу с профессиональной и личностной направленностью; укрепление внутренней позиции волонтера на основе эмпатии и сопереживания; повышение самооценки и самоконтроля эмоционального состояния; формирование лидерских качеств.

Ключевые слова: просоциальное поведение, альтруизм, эмпатия, толерантность, модель готовности студентов к волонтерской деятельности.

PSYCHOLOGICAL PREPARATION OF STUDENTS FOR VOLUNTEERING THROUGH THE AUTHOR'S PROGRAM «LEADERS OF GOOD»

A.S. Zemlyanskaya

Abstract. The article presents the organizational and content characteristics of the training program for students of Vocational Education and Training providers for volunteer activity. The theoretical and empirical substantiations of the development of the author's program «Leaders of Good», the results of which worked as the basis for confirming the effectiveness of the volunteer unit in the «Ozersk Technical College», are considered. The purpose of the program is to increase the level of readiness of professional college students to volunteer. The program is aimed at working with a professional and personal orientation; strengthening the internal position of the volunteer based on empathy and involvement; increasing self-esteem and self-control of the emotional state; formation of leadership traits.

Keywords: prosocial behavior, altruism, empathy, tolerance, model of students' readiness for volunteer activity.

Наличие в обществе определенных социальных институтов является неотъемлемой характеристикой модерности как основной дефиниции современной социально-психологической мысли. Добровольчество как социальный институт, являясь активной частью современного общества, несет особую историко-социальную функцию, направляющую молодежь к просоциальному поведению и гуманизму в целом.

Молодежные организации и образовательные учреждения различного уровня включают в рамки воспитательной работы направления волонтерской деятельности, решая посредством него различные учебно-воспитательные и образовательные задачи.

ГБПОУ «Озерский технический колледж» в процессе реализации добровольческого направления провел апробацию авторской программы по подготовке студентов к волонтерской деятельности.

Теоретическим обоснованием для разработки программы готовности студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности стала структурная модель готовности, выделенная в ходе теоретического анализа проблемы; феноменология просоциального поведения; понятие о помогающем (альтруистическом) поведении.

Анализ научной разработанности феномена готовности и особенностей волонтерской деятельности послужил основой для построения структурной модели готовности студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности, которая представлена четырьмя взаимосвязанными компонентами:

- ценностно-мотивационным (взаимосвязь мотивации помощи, ценностных ориентаций и профессиональных ценностей);
- эмоционально-волевым (взаимосвязь эмпатии, сопереживания и толерантности);
- познавательно-операционным (совокупность знаний, умений, навыков волонтера и актуальной информации о волонтерском движении);
- личностным (взаимосвязь самооценки, просоциальной направленности личности, личностной установки).

Исследования, разрабатывающие подходы к пониманию просоциального поведения, появились еще с конца XX в., здесь оно противопоставляется достаточно изученному явлению антисоциального поведения. Отечественные психологи сравнительно недавно начали исследование просоциального поведения, тогда как зарубежные исследователи помогающего поведения достигли определенных наработок в данной области, среди них можно выделить: А. Омото, Д. Майерса, Х. Хекхаузена, Г. Бирхофф, М. Снайдера и др. [4].

Существует несколько подходов к пониманию сущности просоциального поведения.

Один из них отражен в теории поведенческих систем, разработанной Р. Шейвером и М. Микулинцером. В ее основе лежат современные бихевиористические принципы изучения альтруистического поведения, раскрывающие детерминанты просоциального поведения личности. Теоретические постулаты Р. Шейвера и М. Микулинцера раскрывают истоки «заботы о другом» как о врожденном компоненте в человеческом поведении. Основываясь на идеях Дж. Боулби о том, что у человека существуют врожденные «бихевиоральные» системы поведения, управляющие активацией и целями поведения с целью увеличения вероятности выживания и репродуктивного успеха. Функцией данного компонента является реакция на потребность другого человека в комфорте, защите, поддержке, поощрении [3; 4].

Другой подход находит отражение в теории общей приспособленности У. Гамильтона, согласно которой просоциальные формы поведения в основном ориентированы на близких по генотипу родственников, но их мотивация не связана с психологической близостью и привязанностью. Аналогичное мнение существует относительно рискованного поведения и эмпатических установок.

Альтруистическая мотивация понимается как сочувствие, заставляющее человека волноваться о благополучии другого. Эмпирические исследования подтверждают, что сочувствие (эмпатия) и просоциальное поведение прямо связаны друг с другом и являются основополагающими в волонтерской деятельности.

Просоциальное поведение – такой вид помогающего поведения, который рассматривается как нормативное поведение взаимной помощи и социальной ответственности, выявляет наличие родственных просоциальных установок [4].

Формирование просоциального поведения современной молодежи обусловлено потребностью общества в новом типе личности – личности, готовой прийти на помощь другим людям, безвозмездно оказать поддержку более слабым группам населения и их представителям [1]. Молодежь воспроизводит и закрепляет наиболее перспективные направления общественного развития, определяя будущее любого общества. Особенно ярко эта тенденция

проявляется в волонтерском движении и добровольческой деятельности. Изменить характер поведенческой активности молодежи, создать условия, в которых она могла бы проявить себя с положительной стороны и принести пользу обществу – одна из основных задач воспитательной работы в учреждениях среднего профессионального образования. Разновидностями просоциального поведения, наряду с добровольчеством, являются альтруизм, благотворительность, сотрудничество и многие другие формы поведения.

Основными понятиями при разработке авторской программы, кроме готовности к волонтерской деятельности, являются понятия «альтруизм», «эмпатия», «толерантность».

Альтруизм – стремление к деятельности на пользу других, желание принести пользу ближнему, отсутствие себялюбия [7].

Эмпатия – способность входить в чужое эмоциональное состояние, сопереживать [5].

Толерантность – терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям [6].

С целью формирования *достаточного уровня* готовности к волонтерской деятельности студенту необходимо скорректировать негативные социальные установки, овладеть навыками саморегуляции, повысить самооценку, развить лидерские качества, повысить уровень информированности о предмете и направлениях деятельности волонтера, что, в свою очередь, способствует усвоению новых конструктивных форм реагирования на социальные проблемы субъектов помощи.

При разработке практической составляющей программы готовности студентов к волонтерской деятельности основной акцент был сделан на решение проблем, выявленных в результате проведенного исследования уровня сформированности компонентов готовности студентов-волонтеров.

Низкий уровень сформированности компонентов готовности, выявленный по результатам исследования готовности студентов к волонтерской деятельности, показал необходимость использования следующих компонентов в качестве основных направлений по повышению готовности:

- работа с профессиональной и личностной направленностью;
- работа с ценностными ориентациями;
- повышение интереса и мотивации к добровольчеству в целом;
- развитие навыков саморегуляции;
- расширение информационной осведомленности о добровольчестве, волонтерском движении в нашей стране и мире, направлениях волонтерского движения и навыках, приемах работы волонтера;
- повышение самооценки студентов;
- развитие лидерских качеств.

Авторская программа «Лидеры ДОБРА» представляет собой систему специально подобранных мероприятий, направленных на повышение уровня сформированности компонентов психологической готовности студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности и гармонизацию личности студентов. Программа направлена на расширение представлений о понятии «готовности» у специалистов колледжа, осуществляющих кураторство волонтерского движения колледжа, а также на расширение у них репертуара психологических приемов и технологий – с целью повышения эффективности работы по подготовке студентов-волонтеров.

Программа реализуется в форме ежедневных занятий с элементами тренинга, в процессе которых происходит осмысление студентом своей профессиональной и личностной направленности; переосмысление социальных установок о помогающем поведении, замена их новыми конструктивными; а также укрепление внутренней позиции волонтера на основе

эмпатии и сопереживания, посредством расширения информирования о существующих формах и направлениях добровольчества, о возможностях методов и приемов работы; повышение самооценки и самоконтроля эмоционального состояния; формирование лидерских качеств.

Структура программы состоит из модулей теоретических и практических занятий с элементами тренинга, в соответствии с тематикой четырех основных модулей:

Модуль I. «Я – волонтер».

Модуль II. «Я – альтруист».

Модуль III. «Я – профи».

Модуль IV. «Я – лидер ДОБРА».

Программа рассчитана на 96 часов (12 месяцев): 48 аудиторных занятий по 2 часа один раз в неделю (в месяц по 4 занятия). Так как охват студентов достаточно большой, то группы были сформированы в потоки, а потоки проходили ежедневно (5 дней в неделю) по различным модулям. Студент получал обменную карту, где фиксировалось его участие во всех модулях. Таким образом, велось отслеживание прохождения студентом всего курса программы.

Программа рассчитана на студентов профессиональных колледжей (техникумов) 2–4 курсов в возрасте от 16 до 18 лет.

Целью программы является повышение уровня готовности студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности.

Задачи, посредством которых достигается цель:

1. Расширить информированность и представления студентов о добровольчестве и его направлениях, приемах и технологиях работы.
2. Повысить самооценку студентов.
3. Сформировать и повысить уровни самоконтроля студентов-волонтеров, через овладение методами саморегуляции.
4. Скорректировать неконструктивные установки о помогающей деятельности волонтера, усвоенные в социуме.
5. Сформировать лидерские качества студентов-волонтеров.
6. Создать информационно-методическое обеспечение подготовки волонтеров.

Типовое занятие в структуре программы состоит из следующих этапов:

1. Организационный этап: знакомство, организационный момент, постановка целей и задач, оглашение правил группы и ожиданий, актуализация личного опыта, упражнение на сплочение коллектива и др.
2. Основной этап:
 - теоретический блок (видеофильм, презентация, лекция, дискуссия, выступление специалиста (юрисконсульта, социального педагога, психолога, лидеров волонтерского движения и др.);
 - практический блок (ролевая игра, деловая игра, мозговой штурм, элементы тимбилдинга, психотехника, арт-терапия и др.)
3. Заключительный этап: упражнение на саморегуляцию (дыхательные техники, аутотренинг, релаксация, визуализация, нейромышечная релаксация, идеомоторная тренировка, тайм-менеджмент и др.), обратная связь, шеринг.

Основные направления программы:

- информационное (информирование студентов о целях, задачах, направлениях работы волонтера);
- обучающее (формирование умений и навыков, необходимых волонтеру в работе);
- мотивационное (поиск и актуализация ценностей, потребностей, интересов и смыслов волонтера);

- корректирующее (практика методов саморегуляции);
- развивающее (повышение самооценки, развитие лидерских качеств и организаторских способностей).

Авторская программа подготовки студентов профессионального колледжа к волонтерской деятельности (таблица 1) представляет собой практико-ориентированную конструкцию (систему), структурными элементами которой выступают модули.

Программа разработана с учетом основных результатов и тенденций, полученных в эмпирическом исследовании, в ее основе лежат представления о мотивах просоциального поведения.

Таблица 1

Структура программы «Лидеры ДОБРА»

МОДУЛЬ I. «Я – ВОЛОНТЕР» – 16 часов		
<i>Модуль представителей и кураторов волонтерского движения</i>		
Цели модуля: информирование о формах и направлениях волонтерского движения.		
Задачи:		
– информировать студентов о многообразии направлений добровольчества;		
– расширить представления студентов о волонтерской деятельности;		
– привлечь в ряды волонтерского движения новых студентов		
<i>№</i>	<i>Диагностический блок-модуль</i>	<i>Количество часов</i>
1	Устный опрос студентов о том, что они знают о волонтерском движении в России и мире	1
2	Анкетирование студентов по вопросам информированности о добровольчестве	1
Итого		2
<i>№</i>	<i>Целевой блок-модуль</i> <i>1.1. «Волонтерское движение в России и мире»</i>	<i>Количество часов</i>
1	Нормативно-правовое обоснование волонтерской деятельности	1
2	История волонтерства, добровольчества и благотворительности в мире	1
3	История российского волонтерского движения	1
4	Передовой опыт волонтерства зарубежных стран	1
5	Передовой опыт волонтерства регионов России	1
Итого		5
<i>№</i>	<i>Информационный блок-модуль</i> <i>1.2. «Формы и направления волонтерского движения»</i>	<i>Количество часов</i>
1	Социальное направление, его формы	1
2	Образовательное направление, его формы	1
3	Другие направления деятельности	1
Итого:		3
<i>№</i>	<i>Операционный блок-модуль</i> <i>1.3. «Я – волонтер, отработка навыков волонтера»</i>	<i>Количество часов</i>
1	Решение ситуационных задач	2
2	Отыгрывание сюжетно-ролевых игр	2
3	Решение конфликтных ситуаций	2
Итого		6

МОДУЛЬ II. «Я – АЛЬТРУИСТ» – 25 часов

Модуль психолога

Цели модуля: формирование навыков саморегуляции и совладающего поведения.

Задачи:

- научить определять свое психоэмоциональное состояние;
- обучить навыкам саморегуляции при стрессе;
- формировать навыки совладающего поведения и копинг-стратегии

<i>№</i>	<i>Целевой блок-модуль 2.1. «Методы саморегуляции»</i>	<i>Количество часов</i>
1	Здоровьесбережение. Профилактика ПАВ	1
2	Дыхательные техники	1
3	Аутогенная тренировка	1
4	Визуализация	1
5	Релаксация	1
6	Поиск ресурсных состояний	1
7	Арт-терапия	1
Итого		7
<i>№</i>	<i>Информационный блок-модуль 2.2. «Основы саморегуляции»</i>	<i>Количество часов</i>
1	Эмоции. Стресс	2
2	Психическая саморегуляция	2
3	Естественные приемы саморегуляции	2
Итого		6
<i>№</i>	<i>Операционный блок-модуль 2.3. «Отработка приемов и навыков саморегуляции»</i>	<i>Количество часов</i>
1	Обучение дыхательным техникам	3
2	Обучение самовнушению	3
3	Поиск ресурсных состояний	3
Итого		9
<i>№</i>	<i>Диагностический блок-модуль</i>	<i>Количество часов</i>
1	Уровень эмпатии В.В. Бойко	1
2	Экспресс-опросник «Индекс толерантности»	1
3	Опросник «Уровень сопереживания»	1
Итого		3

МОДУЛЬ III. «Я – ПРОФИ» – 30 часов

Модуль психолога и социального педагога, педагога дополнительного образования

Цели модуля: формирование ценностно-мотивационной сферы волонтера.

Задачи:

- переоценить социальные установки, ценностные ориентации студентов;
- обучить взаимодействию с социальными категориями населения, с учетом их особенностей;
- формировать организаторские способности и мотивацию помощи.

<i>№</i>	<i>Целевой блок-модуль 3.1. «Организационная работа волонтера»</i>	<i>Количество часов</i>
1	Основы менеджмента	2
2	Основы волонтерской деятельности	2

3	Основы целеполагания	2
4	Психология толпы, социометрия	2
Итого		8
№	Информационный блок-модуль 3.2. «Этические правила волонтера»	Количество часов
1	Этика и психология общения с лицами с ОВЗ	2
2	Общение с детьми, в том числе с ОВЗ	2
3	Общение с пожилыми людьми	2
Итого		6
№	Операциональный блок-модуль 3.3. «Ценности и мотивы помощи»	Количество часов
1	Ценностные ориентации и мировоззрение	3
2	Интерес, мотив, потребность, мотивация помощи	3
3	Переоценка ценностей, пирамида Дилтса, пирамида Маслоу	3
4	Философия добра и зла	3
Итого		12
№	Диагностический блок-модуль	Количество часов
1	Опросник «Мотивация помощи» С.К. Нартовой-Бочавер	1
2	Методика «Ценностные ориентации» М. Рокича	1
3	Методика изучения мотивации профессиональной карьеры Э. Шейна	2
Итого		4
МОДУЛЬ IV. «Я – лидер ДОБРА» – 27 часов <i>Модуль психолога</i> Цели модуля: развитие личностных качеств, основы лидерства. Задачи: – повысить самооценку; – развить лидерские качества; – сформировать навыки конструктивного поведения		
№	Целевой блок-модуль 4.1. «Качества личности»	Количество часов
1	Лидерские качества	2
2	Направленность личности	2
3	Самооценка, Я-концепция	2
4	Самореализация	2
5	Самовыражение	2
Итого		10
№	Информационный блок-модуль 4.2. «Конфликтология и медиация»	Количество часов
1	Основы психологии конфликтов	1
2	Понятие о медиации	1
3	Конструктивные стратегии взаимодействия	1
Итого		3

№	Операциональный блок-модуль 4.3. «Тренинг личностного роста»	Количество часов
1	Тренинг лидерских качеств	3
2	Творческие акции	3
3	Тимбилдинг	3
Итого		9
№	Диагностический блок-модуль	Количество часов
1	Методика исследования самооценки личности С.А. Будасси	1
2	Методика «Направленность личности» В. Смекала и М. Кучера	1
3	Опросник «Альтруизм», Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов	1
Итого		3

Ожидаемые результаты от реализации программы: повышение эффективности подготовки студентов к волонтерской деятельности; повышение качества волонтерской помощи; развитие лидерских качеств у студентов; повышение самооценки.

С целью проверки эффективности предлагаемой программы применялся квазиэкспериментальный план. Апробация программы была реализована при участии студентов Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Озерский технический колледжа» г. Озёрска Челябинской области. Средний возраст – 16,6 лет (на начало эксперимента). Формирование выборки осуществлялось из студентов второго курса (общее количество – 233 студента) профессионального колледжа, путем добровольного желания вступить в волонтерский отряд колледжа «Озерская дружина». Из общей выборки были выделены две группы: контрольная – 127 человек и экспериментальная – 106 человек. Студенты, не пожелавшие вступить в волонтерский отряд, не были вовлечены в эксперимент. Теоретические занятия чередовались с тренинговыми занятиями и реальными мероприятиями, проектами и акциями волонтерского отряда колледжа. Занятия проводились ежедневно по разным модулям разными специалистами.

По результатам реализации программы проведено повторное исследование готовности студентов к волонтерской деятельности среди участников программы (студентов-волонтеров) с целью получения данных об эффективности реализованной программы. Данные, полученные по результатам апробации, были подвергнуты обработке при помощи G-критерия знаков с целью выявления значимых различий, полученных в результате прохождения программы, и оценки сдвига показателей в каждой группе.

Анализ полученных результатов показал существенные позитивные изменения всех компонентов готовности к волонтерской деятельности у студентов экспериментальной группы. Сдвиг является достоверно преобладающим, если $G_{\text{эмп.}} \leq 45$, при $p \leq 0,05$, для $n = 110$ или $G_{\text{эмп.}} \leq 42$, при $p \leq 0,01$, для $n = 110$, так как согласно таблице критических значений G-критерия знаков, значение $n = 106$ не представлено, будем использовать критические значения для $n = 110$.

Таким образом, авторская программа «Лидеры ДОБРА», разработанная в рамках данного исследования, позволила управлять развитием готовности и повышать ее уровни в процессе образовательной и волонтерской деятельности. Программа может быть рекомендована для использования психологическими службами среднего профессионального образования для подготовки студентов-волонтеров, может быть положена в основу психолого-педагогического сопровождения кураторов волонтерского движения как ответственного субъекта воспитания.

Библиографический список

1. *Бабичева А.* Волонтерство: прошлое, настоящее, будущее: сборник материалов по подготовке волонтеров. Самара, 2016.
2. *Боулби Дж.* Создание и разрушение эмоциональных связей. М., 2004.
3. *Ильин Е.П.* Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия. СПб., 2013.
4. *Попова И.В., Серова Е.А.* Феномен эмпатии в поведении населения как стимулятор просоциального поведения в личностном развитии // Вестник КГУ 2020. Педагогика, Психология, СоциокINETика. 2020. Т. 26. № 4.
5. Большой современный толковый словарь русского языка. URL: 2012<https://slovar.cc/rus/tolk/131969.html> (дата обращения: 06.12.2019).
6. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 06.12.2019).
7. *Ушаков Д.Н.* Толковый словарь русского языка Ушакова. URL: <https://slovar.cc/rus/ushakov/382512.html> (дата обращения: 25.03.2022).

А.С. Землянская

*магистр социальной работы
заведующий очным отделением, учебный отдел
Озерский технический колледж
E-mail: zemlyanskaya75@inbox.ru*

ОСОБЕННОСТИ САМООТНОШЕНИЯ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК, ПЕРЕЖИВШИХ ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

Е.Д. Липатова

Аннотация. Проблема насилия является одной из самых актуальных проблем современного мира. В широком смысле в обществе эта проблема имеет и социальный, и юридический, и психологический характер. Так как мы в своём исследовании будем вести речь о психологическом аспекте, стоит сказать, что переживание насилия в детском и подростковом возрасте часто может приводить к серьёзным негативным последствиям на всех уровнях функционирования психики. В своём исследовании мы рассмотрим конкретно эмоциональное насилие. Этот вид насилия может существовать как сам по себе, так и сопровождать другие виды. Само по себе эмоциональное насилие является особым видом, так как такое насилие трудно доказать, оно не оставляет следов на теле и в целом его трудно проконтролировать законодательно. Тем не менее, такой опыт может стать психотравмирующим для человека и мешать его дальнейшей жизни.

Ключевые слова: самоотношение, эмоциональное насилие, юношеский возраст, психологическая травма.

FEATURES OF SELF-ATTITUDE AMONG BOYS AND GIRLS HAVING SUFFERED EMOTIONAL ABUSE

E.D. Lipatova

Abstract. The problem of violence is one of the most topical problems of the modern world. In a broad sense, this problem in society has a social, legal, and psychological character. Since we talk about the psychological aspect in our study, it is worth saying that the experience of violence in childhood and adolescence can often lead to serious negative consequences at all levels of the functioning of the psyche. In our study we specifically consider emotional abuse as this type of abuse can exist on its own or accompany others. Emotional violence itself is a special kind since such violence is not only difficult to prove, but also it does not leave marks on the body and in general, it is really hard to control it legally. However, such an experience can become traumatic for the person and disturb his future life.

Keywords: self-attitude, emotional abuse, adolescence, psychological trauma.

Феномен насилия достаточно многогранен при рассмотрении с научной точки зрения. Проблема насилия привлекала внимание представителей различных научных дисциплин [3; 4; 6]. Глубокое изучение насилия как особенности поведения человека началось в 90-х гг. прошлого века. Исследователи пришли к выводу, что наличие в поведении личности тенденции к насилию способствует формированию глубоких личностных изменений и сказывается на всех аспектах психического функционирования и жизнедеятельности жертвы [1; 5]. Ситуации повторяющегося насилия нарушают целостность человека, становятся причиной повышенной тревожности, негативно влияют на самооценку человека и отношение к себе и во многих случаях приводят к развитию посттравматического стресса [2].

На сегодняшний день отсутствует единое мнение относительно конкретных видов поведения, которые представляют собой эмоциональное насилие [5]. По мнению многих исследователей, психологическое насилие, является деструктивным процессом, разрушающим

личностное достоинство, и приводит к потере чувства собственной безопасности [1; 3; 4; 6]. Психологическое насилие возникает в межличностных отношениях, связанных с тотальным доминированием и контролем над человеком [3].

Настоящее исследование проводилось среди юношей и девушек в возрасте 15–16 лет, всего в нем приняли участие 45 человек. Исследование проводилось на базе общеобразовательной школы № 179 г. г. Москвы, а также на базе колледжа МГПУ им. К.Д. Ушинского.

Цель исследования: на основе теоретического анализа и результатов эмпирического исследования изучить особенности самоотношения у подростков, подвергавшихся эмоциональному насилию.

Объект исследования: самоотношение подростков.

Предмет исследования: самоотношение у подростков, переживших эмоциональное насилие при разной степени его выраженности.

Гипотеза исследования: переживание эмоционального насилия изменяет самоотношение подростка.

Для данного исследования нами были использованы следующие **методики:**

1. Методика исследования самоотношения (опросник МИС) (В.В. Столина, С.Р. Пантिलеева).
2. Проективные методики: «Метафорический автопортрет: Во что бы меня заколдовали» Т.Д. Зинкевич-Евстегнеевой; Автопортрет «Какой я сейчас?» Н.Я. Семаго, М.М. Семаго; Рисуночный тест Р. Сильвер «Нарисуй историю».
3. Анкета на выявление признаков эмоционального насилия (по материалам международного опросника ICAST-C, раздел 5 «Психологическое насилие: дома и в школе»).

При проведении эмпирического исследования и анализе полученных результатов перед нами стояли две основные задачи: выявить подростков, переживших эмоциональное насилие, и исследовать особенности самоотношения у этих испытуемых. Для первой задачи мы использовали стандартизированную анкету для выявления признаков насилия, где ребята давали ответы конкретно о том, переживались ли какие-то ситуации эмоционального насилия ими или нет. Нам удалось таким образом выявить группу из общей выборки ребят, которые указывают признаки насилия в стандартизированной методике.

В качестве второй методики для этой задачи мы использовали рисуночный тест «Нарисуй историю». По рисункам методики «Нарисуй историю» мы выявляли наличие у испытуемых опыта эмоционального насилия, его степень и глубину переживания, наличие другого травматичного опыта и в целом исследовали особенности того значимого опыта у испытуемых, который возможно было наблюдать по рисункам. Мы обращали внимание на сюжет истории, характер истории и те переживания, которые указывались подростком при описании истории. По результатам рисуночных тестов, мы предварительно разделили всех участников исследования на пять следующих групп:

1. **Выраженные признаками эмоционального насилия.** Испытуемые из этой группы могли изображать ситуацию насилия или травматичного опыта (образно или прямо). Такие рисунки, как правило, имеют однозначно негативный смысл: ситуация угрозы жизни дорогого человека (мама чуть не утонула); ситуации, прямо отражающие эмоциональное насилие (сестра сорвалась и кричит), ситуации других видов насилия (злой дрессировщик с хлыстом и котенок, который боится). В некоторых работах фигурирует тема смерти или какого-то надлома.
2. **Ситуации неопределенности.** В случае этой группы нам сложно интерпретировать, имеет ли насилие негативные последствия. В целом рисунки у таких респондентов носят неоднозначный, неопределенный характер. Чаще всего респонденты этой группы изображают нереалистичные истории, используя при этом какие-либо образы (робот,

уточка), иногда делая акцент на неопределенном настроении и характере историй (книга с оборвавшейся историей, которая оставляет читателя в неопределенности). Имея в виду некоторую нереалистичность и неопределенность приведенных ребятами историй, мы предположили, что респонденты в этой группе могут скрывать какой-то собственный реальный опыт. Здесь мы не можем точно исключать опыт эмоционального насилия, но в то же время не наблюдаем явно выраженных признаков такого опыта.

3. **Ярко выраженные эмоциональные переживания.** Подростки этой группы на изображениях с историей всегда рисуют какое-либо яркое событие. Мы понимаем, что оно эмоционально окрашено для респондента и значимо, но нам может быть трудно интерпретировать как именно – в негативную или позитивную сторону (например, роддом, рождение младшей сестры, «нескучный» семейный ужин и другие события из жизненного опыта ребят).
4. **Испытание себя, склонность к рискованным ситуациям и проверка себя на выносливость.** Испытуемые данной группы при изображении истории рисуют моменты испытания себя (важные выступления, футбольный матч) или истории, неоднозначные с точки зрения социальных норм и одобрения обществом (танцы на кладбище, «с другом в участке», пират на корабле). Здесь мы не можем говорить об эмоциональном насилии по результатам рисуночных тестов. Что же касается показателей самооотношения по рисункам в этой группе – чаще оно достаточно хорошее. Лишь в двух работах мы отметили варианты сложного отношения к себе, более негативного. Стоит отметить, что один из респондентов в этой группе указывал на своё пребывание в психиатрической больнице, и нам сложно оценить, происходило ли это в действительности, или же это эпатаж, но при оценке рисунков с самооотношением мы пришли к заключению, что у этого респондента возможны какие-либо психические нарушения.
5. **Не проявляют признаков эмоциональных нарушений и насильственных действий по проективным методикам.** Подростки в этой группе, как правило, изображают нейтральную или позитивную историю (прогулка с мамой, летний отдых). По проективным методикам на самооотношение, изображения большинства ребят мы можем интерпретировать в целом как достаточно хорошее. Такие испытуемые выделяют себе место по центру, хорошо прорисовывают себя, уделяют себе достаточно внимания, что в совокупности является объективно хорошими показателями.

По указанным в рамках задачи (выявить наличие эмоционального насилия) методикам – проективным и стандартизированной – мы выделили две группы испытуемых, имеющих признаки насилия:

1. Группа, где есть признаки эмоционального насилия как по проективным, так и по стандартизированным методикам. (группа А++).
2. Группа, где есть признаки насилия только в стандартизированной методике. Эту группу составило наибольшее количество человек. (группа Б+–).

Мы работаем с этими группами при дальнейшем анализе результатов.

Второй задачей было исследование самооотношения у подростков, имеющих признаки насилия. Для данной задачи мы использовали также стандартизованную методику – опросник МИС и проективные методики – автопортрет и метафорический автопортрет. Для начала приведем данные по стандартизованному опроснику. В таблицах ниже можно ознакомиться с результатами по опроснику в выделенных группах.

На *рисунке 1* представлены результаты группы А по опроснику самооотношения. Можно наблюдать, что самый высокий показатель отмечается по шкале «Закрытость». Высокие значения по этой шкале могут указывать на выраженное защитное поведение у респондента.

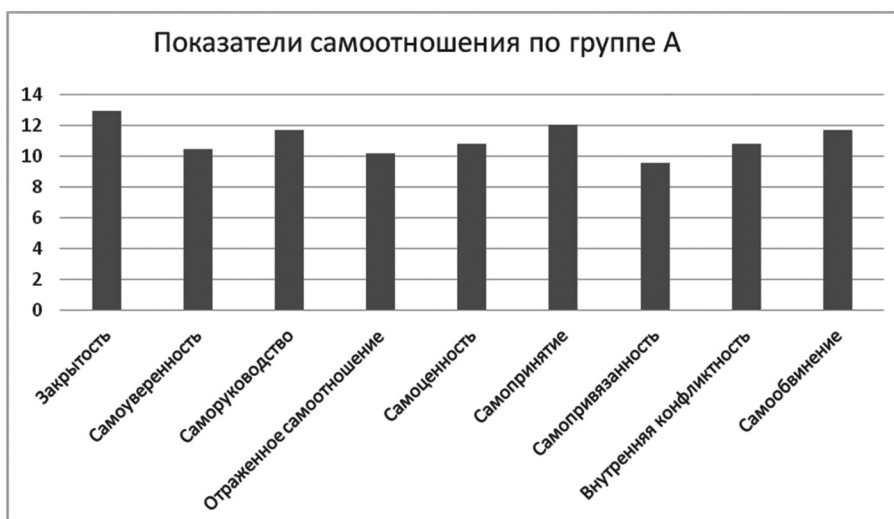

Рисунок 1. «Показатели самооотношения по опроснику МИС в группе А»

тов данной группы, их неспособность осознавать значимую информацию о себе и делиться этой информацией с другими. Такие подростки могут быть склонны к избеганию открытых и честных отношений с собой, обладать недостаточными навыками рефлексии. Видят себя поверхностно, могут отрицать существование каких-либо личных проблем.

Следующими по выраженности в этой группе получились показатели школы «Самопринятие», «Саморуководство» и «Самообвинение».

В группе Б (рисунок 2) показатели по опроснику получились несколько другие. Здесь, как и в предыдущей группе, выражены показатели по шкале «Самопринятие». Это хороший показатель, свидетельствующий о выраженном чувстве симпатии себе и о принятии всех сторон своего «Я». Также в этой группе достаточно выражены показатели по шкалам «Внутренняя конфликтность», «Самообвинение» и «Самоуверенность», которые имеют уже менее

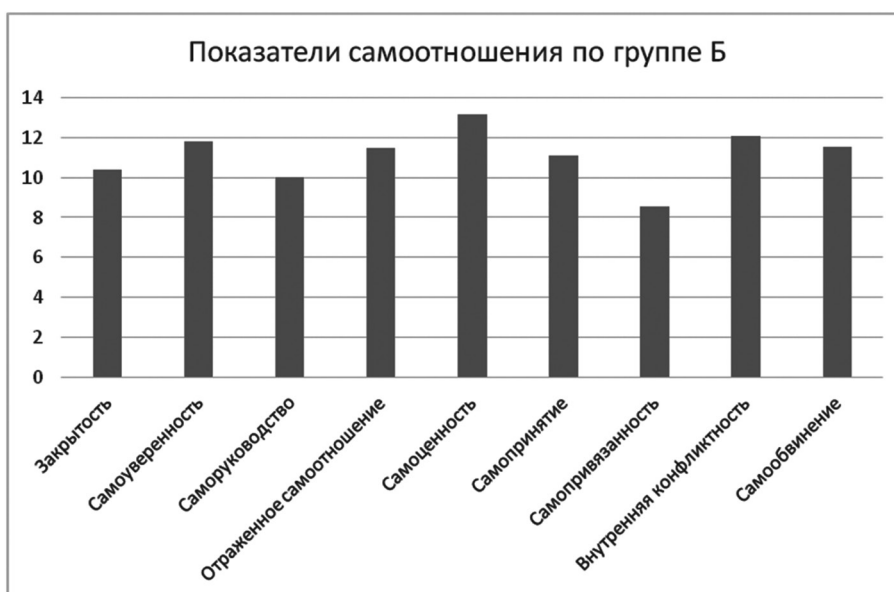

Рисунок 2. «Показатели самооотношения по опроснику МИС в группе Б»

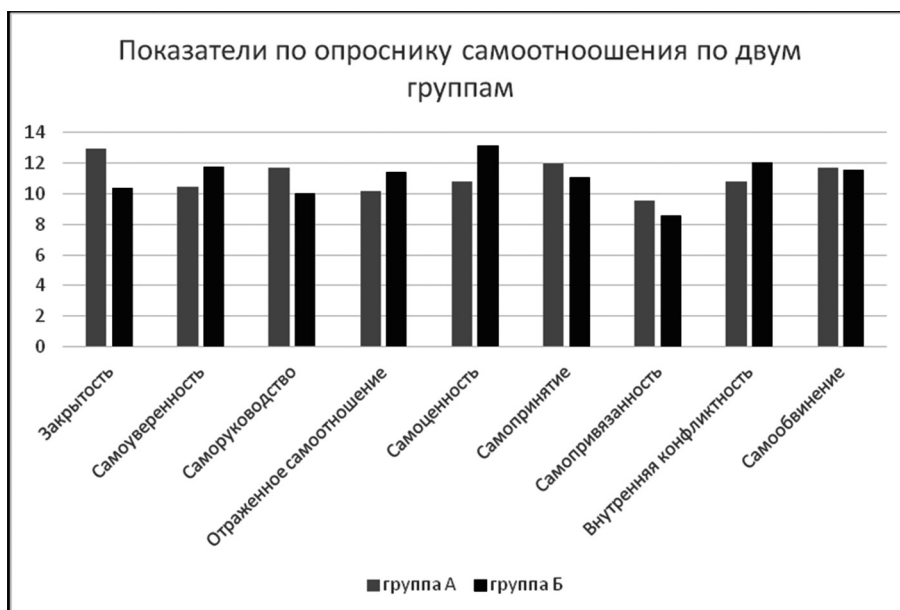

Рисунок 3. «Показатели самоотношения по опроснику МИС в двух группах»

положительную трактовку и в некотором смысле противоречат показателю «Самопринятие». Показатель «Внутренняя конфликтность» свидетельствует о наличии внутренних сомнений, конфликтов и несогласия с собой. По компоненту «Самообвинение» у респондентов также можно выявить склонность видеть в себе первоначально недостатки, неудачи и склонность обвинять себя и порицать. «Самоуверенность» может указывать на высокую уверенность в себе и мотивы достижения успеха.

В случае данной группы можно сказать, что результаты по опроснику неоднозначные.

Далее мы проверим наличие тенденций при корреляционном анализе в связях с другими методиками.

На *рисунке 3* представлены результаты по двум группам. Можно наглядно наблюдать, по каким компонентам результаты в двух группах оказались схожи, а где получились различия.

Что касается результатов по проективным методикам, направленным на самоотношение, мы получили следующие данные при анализе рисунков.

В группе с выраженным эмоциональным насилием по методикам, где необходимо изобразить себя, довольно часто наблюдается такая тенденция, что испытуемый не рисует себя вообще, может использовать какой-то метафорический образ для изображения себя, показывающий раскол или расщепление (разбитое стекло, искры), изображать какие-то декорации, без наличия себя на рисунке (например, компьютерный стол и подписать «человек за столом» без изображения самого человека). В целом, такие данные указывают на скорее негативное отношение к себе, нежелание себя видеть и честно с собой встречаться. Другими вариантами, встречающимся реже, но не единожды, являются варианты изображения себя в негативных эмоциях (плачущим, сердитым) или изображение нескольких разных вариантов человечков-себя.

Что касается метафорических автопортретов, мы обратили внимание на некоторые выразительные показатели по рисункам в этой группе. Например, подросток рисует цыпленка с короной на голове. В психоаналитической трактовке цыпленок символизирует уверения бессознательного в том, что человек является трусом. У нас, в придачу, наличествует корона на голове, в чем наблюдается некоторая инверсия. Возможно, имеет место защитная реак-

ция, желание показать себя лучше, чем есть на самом деле. Другим интересным вариантом в этой группе является изображение гаража с дверьми. Пытаясь анализировать подобное изображение, мы предполагаем, что гараж может символизировать бессознательное. Похожим вариантом (также в этой группе) является изображение закрытой книги. Если открытая книга и процесс чтения в психоанализе символизирует погружение в сознание, соответственно, закрытая книга, как можно предположить, символизирует обратное. И здесь мы можем наблюдать уже небольшую тенденцию в группе, как нам кажется, некоторую закрытость от своего внутреннего мира у участников этой группы.

У подростков, находящихся в ситуации неопределенности, отношение к себе по рисункам негативное или неопределенное (могут изображаться вопросительные знаки над изображением себя, противоречащие мысли «худший» – «лучший»). Во всех рисунках, кроме одного, изображается грустная эмоция.

У подростков с выраженными эмоциональными переживаниями по проективным методикам самоотношение достаточно разное. Испытуемые этой группы рисуют себя, выделяют себе место, но качество рисунков может отличаться. Где-то мы видим достаточно положительное отношение к себе, в каких-то случаях – негативное. В целом, в данной группе выделить обобщения по показателям самоотношения достаточно трудно. Рисунки достаточно уникальны, индивидуальны, и возможно, имеет смысл рассматривать их в таком порядке.

По методике «Метафорический автопортрет» можно отметить, что подростки этой группы часто изображают неодушевленные предметы, такие как камень, хлеб, робот, блестящий шар. Такие изображения скорее отображают негативные переживания, которые проживаются в отношении себя самого (опустошенность, агрессия и т.д.).

По итогам качественного анализа уже сейчас можно наблюдать, что у подростков с признаками эмоционального насилия имеются некоторые тенденции в рисунках, которые указывают на определенное отношение к себе. Такие респонденты чаще всего не хотят себя видеть и встречаться с собой в целом. Это может быть связано с отсутствием у таких подростков возможностей и внутренних ресурсов для того, чтобы видеть, осознавать и принимать негативный опыт и его последствия для собственной личности. Такая закрытость, с одной стороны, выполняет защитную функцию, с другой стороны – мешает развитию, росту и исцелению от травматичных событий и переживаний. Реже подростки с признаками эмоционального насилия демонстрируют проявление возможных нарушений в эмоциональной сфере или негативных переживаний в отношении самого себя. Это также может объясняться негативными событиями, произошедшими с ребятами и имеющими влияние на них. Однако, в этом случае мы скорее будем говорить не о защите от переживаний, а наоборот о том, что в настоящий момент эти переживания происходят, беспокоят, активно проживаются. Но мы, опять же, отметим, что отношение к себе у респондентов остается негативным, и мы не можем говорить о том, насколько конструктивны подростки справляются с негативными переживаниями.

У подростков, переживших эмоциональное насилие, прослеживаются следующие тенденции: они имеют слабые представления о себе или достаточно негативное самоотношение. Возможно, что такие подростки не хотят встречаться с собой вследствие травматичного опыта. Это предположение подтверждают результаты статистического анализа – мы видим, что у подростков этой группы сильно выражено защитное поведение, они не хотят видеть себя, погружаться в себя, рефлексировать и осознавать свой опыт и себя в целом.

Другим наблюдением было то, что некоторые подростки с эмоциональным насилием в опыте склонны скрывать такой опыт или не быть до конца честными и откровенными. Это, предположительно, возможно связать с защитным поведением таких подростков и всеми тенденциями, описанными чуть ранее.

Также для подростков, указавших признаки эмоционального насилия в методиках, мы выявили следующую тенденцию: они достаточно тревожно ощущают себя в отношении собственного «Я» и самооценки, проявляют некоторую ригидность в отношении себя и в то же время достаточно требовательны к себе. Такие испытуемые склонны воспринимать окружающий мир, как что-то угрожающее их самооценке. Из всего этого складывается впечатление, что самоотношение таких подростков также имеет элементы защитного поведения, а их самооценка достаточно хрупкая, они будто бы стремятся защитить её с помощью описанной выше ригидности.

Для наглядности, обобщим полученные результаты. Исходя из наших наблюдений, перечислим тенденции, которые удалось выявить в исследовании особенностей самоотношения у подростков, переживших эмоциональное насилие. Мы обобщили полученные результаты по двум группам респондентов, переживших эмоциональное насилие. Мы выделили следующие особенности отношения к себе:

- имеют слабые представления о себе;
- достаточно негативно относятся к себе;
- демонстрируют выраженное защитное поведение;
- проявляют нежелание встречаться с собой, своим внутренним миром и переживаниями;
- склонны быть нечестными с собой и с другими по поводу пережитых травматичных событий;
- демонстрируют ригидность «Я»-концепции и в то же время – хрупкость самооценки, стремление её защитить;
- воспринимают окружающий мир как угрожающий самооценке и отношению подростков к себе.

Отталкиваясь от проведенного нами исследования, целесообразно будет описать некоторые виды психологической помощи, подходящие для работы с теми проблемами, которые мы выделили:

- коррекция самооценки и уровня самосознания у подростков;
- работа над распознаванием и пониманием собственных чувств и эмоций.

Успешно решать задачу коррекции самооценки у подростков и расширения представления и знаний о себе можно как через индивидуальную работу, так и через групповую. Групповая работа может проводиться в формате тренинга и включать в себя задания и упражнения, направленные на исследование себя, глубокую саморефлексию, формирование адекватной самооценки и поддержание её. Существует достаточное количество упражнений и программ, посвящённых теме самоотношения. Нами была составлена и предложена авторская программа развития позитивного самоотношения у подростков.

К основным методам работы с эмоциональной сферой относятся методы, которые являются базисными, эффективными и наиболее безопасными: игротерапия, арт-терапия, сказкотерапия, метод аутогенной тренировки, поведенческий тренинг. Эти методы можно применять для разного возраста, в нашем случае для работы с подростками они хорошо подходят.

В подростковом возрасте происходит становление самосознания личности – и самоотношения как ее компонента. Ученые отмечают ситуативность, неустойчивость самооценки подростка, её подверженность каким-либо внешним воздействиям в младшем подростковом возрасте и большую устойчивость и многосторонность охвата различных сфер жизнедеятельности в старшем подростковом возрасте.

По итогам эмпирического исследования, посвященного изучению особенностей самоотношения у подростков, переживших эмоциональное насилие, нам удалось определить следующее.

Подростки, пережившие эмоциональное насилие, достаточно негативно относятся к себе, не хотят встречаться с собой, своим внутренним миром и переживаниями по настоящему. Ввиду этого, у многих из них складывается очень неполный, размытый или неопределенный образ себя. Об этом свидетельствует анализ рисуночных тестов и обратная значимая корреляция между компонентом «Закрытость» и показателями самооотношения по проективным методикам.

Для подростков, переживших эмоциональное насилие, характерно выраженное защитное поведение. Это проявляется в их неспособности встречаться и осознавать собственный опыт и переживания, связанные с ним; также это проявляется в области самооценки подростков – они стремятся защитить её от внешнего мира, так как воспринимают его как угрозу. Ввиду этого, некоторые из ребят могут иметь достаточно ригидную и завышенную самооценку. Эти выводы мы сформулировали на основе значимых корреляционных связей между компонентом «Самопривязанность» и анкетой про насилие, а также по показателям между компонентом «Закрытость» и проективными методиками.

Неспособность таких подростков видеть и принимать негативный опыт, свои переживания и реального себя, влияет на честность отношений с собой и с другими. Это также подтверждается статистическим анализом, по показателям обратной связи между компонентом «Самообвинение» и ответами по анкете у респондентов.

Библиографический список

1. Барабанов Р.Е., Дергачев А.В., Костюшина Е.В., Чистовский Д.И. Организация работы специалистов социально-психологической службы образовательного учреждения с детьми группы риска // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2020. № 2.
2. Волкова Т.Г. Психология самосознания: учебное пособие. Барнаул, 2014.
3. Волкова Е.Н. Ребенок и насилие: диагностика, предотвращение и профилактика: монография. Н. Новгород, 2015.
4. Волкова Е.Н., Исаева О.М. Диагностика распространенности насилия и жестокого обращения среди детей. Н. Новгород, 2013.
5. Дымова Е.Н., Шаталова Н.Е. Эмоциональное насилие как психотравмирующее событие в жизни молодых девушек // Мир науки. Педагогика и психология. 2020 № 2.
6. Качаева М.А., Дозорцева Е.Г., Нуцкова Е.В. Отсроченные последствия пережитого домашнего насилия у женщин и девочек // Психология и право. 2017. Т. 7. № 3.

Е.Д. Липатова

бакалавр психологии

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

E-mail: elizaveta.lipatova@mail.ru

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПСИХИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ, ОКАЗЫВАЮЩИХ ВЛИЯНИЕ НА ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

В.В. Мусихин

Аннотация. В данной статье дана полная информация о том, почему изучение психических процессов играет важную роль в изучении иностранных языков. На деле психолингвистика предоставила многочисленные теории, которые объясняют, как человек овладевает языком, производит и воспринимает как разговорный, так и письменный язык. Теории были использованы в области преподавания языка. Некоторые специалисты используют их в качестве базовых теорий при разработке методов обучения языку. Он известен как психолингвистический подход. Психолингвистический подход рассматривает обучение как контактный индивидуальный процесс, происходящий внутри индивида, а затем переходит в социальное измерение.

Ключевые слова: психолингвистика, подход, метод, обучение, аграфия и афазия, отношение, психический процесс.

APPROACHES TO THE STUDY OF MENTAL PROCESSES INFLUENCING THE STUDY OF FOREIGN LANGUAGES

V.V. Musikhin

Abstract. This article provides complete information about why the study of mental processes plays an important role in the study of foreign languages. In fact, psycholinguistics has provided numerous theories that explain how a person acquires language, produces and perceives both spoken and written language varieties. Theories have been used in the field of language teaching. Some experts use them as basic theories when developing language teaching methods. It is known as the psycholinguistic approach. The psycholinguistic approach considers learning as a contact individual process that takes place within the individual and then transfers into the social dimension.

Keywords: psycholinguistics, approach, method, teaching, agraphia and aphasia, attitude, mental process.

Когнитивная психология – это научное исследование разума и психических функций, таких как обучение, память, внимание, восприятие, рассуждение, двигательный контроль, навыки, язык и концептуальное развитие. Ее основополагающие цели – определить, как разум представляет мир и как он использует эти представления в мышлении. В начале «когнитивной революции» мозг рассматривался как вычислительная система, и исследователи разрабатывали модели обработки информации и последовательно совершенствовали их с помощью экспериментального метода.

Ранняя теория классической обработки информации считала, что восприятие, познание и действие можно разделить, и что они действуют в несколько этапов, имея целью сделать процесс значимым или полезным для субъекта. Познание использует перцептивный ввод для формирования представления о том, как обстоят дела в среде субъекта, и посредством рассуждений и планирования, основанных на целях и желаниях субъекта, приходит к спецификации того, что субъект должен делать. Действие – это результат в форме телесных движений, являющийся результатом этой познавательной работы. Измерение времени реакции

(ментальная хронометрия) использовалось для анализа того, сколько времени занимал каждый этап (предполагая последовательные этапы обработки), а также типы экспериментальных манипуляций, которые отдельно затрагивали эти этапы. Парадигма двойного задания использовалась для исследования того, разделяют ли различные способности умственные ресурсы или нет.

Одна из ветвей когнитивной психологии – психолингвистика – изучает психологические и нейробиологические факторы, которые позволяют людям приобретать, использовать, понимать и воспроизводить язык. Основной проблемой изучения являются механизмы, с помощью которых языки представляются и обрабатываются в мозгу. Психолингвистика в настоящее время является высокоразвитой областью, что отражено в исследованиях [1–5].

Особенно важным нововведением 1980-х и 1990-х гг. был коннекционизм: признание того, что многие психические феномены возникают в результате опыта и что эти процессы могут быть смоделированы с помощью вычислений в распределенных нейронных сетях, которые имитируют действия взаимосвязанных нейронов в мозге [2, с. 87]. Эмергентистский, коннекционистский и статистический подходы к обучению стали опорой когнитивного [6, с. 255] и психолингвистического [7, с. 10] мышления, как и для теорий изучения второго языка [7, с. 21].

Тем не менее, несмотря на весь прогресс, основное внимание когнитивной психологии середины XX в. уделялось внутренним психическим процессам – познанию «в голове».

В конце XX в. когнитивная наука стала исследовать ряд дополнительных влияний на разум. Четыре параметра, сгруппированные под меткой «4Е» для обозначения антиклассической (или некартезианской) когнитивной науки (в исследовании «Новая наука о разуме» С. Роулэндса): «Воплощение», «Встроенность», «Энактивизм» и «Расширенный разум» (Embodiment, Embedded, Enactivism and Expanded Mind).

Воплощенное познание – это признание того, что большая часть познания формируется телом, в котором индивид находится, – аспектами всего тела, включая двигательную систему, систему восприятия, телесные взаимодействия с окружающей средой (ситуативность) и предположениями о мире, которые становятся встроенными в структуру организма в результате повторного опыта [6, с. 260].

Встроенность – это зависимость явления (деятельности, набора отношений, организации или индивидуума) от его окружения (определяемого альтернативно в физических, когнитивных, социальных, институциональных или культурных терминах).

Важность экологии разума ясно показал Бейтсон в своих книгах «Шаги к экологии разума: сборник эссе по антропологии, психиатрии, эволюции и эпистемологии» [3] и «Разум и природа: необходимое единство» [2]. Бейтсон подчеркивал, как филогенетическая и онтогенетическая история сформировала восприятие: «Правила вселенной, которые, как нам кажется, мы знаем, скрыты глубоко в наших процессах восприятия» [2, с. 35].

Экологическая психология подчеркивает, как аспекты окружающей среды оказывают на организм различные действия в зависимости от его сенсомоторных способностей. Для некоторых животных на деревья можно взобраться: они позволяют лазать. Возможности – это экологические, а не просто физические характеристики мира, определяемые в терминах «системных» отношений между организмом и окружающей его средой. Гибсон критиковал когнитивные взгляды на обработку информации, которые предполагают косвенное восприятие, при котором физические ощущения как «входы» сопоставляются внутри головы с ментальными представлениями, чтобы создать значимые восприятия как «выходы», и вместо этого приводил доводы в пользу прямого восприятия. Возможности указаны в информационном массиве («поле потока») индивидуума, они представляют возможности для действия, и они доступны агенту для непосредственного восприятия и действия [5, с. 87].

Теория экологических систем – это теория человеческого развития, которая подчеркивает влияние систем окружающей среды, в которых взаимодействует человек, и их отношения с контекстами внутри сообществ и общества в целом. Индивид рассматривается в своей непосредственной микросистеме семьи, сверстников, школы и религии, в своей мезосистеме взаимодействий между компонентами микросистемы (семья и школа, семья и сверстники, средства массовой информации, социальные службы, промышленность, местное сообщество), и в макросистеме установок и идеологий культурной среды. Каждая система содержит роли, нормы и правила, которые могут формировать психологическое развитие. Теория экологических систем изменила перспективу психологии развития, определив диапазон влияния окружающей среды и общества на развитие ребенка и усвоение иностранного языка [4, с. 32].

Социокультурная теория утверждает, что человеческое познание в своей основе является социально опосредованным процессом, организованным культурной деятельностью, артефактами и концепциями. Основное утверждение Выготского заключалось в том, что учащиеся-люди встроены в различные социокультурные контексты, и их когнитивное развитие ускоряется за счет социального взаимодействия с более опытными людьми. Благодаря социальному взаимодействию они учатся использовать существующие культурные артефакты и создавать новые, чтобы регулировать свою биологическую и поведенческую активность. Посредничество происходит главным образом посредством использования, организации и структуры языка, возникающего во время участия в культурных, языковых и исторически сложившихся условиях, таких как семейная жизнь, взаимодействие в группе сверстников и институциональные контексты, такие как школьное обучение, общественный досуг и рабочие места. Социокультурная теория утверждает, что, хотя мозг является необходимым условием для мышления высшего порядка, наиболее важные умственные действия развиваются посредством взаимодействия в этой социальной и материальной среде [4, с. 33].

Классический взгляд на последовательную операцию и модульное разделение трех уровней (**восприятие** → **познание** → **действие**) не учитывает динамических отношений между действием и восприятием в ситуативном познании. Разыгрывается опыт мира: психические процессы состоят не только из нервных процессов, но и из рутинных вещей, которые делают организм, следовательно, они конституируются способами, которыми организм воздействует на мир, и, в свою очередь, способами, в котором мир действует в ответ. Когнитивные структуры возникают из повторяющихся сенсомоторных паттернов, которые позволяют перцептивно управлять действиями [1, с. 530].

Биологически обоснованные теории энактивизма делают упор на аутопоэзис (*auto* «я» и *poiesis* «создание, производство»), относящийся к системе, способной воспроизводить и поддерживать себя. Если познание для чего-то и нужно, так это для поддержания биологической жизнеспособности организма. Экологическая приспособленность предполагает адаптивность и умелое взаимодействие. Характеристики среды зависят от активности познающей системы; в свою очередь, познание зависит от активности в окружающей среде.

С точки зрения энактивистов, познание – это динамические сенсомоторные процессы (а не предписанный вычислительный синтаксис) определения переменных реального времени, наряду с богатой способностью к самоорганизации (а не репрезентативный механизм).

Некоторые заходят так далеко, что утверждают, будто 4E/антиклассическое познание вообще отрицает необходимость в ментальных репрезентациях в своих теориях [2, с. 30].

Признание того, что познание неотделимо от нашего воплощения, от нашего окружения и ситуативных действий, естественным образом ведет к идее, что познание нельзя найти ни в голове, ни даже в индивидууме, а, скорее, что это распределенная социотехническая система. Тезис расширенного разума отстаивал Хатчинс в рамках когнитивной науки. Его классическая книга «Как кабина запоминает свои скорости» представляет собой подробную

когнитивную этнографию того, как пилоты компьютеризированных авиалайнеров понимают, что делает современная автоматизация. Эта структура, по его словам, является «эксплицитно когнитивной в том смысле, что она связана с тем, как представляется информация и как представления трансформируются и распространяются при выполнении задач» [7, с. 101]. «Культура – это... человеческий познавательный процесс, который происходит как внутри, так и вне сознания людей... Культура – это адаптивный процесс, аккумулирующий частичные решения часто встречающихся проблем» [7, с. 154].

М. Колтхарт представляет анализ когнитивной психологии 1950–1990-х гг., в котором утверждается, что для методологического и аналитического удобства она была сосредоточена на индивидуальном познании (ограниченном в социальном пространстве, в физическом пространстве и во времени) и что эта стратегия привела к проблеме атрибуции – когда кто-то придерживается представления о том, что весь разум находится внутри границы между внутренней и внешней сторонами, он вынужден втиснуть внутрь все, что требуется для создания наблюдаемого поведения [7, с. 121].

Язык является квинтэссенцией распределенного познания. Язык всегда находится либо в моменте и в конкретном контексте, либо с помощью различных средств ментальной протяженности отражает предшествующие или воображаемые моменты.

Социально расширенное познание, в котором ментальные состояния частично конституируются состояниями других мыслителей, берет начало в инкультурации и в уникальных человеческих навыках интенциональности: совместных намерениях, совместном внимании, сотрудничестве, подражании, просоциальных мотивах и социальных нормах. Природа языка вытекает из его роли в социальном взаимодействии. Социальные взаимодействия обычно характеризуются тем, что философы действия называют совместной деятельностью или совместными действиями [6, с. 260]. Совместные действия зависят от общего познания, признания человеком того, что он может разделять убеждения и намерения с другими людьми. Таким образом, как подходы, основанные на использовании, так и исследования SLA подчеркивают, как язык изучается из совместного опыта обработки во время воплощенного взаимодействия в социальных и культурных контекстах, где индивидуально желаемые результаты являются целями, которые должны быть достигнуты путем общения намерений, концепций и смысла с другими.

Эти идеи противоречат ограниченным подходам, которые предполагают, что сущность языка может быть локализована, например, в генах, или областях мозга, или устройствах овладения языком, в отдельных лингвистических структурных подразделениях (таких как лексика, синтаксис и семантика), или в программах изучения языка, платформах или приложениях. Вместо этого они естественным образом вписываются в эмерджентистские подходы, а также рассматриваются в рамках теории динамических систем [5, с. 60].

Эмергентисты считают, что достаточно простых механизмов обучения, действующих внутри и между человеческими системами для восприятия, двигательных действий и познания, когда они подвергаются воздействию языковых данных как части коммуникативно богатой человеческой социальной среды организмом, стремящимся использовать функциональность языка, стимулировать появление сложных языковых представлений [4, с. 35].

Язык выполняет фундаментально социальную функцию. Процессы человеческого взаимодействия, наряду с общепредметными познавательными процессами, формируют структуру и знание языка. Недавние исследования в области когнитивных наук показали, что модели использования сильно влияют на то, как усваивается, используется и изменяется язык. Эти процессы не являются независимыми друг от друга, а являются гранями одной и той же сложной адаптивной системы (CAS).

Язык как CAS включает в себя ряд ключевых особенностей. Система состоит из множества агентов (говорящих в речевом сообществе), взаимодействующих друг с другом. Си-

стема адаптивна; то есть поведение говорящих основано на их прошлых взаимодействиях, а текущие и прошлые взаимодействия вместе влияют на будущее поведение. Поведение спикера является следствием конкурирующих факторов, начиная от ограничений восприятия и заканчивая социальными мотивами. Структуры языка возникают из взаимосвязанных паттернов опыта, социального взаимодействия и когнитивных механизмов.

Подход CAS выявляет общие черты во многих областях языковых исследований, включая овладение первым и вторым языком, историческую лингвистику, психолингвистику, эволюцию языка и компьютерное моделирование.

Языки, обычаи, культура и социальный опыт возникают из сложных адаптивных систем – настолько, что можно представить, что они в основном неотделимы от своего окружения.

Ассоциативно-когнитивный подход утверждает, что SLA регулируется теми же принципами ассоциативного и когнитивного обучения, которые лежат в основе остальных человеческих знаний. Основные принципы структуры заключаются в том, что SLA основано на конструкции, рационально, основано на образцах, эмерджентно и диалектично. Изучение языка включает в себя приобретение конструкций, которые отображают языковую форму и функцию. И компетентность, и производительность возникают из динамической системы, которая представляет собой настроенный на частоту заговор заученных примеров использования этих конструкций, при этом компетентность представляет собой интегрированную сумму предшествующего использования, а производительность представляет собой ее динамическую контекстуализированную активацию. Система рациональна в том смысле, что она оптимально отражает предшествующее использование первого языка (L1). L1 настраивает то, как учащиеся обращают внимание на язык. Полученное внимание переносится на L2, и именно это укрытие L1 ограничивает конечное состояние SLA на основе использования. Но эти ограничения можно преодолеть, привлекая учащегося к самосознанию, помещая его в диалектическое напряжение между конфликтующими силами их текущих стабильных межъязыковых состояний и свидетельствами явной обратной связи, ориентированной на форму, будь то лингвистической, прагматической или металингвистической.

Библиографический список

1. *Аткинсон Д.* К социогнитивному подходу к овладению вторым языком // Журнал современного языка. 2019. № 86.
2. *Бейтсон Г.* Разум и природа: необходимое единство. Нью-Йорк, 2020.
3. *Бейтсон Г.* Шаги к экологии разума: сборник очерков по антропологии, психиатрии, эволюции и эпистемологии. Чикаго, 2020.
4. *Браун Дж.С., Коллинз А., Дугид С.* Расположенное познание и культура обучения // Педагог-исследователь. 1989. № 18.
5. *Кристиансен М.Х., Чатер Н.* На пути к интегрированной науке о языке // Природа человеческого поведения. 2017. № 1.
6. *Кларк А.* Слово, ниша и суперниша: как язык делает умы более значимыми. Международный журнал теории, истории и основ науки. 2005. № 20.
7. *Колтхарт М.* Предположения и методы в когнитивной нейробиологии. Нью-Йорк, 2001.

В.В. Мусихин

аспирант

Московский информационно-технологический университет-Московский
архитектурно-строительный институт

E-mail: musihinvlad2018@gmail.com

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ СО СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬЮ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

И. Литвинова, Е.Н. Скрипачева

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема стресса и стрессоустойчивости военнослужащих, освещены особенности протекания стадий стресса среди военнослужащих, сформулированы основные этапы в работе со стрессом, обозначены направления работы, описаны методики диагностики и профилактических мероприятий.

Ключевые слова: военнослужащий, стресс, стрессовая ситуация, стрессоустойчивость, уровень стресса.

SOME THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF WORKING WITH THE STRESS RESISTANCE OF MILITARY PERSONNEL

I. Litvinova, E.N. Skripacheva

Abstract. This article discusses the concept of stress and stress resistance of the military, considers the features of the course of stages of stress among military servicemen, formulates the main stages in working with stress, identifies areas of working on it, describes methods of diagnostics and preventive measures.

Keywords: soldier, stress, stressful situation, stress resistance, stress level.

В современном мире проблема стрессовых переживаний и стрессоустойчивого поведения личности все чаще поднимается и все больше набирает обороты. Особенно остро эта тема звучит для людей, которые вынуждены осуществлять свою деятельность в экстремальных, чрезвычайных и опасных ситуациях (военнослужащие), – ведь их деятельность сопряжена с такими феноменами, как посттравматические стрессовые расстройства, психические травмы, человеческие жертвы и другие. Помимо того, что военнослужащие сами переживают негативные эмоциональные состояния и зачастую нуждаются в психологической помощи, существует также такая проблема, как возможность функционирования военнослужащего в условиях действия стресса – ведь от его действий зависят жизни других людей, что усиливает переживание стрессовой ситуации.

Можно сказать, что стрессоустойчивость в данном контексте – это совокупность личностных качеств, направленных на борьбу с экстремальными условиями.

Актуальность проблемы обусловлена еще и тем, что происходит возрастание экстремальности военной службы по социальным, экономическим, экологическим, техногенным аспектам, а значит, и стресс-факторов становится больше и они все агрессивнее.

В отечественной литературе проблему стрессоустойчивости разрабатывали такие ученые как В.А. Бодров, Ю.В. Щербатых, А.А. Реан, Л.Г. Дикая, Г.И. Косицкий, Л.В. Куликов, Л.А. Китаев-Смык, В.Я. Апчел, В.Н. Цыган, Х. Алиев.

Понятие стрессоустойчивости непрерывно связано с понятием стресса.

Говоря о стрессе, ученые чаще всего говорят о теории стресса, описанной канадским ученым Гансом Селье. По мнению ученого, стресс – это реакция организма на внешний или

Рисунок 1. Стадии протекания стресса в организме
(составлено автором)

внутренний раздражитель любого генеза (стрессор), который по силе превышает пределы текущей адаптивности организма [21]. Есть и другие определения стресса: это неспецифическая реакция организма человека на изменение окружающих его условий с целью приспособления [13].

Ганс Селье небезосновательно полагал, что стресс может оказывать положительное влияние на организм (эустресс) и отрицательное (дистресс) [20]. При отсутствии всякого стрессора человек легко впадает в апатию, теряет интерес к жизни, но длительный стресс истощает организм. Также он отмечал, что стресс в организме протекает в три стадии (*рисунок 1*).

Л.А. Китаев-Смык в своей работе описывает случаи, когда стрессор настолько силен на стадии тревоги, что живое существо может погибнуть, не успев мобилизовать адаптационные механизмы (при сильном испуге останавливается сердце) [10]. По мнению В.Я Апчел и В.Н. Цыган, слабое и долгосрочное воздействие стрессора, проходя стадию резистентности, в итоге заканчивается приспособлением организма и усилению адаптивности [3].

Сильное, долгое воздействие агрессивного стрессора приводит организм к стадии истощения, при этом возвращаются симптомы стадии тревожности, но которые имеют уже не кратковременный характер, а приводят к паталогическим изменениям в организме и психике.

Военнослужащие в момент исполнения своих служебных обязанностей в экстренных ситуациях проходят эти три стадии:

1. Тревога, когда военнослужащий попадает в ситуацию, нетипичную для себя. При этом данное чувство зачастую сопровождается сомнениями в отношении своей способности успешно разрешить эту ситуацию. Необходимо отметить, что очень часто военнослужащего в такой ситуации сопровождают соматические проявления первого этапа стресса – мигрени, аллергия, обострение гастрита и т.п.
2. Смирение со стрессовой ситуацией – в этот момент военнослужащий переходит на второй этап – резистентности или адаптивности. На этой стадии военнослужащий уже преодолел чувство тревоги и не находится под сильным влиянием ситуации. На этой стадии у него происходит восстановление сил, налаживание биологических процессов в организме.
3. Стадия истощения наступает, если вторая стадия затягивается или не проходит успешно. Для человека эта стадия является самой опасной, так как наблюдается полное истощение энергетических ресурсов организма, адаптация к стрессовым условиям становится невозможной, возникают серьезные проблемы в психическом и физическом состоянии человека. Военнослужащий теряет полную боеготовность и способность выполнения поставленных задач.

Для того, чтобы не допустить осложнений после стрессовых ситуаций, необходимо проводить профилактические занятия для повышения стрессоустойчивости военнослужащих.

С целью снижения пагубного воздействия сильного стресса на организм и психику военнослужащих, необходимо проводить исследования и работу над их стрессоустойчивостью, разрабатывать психологические техники, способствующие снижению последствий действия стресс-факторов.

По мнению специалистов в области военной психологии, высокий уровень стрессоустойчивости относится к числу профессионально важных качеств военнослужащего. Рассмотрим некоторые определения стрессоустойчивости.

Стессоустойчивость личности – это способность поддерживать оптимальную работоспособность, сдерживая собственные чувства, сохраняя самообладание и тактичность, претерпевая высокие когнитивные, волевые и эмоциональные нагрузки.

Стессоустойчивость военнослужащего – это способность сфокусировано выполнять действия по решению стоящей задачи с физиологически оптимальным условием напряжения организма, умение оказывать сопротивление воздействию стрессора.

При необходимости увеличения стрессоустойчивости огромная роль отводится условию скорости мобилизации внутренних приспособительных механизмов и последовательности их активации в различные системы функционирования организма [11].

По мнению В.А. Бодрова, стрессоустойчивость военнослужащих в первую очередь зависит от личностных характеристик индивида, его особенностей. Согласно исследованиям Л.Д. Мамойко, уровень стрессоустойчивости у военнослужащих выше, чем у обычных граждан, при этом с возрастанием срока службы он также возрастает. Однако это сопровождается низким уровнем эмоциональности, в том числе и позитивной [16]

Снижение стрессоустойчивости ведет за собой развитие тревожности, беспокойства, растерянности, страха, паники, снижение концентрации, внимания, способности действовать безупречно.

Профилактическая работа для повышения стрессоустойчивости включает в себя:

1. Систематическое проведения диагностики и анализа психологического состояния военнослужащих.
2. Разработку мероприятий по оказанию экстренной психологической помощи для нуждающихся военнослужащих.

Для диагностики уровня стресса, стрессоустойчивости существует немало методик:

1. Тест на самооценку стрессоустойчивости личности (Н.В. Киршева, Н.В. Рябчикова) – позволяет оценить степень стрессоустойчивости личности.
2. Тест на определение уровня стресса Щербатых – позволяет оценить уровень стрессового состояния индивида, а также показывает, какую область затрагивает стресс (интеллектуальную, поведенческую, эмоциональную или физическую).
3. Шкала психологического стресса PSM25 – дает возможность измерить стрессовые ощущения в соматических, поведенческих и эмоциональных показателях.
4. Опросник «Где скрываются ваши стрессы?» (ред. В.А. Семиченко) – дает представление, в каких сферах жизнедеятельности скрытано наибольшее стрессовое напряжение.
5. Индивидуальные и групповые беседы.

Для снижения уровня стресса военнослужащих необходимо проводить работу по следующим направлениям:

1. Когнитивная сфера: развивать самопознание, в том числе и через определение жизненных ценностей.
2. Эмоциональная и поведенческая сфера: снижать уровень агрессивности, импульсивности, работать в направлении снижения тревожности и эмоционального напряжения, развивать нервно-психическую устойчивость и поведенческую регуляцию.

3. Сфера коммуникативных навыков: развивать коммуникативные способности.
4. Личностная сфера: работать в направлении самораскрытия и саморегуляции, развивать оптимизм и уверенность в себе, работать над общей удовлетворенностью и моральной нормативностью.
5. Адаптационная сфера: развивать адаптационные способности и умение снижать уровень стресса.

Одним из методов снижения уровня стресса в полевой ситуации является воспроизведение данной ситуации в учебных условиях. Успешное разрешение задачи формирует определенные личностные характеристики, а закрепление опыта оставляет след в памяти индивида о том, что он умеет справляться с такими ситуациями и задачами. Тем самым, оказавшись в подобной стрессовой ситуации, он активизирует данный след, и влияние стресса будет снижаться. Для работы в заданных выше направлениях также важно обратиться к когнитивно-поведенческой психотерапии, базирующейся на корректировании иррациональных когнитивных структур (атрибуций и убеждений), которые оказывают негативное действие на переживания и поступки военнослужащего.

Немаловажной составляющей работы над повышением стрессоустойчивости является работа над саморегуляцией – контролем дыхания и расслаблением мышц.

Саморегуляция – это процесс управления своим эмоциональным состоянием, которое корректируется самим индивидом при помощи слов, мысленных образов, управления дыханием и мышечного тонуса. В результате этого процесса возникает успокоение, восстановление и активация. Благодаря процессу саморегуляции можно предотвратить накопление остаточных явлений после стресса – перенапряжения, истощения физических и психологических сил, а также нормализовать эмоциональный фон, усилить мобилизацию и оптимизацию ресурсов организма [8]

Одни из самых известных методик саморегуляции были описаны М. Сандомирским, Э. Джекобсоном и Х. Алиевым.

Методика саморегуляции М. Сандомирского используется для достижения релаксации, снижения мышечного напряжения и стресса через дыхательные техники в совокупности с управлением мышцами и движениями. Согласно методике, глубокое и медленное дыхание понижает возбудимость нервных центров и способствует мышечному расслаблению, а частое и поверхностное дыхание, наоборот, поддерживает высокий уровень активности человеческого тела.

Метод «Ключ» Х. Алиева подразумевает осознанные движения с чередованием напряжения и расслабления, которые помогают снять нервное напряжение и тем самым снять стресс.

Метод «Прогрессивной мышечной релаксации» Э. Джекобсона также способствует снятию нервно-мышечного напряжения и построен на контролируемом напряжении и полном расслаблении определенных групп мышц.

Таким образом, можно заключить, что стрессоустойчивость военнослужащих имеет важное значение для безопасности как самих военнослужащих, так и мирного населения, которое военнослужащие защищают. Существует немало факторов, которые должны учесть психологи и люди помогающих профессий при разработке мероприятий по профилактике стресса и повышению стрессоустойчивости у военнослужащих.

Библиографический список

1. Авдиенко Г.Ю., Гайворонский Г.О. Стрессоустойчивость военнослужащих войск национальной гвардии и программа по ее повышению // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2018. № 4 (5).

2. *Алиев Х.* Ключ к себе. Разблокирование скрытых возможностей. М., 2008.
3. *Апчел В.Я., Цыган В.Н.* Стресс и стрессоустойчивость человека. СПб., 1999.
4. *Барышева Е.И.* Стрессоустойчивость военнослужащих, находящихся в условиях локального вооруженного конфликта // Пензенский психологический вестник. 2020. № 1 (14).
5. *Безъязыкова К.Н.* Особенности формирования стрессоустойчивости у военнослужащих // Теоретическая и прикладная психология: традиции и перспективы. М., 2019.
6. *Бодров В.А.* Методы и средства повышения работоспособности летного состава // Военный медицинский журнал. 1983. № 11.
7. *Воробьева О.А.* Психологическая саморегуляция негативных эмоциональных состояний военнослужащих // Войска национальной гвардии РФ: история и современность: сборник научных статей. Новосибирск, 2021.
8. *Григорьева М.* Адаптационная готовность личности в современных условиях развития общества. Саратов, 2016.
9. *Епанчинцева Г.А., Козловская Т.Н., Семенова К.В.* О роли стрессоустойчивости в профессиональной деятельности военнослужащих // Научная ассоциация ученых (НАУ). 2018. № 11 (7).
10. *Китаев-Смык Л.А.* Психология стресса. М., 1983.
11. *Козлова И.Н.* Стрессогенность срочной службы в современной российской армии для военнослужащих по призыву // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013.
12. *Красковская В.* Повышение стрессоустойчивости у военнослужащих в экспериментальных условиях // Journal of Psychology. Special Pedagogy. Social Work (PSPSW). 2019. Vol. 56. Is. 3.
13. *Лемешева В.И., Солдатов Е.А.* Системные стрессы и способы формирования стрессоустойчивости военнослужащих // Известия Российской военно-медицинской академии. 2020. Т. 39. № 2.
14. *Лисовская Е.Э.* Взаимосвязь физической подготовленности и психологической устойчивости военнослужащих // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2021 № 2–3 (14–15).
15. *Лямзин Е.Н., Саванин И.А.* Фактор стрессоустойчивости как совокупность психологической и физической подготовки военнослужащих // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021 № 3.
16. *Мамойко Л.Л.* Индивидуальные особенности стрессоустойчивости и жизнестойкости у военнослужащих по призыву // Психологическая студия: сборник статей студентов, магистрантов, аспирантов, молодых исследователей кафедры прикладной психологии ВГУ имени П.М. Машерова. Вып. 13. Витебск, 2020.
17. *Новинская А.С.* Теоретический анализ представлений о стрессоустойчивости военнослужащих как фактора адаптации к экстремальным условиям // Сперанские чтения. Общество, государство, личность, общество: проблемы взаимодействия в современных условиях: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2022.
18. *Пезешкиан Н.* Психосоматика и позитивная психотерапия. М., 1996.
19. *Сандомирский М.* Как справиться со стрессом. М., Ярославль, 1995.
20. *Селье Г.* Стресс без дистресса. М., 1982.
21. *Селье Г.* Неизвестные силы в нас: когда стресс не приносит горя. М., 1992.

И. Литвинова

магистрант

Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт

Е.Н. Скрипачева

кандидат психологических наук, доцент кафедры психолого-педагогических
и театральных дисциплин

Московский информационно-технологический университет – Московский
архитектурно-строительный институт

E-mail: pkc_dialog@mail.ru

Приглашение к публикации

The invitation to the publication

Редакционная коллегия научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» принимает к рассмотрению статьи по актуальным вопросам архитектуры и строительства, языкознания и психологии.

С 21 февраля 2022 г. журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» (Перечень ВАК РФ), по следующим научным специальностям:

- 2.1.11. Строительные конструкции, здания и сооружения (технические науки);
- 2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (технические науки);
- 2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (архитектура);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (медицинские науки).

Научные статьи, поступающие в редакцию журнала, должны содержать следующие элементы:

- постановку проблемы, обоснование ее связи с важнейшими научными или практическими задачами;
- анализ последних исследований и публикаций (в том числе зарубежных) по исследуемой теме;
- формулирование целей статьи, постановку задач;
- изложение основного материала с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из исследования и перспективы дальнейших поисков в данном направлении.

Необходимым элементом статьи является библиографический список. Рекомендуется использовать ссылки на официальные источники (нормативные правовые акты, статистические данные и др.), на использованную научную литературу. Ссылки на собственные публикации являются некорректными.

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи. Автор гарантирует, что он обладает исключительными правами на представленное произведение (статью).

Количество авторов в статье не должно превышать трех человек.

Редакция журнала оставляет за собой право делать необходимые редакционные исправления и сокращения, принимать решение о тематическом несоответствии материала, предлагаемого для публикации.

Присланные в редакцию статьи, удовлетворяющие правилам оформления, проходят проверку на степень самостоятельности (используется Интернет-сервис «Антиплагиат») и подвергаются рецензированию. Срок рецензирования статей – 1 месяц.

Статьи представляются ответственным редакторам журнала в сроки, установленные графиком выхода номеров журнала.

График выхода журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института»

<i>Номер журнала</i>	<i>Срок представления статей в номер</i>	<i>Срок выхода номера из печати</i>
№ 1	До 01 февраля	Март
№ 2	До 15 апреля	Июнь
№ 3	До 15 июля	Сентябрь
№ 4	До 01 ноября	Декабрь

Требования к структуре рукописи

<i>Элементы структуры рукописи</i>	<i>Примечание</i>
УДК	Для присвоения УДК (Универсальная десятичная классификация) используются on-line ресурсы, http://teacode.com/online/udc/
Название статьи	На русском и английском языках
Инициалы и фамилия автора (авторов)	На русском и английском языках
Аннотация	На русском и английском языках. Должна содержать краткую информацию о статье и обязательно иметь четкую структуру: цели, методы исследования, актуальность, основные результаты. Объем – 100–250 слов
Ключевые слова	На русском и английском языках. 4–7 наиболее часто встречающихся в статье слов, отражающих ее содержание
Текст статьи	10–15 страниц, оформленных в соответствии с приведенными ниже правилами
Библиографический список	В соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008
Подробные сведения об авторе (авторах)	Все сведения указываются полностью, без сокращений: – фамилия, имя, отчество – ученая степень, ученое звание (если они есть) – должность и место работы – адрес электронной почты
Прочее	Не более одного абзаца: благодарственные слова; отметки о грантах, в рамках которых выполняется исследование и т.д.

Правила оформления текста научной статьи

Форма представления материалов	Электронная, Microsoft Word, *.doc или *.docx
Название пересылаемых файлов	Отдельными файлами высылаются электронные версии текста научной статьи и авторской анкеты. Названия файлов должны содержать фамилию первого автора и пометку о типе документа (<i>пример</i> : Иванов_Статья.doc, Иванов_Анкета.doc)
Формат страницы	A4
Поля	Все – 2 см.

Выравнивание текста	По ширине
Шрифт	Times New Roman
Размер шрифта	14
Межстрочный интервал	1,5
Абзацный отступ	1 см
Формулы и уравнения	Формулы и уравнения желательно набирать в редакторе Word обычными буквами и символами. Использование встроенного в Microsoft Word редактора формул допускается лишь при наборе наиболее сложных формул. Не следует использовать встроенный в Microsoft Word редактор уравнений. Не допускаются формулы и уравнения в виде изображений и сканов. Рекомендуются использовать только стандартные размеры кегля в меню «Размер» при наборе формул и уравнений
Графический материал (рисунки, схемы, графики, диаграммы)	Представляется в черно-белом варианте. Все рисунки, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название (<i>пример</i> : Рисунок 1. Динамика индекса потребительских цен), которое помещается после самого рисунка, выделяется жирным шрифтом и выравнивается по центру. Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены Times New Roman, размер шрифта – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на рисунки
Таблицы	Все таблицы, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название (<i>пример</i> : Таблица 1. Матрица БКГ), которое располагается перед таблицей и делится на две строки: в первой строке пишется курсивом слово «Таблица» с указанием ее номера (выравнивание – по правому краю), во второй строке – название таблицы жирным шрифтом (выравнивание по центру). Текст шрифта в графах таблицы – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на таблицы
Фотографии	В случае наличия фотографий в статье они должны быть продублированы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi
Количество рисунков и таблиц	Не более пяти
Ссылки на источники и литературу	Ссылки в тексте заключаются в квадратные скобки с указанием номера из библиографического списка – [5] или [5, с. 67]. Если ссылка включает в себя несколько изданий, то они перечисляются, разделяясь точкой с запятой: [5, с. 67; 8; 10, с. 204–208]

Библио- графический список	Библиографические описания изданий – как русских, так и иностранных – приводятся в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008. Библиографическое описание дается на том языке, на котором издание вышло в свет. Если среди источников есть нормативные правовые акты, они указываются в начале списка перед прочими изданиями. Издания на иностранных языках указываются в конце списка. В библиографическом списке недопустимы учебники, учебные и учебно-методические пособия. Доля самоцитирования – не более 5 %.
Объем статьи	10–15 страниц

Внимание! При несоблюдении требований к правилам оформления научных статей редакция имеет право отклонить присланный материал.

Редакция научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» доводит до сведения авторов, что издатель журнала заключил договор о передаче ООО «НЭБ» (РИНЦ) неисключительных прав на использование журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» в целом, так и произведений (статей) авторов путем создания их электронных копий и распространения любым способом, в том числе путем размещения в интегрированном информационном ресурсе в российской зоне интернета НЭБ, без выплаты автору и иным лицам вознаграждения. При этом каждый экземпляр произведения (статьи) будет содержать имя автора произведения (статьи).

Подписка осуществляется по каталогу ОАО «Агентство Роспечать».

Статьи направлять по адресу:

117342, г. Москва, ул. Введенского, д. 1А, каб. 8.25, ответственному редактору научных изданий Д.А. Семеновой.

Тел. 499-979-00-99, доб. 1134

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

№ 4 / 2022

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ:

Редакторы

Н.В. Бессарабова, Д.А. Семёнова

Редактор английского текста

Д.Л. Зигфрид

Компьютерная верстка

Н.В. Бессарабова

Дизайн обложки

А. Зернова

Подписано в печать 20.12.2022. Формат 60x90^{1/8}.
Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 9,75. Уч.-изд. л. 9,75.
Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»
117246, Москва, Научный проезд, д. 20, стр. 9, оф. 212
Телефон: +7 (495) 510-32-98